

Дмитрий
АЛЕЙНИКОВ

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Криминальный диагноз Д.Алейников

РУССКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Криминальный
диагноз

Дмитрий АЛЕЙНИКОВ

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Почему бы не помочь приятелю — тем более за хорошие деньги — перевезти на машине деньги, полученные не очень законным путем? Но машина, которую вел Олег Фетисов, попадает в аварию, в результате — криптомнезия, частичная потеря памяти, больница и срок. Но Олег все вспомнил, а главное, понял, что его подставили. Выйдя на волю, он вместе со своей приятельницей разрабатывает хитроумную комбинацию, чтобы отомстить бандитам и вернуть деньги. Но тут опять — провал памяти, рушатся планы, и события начинают разворачиваться совсем не так, как было задумано.

Криминальный диагноз

В серии издано:

Д. Алейников. Психология криминального

Д. Алейников

Д. Алейников

Д. Алейников. Криминальный диагноз

ISBN 5-7632-0967-2

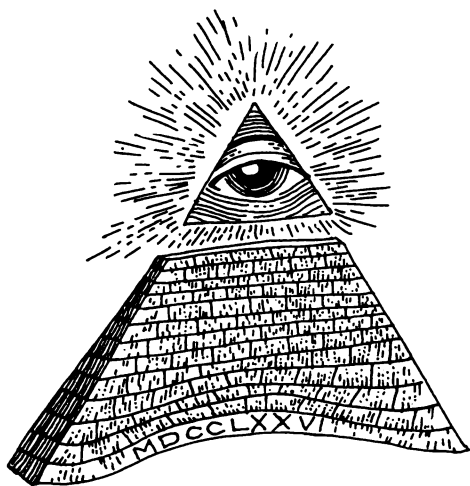
9 785763 209679

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Acemba

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дмитрий
АЛЕЙНИКОВ

Криминальный
ДИАГНОЗ

Москва
АРМАДА
АРМАДА-ПРЕСС
1999

УДК 82-312.4(02.044)
ББК 84(2Рос=Рус)бя5
А 45

*На фронтисписе
рисунок автора*

ISBN 5-7632-0967-2

© Алейников Д. А., 1999
© Художественное оформление,
АРМАДА-ПРЕСС, 1999
© АРМАДА, 1999

— Что это ты выдумываешь? — строго спросила Гусеница. — Да ты в своем уме?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Должно быть, в чужом. Видите ли...

Льюис Керролл.

Приключения Алисы в Стране чудес

Глава I

Хоть убей, не помню, как я оказался в море. Признание звучит ничего себе, оригинально, только думать об этом некогда. Вообще у меня не осталось ни одной мысли, кроме как о теплой ванне и стакане коньяка. Именно стакане, а не этом наперсточке, которые вошло в моду подавать гостям «в лучших домах». Сейчас я с удовольствием приложился бы прямо к горлышку армянской «гранаты», невзирая на то, что будут думать обо мне знакомые аристократы. Замерз я, милостивые государи, как последняя собака!

Нет, на улице-то тепло, лето в разгаре. Для нормальных людей покажется, наверное, что даже душно, но меня знобит так, словно я пальцы сунул в розетку. Пытаюсь закутаться в свою простыню, но при каждом шаге это импровизированное сари полощется, прихватывая очередную порцию свежего ночного воздуха и загоняя его вверх — от коленей и выше

по телу, до самых подмышек. Идти быстрее невозможно — прихваченные у санитарки тапочки так и норовят слететь и умчаться вперед. Будь это персеевы сандалии, такое рвение было бы полезно и похвально, но каждый раз делать несколько прыжков на одной ноге, обутой в тапочку с подобным норовом...

Утешало одно: до дома уже сравнительно недалеко, от силы минут двадцать. Правда, чем ближе я подходил к нему, тем настойчивее задавался вопросом, как попасть в квартиру, поскольку у меня не было ни ключей, ни документов, ни даже представления о том, что произошло за последние сутки. Как я попал в морг?! Кого бы огоршить этим вопросом?

Подобные сюрпризы память преподносит мне не впервые. Несколько раз я уже пребывал в состоянии новорожденного, не в силах выковырять из своих спутанных в клубок извилин даже собственное имя. Но об этом чуть позже.

Начну же я с того, как два часа назад открыл глаза. То ли проснулся, то ли пришел в себя, то ли просто «включился» после очередного провала памяти. Еще не подняв веки, я ощутил жуткий холод и понял, что лежу на чем-то далеком от моей родной двуспальной. Этот дискомфорт был вполне логично дополнен полумраком и неопишуемым смрадом, от

которого с удвоенным проворством подкатывала тошнота.

Чувствовал я себя как после капитальной попойки. Голова, желудок, мурашки... да что рассказывать? И так всем известно, как себя чувствуешь с бодуна.

То, что я лежу в мертвецкой, до меня дошло не сразу, ибо первые полминуты я был занят тем, что ощупывал себя, не желая поверить, что валяюсь не просто черт те где, но лежу в этом «черт те где» абсолютно голый. Потом я озирался, ориентируясь во времени и пространстве. Народ, разложенный в таком же виде справа и слева от меня, вел себя на редкость смирно. Ни дать ни взять тихий час в яслях. Только интерьер мрачноват. Я решил, что попал в вытрезвитель. А что я должен был подумать? Ну, не был я ни разу в жизни ни в вытрезвителе, ни в морге, не имею ни малейшего представления об их внутреннем убранстве. Не поверите, но даже когда я, привстав со своего ложа, увидел через «койку» от себя голую тетку, то нисколько не усомнился в своей версии. Попенял только на порядки в нашем здравоохранении. Дожили! Средних лет даму положили неглиже со столь же одетыми кавалерами. Хотя, может, и был в этом воспитательный момент...

Врать не буду: поняв, что передо мной женщина, я не потупил взор и не отвернулся в

смятении. Вообще говоря, голова у меня гудела так, что отворачиваться и вращать ею было крайне затруднительно. Это, конечно, не оправдывает того обстоятельства, что я окинул распростертое передо мной тело оценивающим взглядом. Замечу лишь, что, когда меня мутит, я меньше всего думаю об условностях и приличиях. А в оправдание свое скажу, что при более внимательном осмотре дама оказалась ничего себе. Она, пожалуй, была даже моложе тех средних лет, которые я ей дал сначала в потемках. Фигурка, конечно, уже не «топ», но все пропорции и округлости, как говорится, отвечают стандартам. Только беспорядок у нее в прическе. Постой-ка...

Делаю шаг, вытягиваю шею, чтобы понять, что это за дребедень у нее в волосах. Грязь, что ли?

И тут я вижу, что с головой у дамочки не все ладно. Причем мои проблемы с памятью по сравнению с ее бедой — сущие пустяки. Часть головы у нее, начиная от самых корней волос, просто отсутствует. Напрочь!

Можете себе представить? Ладный такой, маленький подбородок, пухлые губы, чуть приоткрывшиеся словно во сне, носик уточкой, от души покрашенные тенями веки с густыми, как немецкая зубная щетка, ресницами, выведенные в нитку брови, высокий лоб. А дальше — сущий ужас: ком из волос,

крови, какой-то травы и невесть чего еще. Нет у мадам макушки!

Как же так? Я отшатнулся от этого натюр-морта. Как же это можно, чтобы живых людей складывали вперемешку с трупами? Во, дает родная медицина!

Меня так расперло от возмущения, что я дернул за ногу ближайшего дядьку, чтобы разбудить его и сообщить, в каком развеселом соседстве он тут отсыпается. А нога у дядьки — шмяк на пол и — тюк! — пяткой о потемневший мрамор. Нет, нога была прикреплена к туловищу по всем правилам, просто не ведут себя так конечности у живых людей...

Короче, следующие пять минут пытаюсь свыкнуться с мыслью, что живой я тут один. Не самая веселая новость.

Где я? Дико озираясь по сторонам, ищу если не объяснение происходящему, то, по меньшей мере, определение этому...

Как в морге. Словосочетание это, аллегория, появившись в моем гудящем от перенапряжения черепке, вдруг представляется мне единственно разумным объяснением. Ну конечно! Где еще встретишь в такой уютной прохладной атмосфере столько покойников за раз?

Открытие это, внеся хоть какую-то ясность в мое теперешнее положение, сначала обрадовало, но следом возник вопрос: чем ру-

ководствовались люди, определившие меня в эту компанию?

Тут-то меня и скрутил озноб, буквально сдиравший с тела кожу и вознамерившийся, кажется, как минимум вытрясти из меня мою грешную душу. Даже ощущение похмелья отошло на второй план.

Сжавшись в комок и натянув струнами все мышцы, я вернул себе отчасти способность управлять своим телом и ринулся к выходу.

Окажись дверь запертой, я бы, наверное, скончался бесславно от разрыва сердца, и местным труженикам осталось бы только позднее оттащить меня на место, ворча по поводу неугомонности современных покойников. На всякий случай заранее приношу извинения за беспокойство труженикам этого невидимого фронта.

Дверь была открыта, и я вылетел в нее, как канарейка выпархивает на волю из незапертой клетки. Принимая во внимание мою первозданную наготу, можно еще сравнить мой выход в эту дверь со вторым появлением на свет, но, по-моему, и так достаточно медицинских деталей и деталек.

Выпорхнув из двери, я увидел наконец живого человека. Человеком этим была девушка в халате и медицинской шапочке, с трудом державшейся поверх снопа рыжих кудряшек. Маленького росточка, полненькая такая дев-

чушка-дурнушка с намазанными морковного цвета помадой толстенькими губками, которые при моем появлении образовали круг, напоминающий по форме свежий пончик. Отвлеченная моим вторжением от книги и тетради, девушка подняла на меня свои красные от переутомления глазки. Глазки тут же выпучились, рот, повторюсь, принял форму пончика и выпустил из груди девушки то ли слабый вскрик, то ли всхлип, то ли стон.

Моим первым порывом было прикрыть свою чисто мужскую атрибутику и извиниться за бестактность, но я опоздал. Не издав более ни звука, толстушка закатила глаза и плюхнулась со стула. Что-то подсказывало мне, что отнюдь не мои тела произвели подобный эффект. Скорее всего, сестре показалось необычным, что один из трупов припелся вдруг со своего погоста к ней на пост.

Возможно, было бы гуманно привести ее в чувство, поднять с холодного пола и оказать прочие знаки внимания одного цивилизованного человека другому, но неопределенность моего статуса на тот момент удержали меня от благих поступков. Проще говоря, мне нужно было сматывать удочки, уносить ноги, рвать когти, пока никто не засвидетельствовал моего воскрешения. Неплохо бы еще вспомнить или выяснить, почему вместо Амстердама я оказался в обители жмуриков. В общем, я

решил воздержаться от оказания первой помощи. Как знать, оклемайся эта любительница чтения, и раньше врача здесь могли бы оказаться ребята Валдиса со своими пушками наперевес. Уж они бы понаделали во мне столько дыр, что никакая живая водица не подняла бы меня снова.

Кстати... Хотя было ясней ясного, что меня определили в родной морг, и сестра, валявшаяся где-то под столом, была моей соотечественницей, я решил убедиться в своей правоте, а заодно и попытаться прояснить обстановку. Я поднял книгу, из которой что-то выписывала в тетрадь толстушка. Да, книга, слава Богу, была на русском. Гоголь Н. В.

«Поднимите мне веки...» Нашла, дуреха, что читать на таком дежурстве!

Я положил книгу на место. Перегнувшись через стол, посмотрел на часики девушки. Два тридцать пять ночи. Отошел от стола. Меня теперь гораздо больше занимала бумажка на стене, вставленная для солидности в рамку, — план эвакуации при пожаре. Я не собирался поджигать этот гостеприимный дом, меня интересовали две вещи. Во-первых, как выйти на улицу, а во-вторых, где я нахожусь. Ответ на первый вопрос можно было получить, изучив хитросплетение красных стрелок. Второй ответ притаился в правом верх-

нем углу, над визой начальников, утверждавших программу спасения сотрудников.

Оказалось, все не так уж плохо. Я находился недалеко от выхода, а само заведение, в подвале которого я в данный момент располагался, было довольно близко от моего дома. Только вот как преодолеть эти несколько километров нагишом по московским улицам?

Осмотр помещения не дал особых результатов. Я обнаружил два халата, влезть в которые у меня не было шанса, и две пары тапочек. Одну пару с трудом, но натянул на ноги. Еще я обнаружил каталку (или как там она называется?), застеленную простыней. Вторая простыня лежала, сложенная в головах мобильного ложа. Я схватил эту простыню и завернулся в нее. Не потому, что решил путешествовать в таком виде, а просто чтобы немного согреться. Я даже пытался внушить себе сначала, что каталка эта оборудована для отдыха дежурного, потом — что простыня, судя по всему, еще чистая, не использованная по назначению. Увы, гипнотизер из меня не вышел. Тем более что даже при плохом освещении были заметны разводы и застиранные пятна.

Я решил продвигаться к выходу, теща себя надеждой подыскать что-либо более приличное. Шлепая потертыми тапками, поковылял по коридору, сверяясь по памяти с планом

эвакуации. За исключением двух клеенчатых фартуков, ничего, что могло бы пополнить мой гардероб, не попало.

Впереди, за поворотом, слышалось какое-то движение. Кажется, шепот и осторожные шаги. Приближаюсь к углу и прислушиваюсь. Голоса молодые: парень и девушка. Спорят о чем-то, слов не разобрать. Но совершенно точно, что они подходят все ближе.

Оглядываюсь в отчаянии — прятаться негде. А ведь на сей раз на меня могут посмотреть не как на живой труп, а как на мужчину, бродящего голым в служебном помещении. Невесть что могут обо мне подумать. Плюс еще дежурная в обмороке. Доказывай потом, что ты не извращенец!

Голоса раздались совсем рядом. Очевидно, нас разделяло всего несколько шагов. Нужно было принимать решение. Упасть на пол, притворившись потерявшимся по дороге трупиком? Броситься вперед и прорваться с боем? Или бежать назад, приводить в чувство толстушку и просить ее подтвердить, что я не покушался на ее честь и достоинство? А вдруг ей под Гоголя привиделось не совсем то, что произошло на самом деле?

Стоп! Вспомнив про Гоголя, я нашел, кажется, оригинальный ход.

Накидываю простыню на манер мушкетерского плаща. Вытягиваю руки прямо перед

собой, расслабляю кисти. Напрягаю мышцы шеи так, что нижняя губа оттягивается к подбородку, выставляя напоказ плотно сжатые зубы,— получается улыбка «вверх ногами». Голову чуть запрокидываю, ноги ставлю на ширину плеч. И так стою, поджидая идущих мне навстречу.

Первым осторожно выглядывает парень. Озорное выражение исчезает с его лица, он застывает морской фигурой, не сводя с меня глаз. Следом появляется мордашка его спутницы. Эта реагирует иначе: распахивает на всю ширину рот и тут же зажимает его ладонью.

Немая сцена. Эффект, произведенный моим экспромтом, не столь сногшибателен: молодые люди в обморок не падают. Теперь мы стоим, любуясь друг другом. Ребята парализованы страхом, но пройти между ними невозможно: они перекрывают путь. Нужно развивать успех, и я цитирую классика.

— Душно мне,— произношу я загробным голосом. Кстати, с таким оскалом на лице, как у меня, говорить нормальным голосом просто невозможно.

Парень бледнеет до полупрозрачного состояния, но не двигается с места. Зато девушка проявляет больше уважения к представителям потустороннего мира. Она проворно отступает, прижавшись к стене. Это движение

отнимает у нее последние силы, и девушка оседает на пол. Путь открыт. Торжественно направляюсь к выходу.

Теперь времени на гардероб уже нет. Надо сваливать отсюда, пока эти двое не очухались, а очухаются они быстро.

Последней преградой на пути становится дверь на улицу. Отодвигаю засов, пробую ее плечом. Дверь крепкая, но замок — дрянь. Отхожу на шаг — удар! — и вот я на улице. Кутаюсь поплотней в простыню и начинаю свой путь домой.

Самое простое, конечно, остановить машину и попросить довезти. Рассчитаюсь, мол, на месте. Вот только в моем наряде я, наверное, не внушу доверия. И это еще полбеды. Что-то ждет меня дома?

И вот я шагаю по улицам родного города.

Минут сорок назад возле меня притормозила патрульная машина. Бдительный страж порядка окликнул меня, опустив стекло, и поинтересовался, кто я такой.

А кто я такой? Человек в простыне и рваных тапочках.

Наплел, что, мол, журналист. Делаю репортаж о кришнаитах. Внедрялся в среду, теперь возвращаюсь домой...

Уяснив главное, что я трезв, поговору — москвич и денег у меня при себе нет,

они потеряли ко мне интерес и, не дослушав, дали по газам, умчавшись в сторону центра.

По пути несколько раз попадались таксофоны с «жетоном». Набирал свой номер. Занято. Мои подозрения усиливаются: произошло что-то скверное. С другой стороны, это говорит о том, что в квартире нет засады — охотники позаботились бы, чтобы все было в порядке. Хотя, как посмотреть... Смотря, кто кого ждет. Если хотят заловить моих гостей, то занятый номер телефона — неплохой аргумент в пользу того, что я дома...

В любом случае, я топал домой. Других вариантов у меня не было.

Добравшись наконец до своего подъезда, я принялся за многоходовую комбинацию проникновения в собственную квартиру.

Первый этап — домофон — был преодолен сравнительно легко. Сначала я набрал свой номер, никто не ответил. Потом позвонил одному пропойце и хриплым голосом сообщил, что несу выпить. Не понадобилось даже представляться или отвечать на вопросы, почему так поздно. Не дождется алкаш своей порции. Пусть думает, что это был волшебный сон.

Сложнее оказалось попасть в квартиру. Вскрыть дверь я даже не пытался. Делал-то для себя, по последнему слову техники. У меня был другой план. Я частенько думал об

этом способе проникновения в мое обиталище, и откровенно недоумевал, почему им не пользуются вору. Способ этот казался мне необычайно простым.

Я живу на последнем этаже. Проникнув на технический этаж, который никогда не заперт на случай, если откажет лифт и нужно будет перебираться по этажу из подъезда в подъезд, можно было спуститься на козырек моей лоджии. Дальше — по веревке на лоджию. Ну, а высадить стекло и открыть балконную дверь уже смог бы любой дурак.

И вот судьба предоставила мне шанс убедиться, насколько доступен этот маршрут. Должно быть, для большего моего удовольствия она не дала мне никакой экипировки, чтобы проделать этот трюк. Нужна была веревка, и единственное, что я мог сделать, — использовать свою простыню. При этом я лишился последнего одеяния, и в случае неудачи дожидался бы утра, соседей, милиции и ребят Валдиса в состоянии «гол как сокол». Не считая тапочек, разумеется.

Я поднялся на технический этаж. Взглянув сверху на козырек своей лоджии, обнаружил, что кроме листа железа в поле зрения попадает еще и пейзаж «Ночной город с высоты птичьего полета». Зрелище симпатичное. Симпатичное, когда тебе не предстоит повиснуть над этим городом на высоте полусотни мет-

ров, противопоставляя встающему на горизонте солнышку свою голую задницу. Не прибавлял оптимизма и ветер, праздно разгуливавший здесь, на высоте, посвистывая, похлопывая всем, что висит, и поигрывая всем, что плохо лежало до его появления.

Я бы посидел немного, медитируя и сосредотачиваясь на предстоящем трюке, но времени настроиться не было: предрассветный холодок грозил намертво сковать мышцы, и тогда уже не было бы и речи о воздушной акробатике.

Пора. Я несколько раз глубоко вздохнул, быстро присел и, упав вперед на руки, сделал полдюжины отжиманий. Немного отогрев таким образом мышцы, я сорвал с себя простыню и одним рывком разорвал ее надвое. Затем скрутил две полосы и связал их между собой узлом.

Узлы вязать я не мастер, но, как вы сами понимаете, хотел связать куски покрепче, так что узел получился здоровенный и сильно укоротил мои жгуты. Закрепив один конец моей импровизированной веревки, я выбрался на козырек.

Я опасался, что железо будет скользким от росы. Капли влаги действительно были, но сцепление оказалось вполне приличным, а резиновые подошвы тапочек вообще стояли мертво. Мне повезло, что давно не шел дождь.

Развернувшись ногами в сторону края, я лег на козырек. Вцепившись в веревку, свесил ноги в пустоту. Ветер тут же принял меня в свою веселую игру, норовя раскачать и стащить с козырька: дескать, полетаем до завтрака? Тапочки тотчас сорвались и упали вниз. То, что я лишился последних предметов одежды, было уже непринципиально, но все-таки...

Я сжал ткань мертвой хваткой так, что кончики пальцев тут же отогрелись, а ладони даже стали влажными. Поерзав на животе, опустил вниз часть туловища. Небольшую часть, нижнюю. Ветер, похоже, неправильно понял мое движение и истолковал его как неприличный намек. Теперь его игры приобрели некий эротический оттенок.

Чтобы опуститься ниже, нужно было перехватить веревку. Упражнения на канате никогда не вызывали у меня проблем. Подняться, спуститься — пожалуйста. По физкультуре у меня всегда были отличные отметки. Я и представить себе не мог, что сделать это на большой высоте раз в сто труднее, чем в гимнастическом зале. Теперь же пальцы категорически отказывались разгибаться и ослаблять хватку. Соответствующие мозговые центры также саботировали мои команды, переподчинившись первобытному инстинкту самосохранения.

Обжигая ладони, я начал передвигать руки по жгуту. Передвинув их немного, снова перерзал и свесил вниз еще часть туловища.

Край козырька больно врезался в ребра. Висеть так было довольно тяжело. Нужно форсировать спуск, пока руки не подвели.

Меня вдруг начал разбирать смех. Я подумал, что в квартире, возможно, все-таки есть засада, и представил себе их лица, если они наблюдают за моим спуском снизу, из квартиры. Это, пожалуй, даже похлеще, чем впечатления медиков в морге!

Смех начал трепыхаться во мне, грозя перерасти в истерический. Если бы это случилось, я неминуемо сорвался бы. Черт, я претендовал бы сразу на два приза. Один в номинации «Самый беспокойный труп», второй — «Самый веселый покойник»!

Я заерзал, опускаясь еще ниже. Нужно было нащупать ногами перила лоджии. Тогда можно будет считать операцию завершенной.

Обдирая кожу на груди, я сползал все ниже. В какой-то момент ветер качнул меня сильнее, и я пребольно ударился голенью о кирпич. Оказывается, я уже давно опустился до нужного уровня. Встав ногами на перила, присел, ухватился рукой за арматуру крыши, нырнул под козырек и спрыгнул на лоджию.

Балкон был открыт, так что мне не пришлось даже бить стекла. Войдя в квартиру, за-

сады я не обнаружил. Но и без того впечатлений хватало — все было перевернуто вверх дном: ящики выдвинуты, вещи разбросаны, кровать поставлена на попа, подушки и матрас вспороты и выпотрошены. Даже с аппаратуры были сняты крышки.

Я заметался, не зная, за что схватиться. Главной моей проблемой в тот момент был холод. Прежде всего — согреться!

Стараясь ни на что не наступить босыми ногами, я вышел на кухню, по пути подхватив одеяло, которое немедля накинул на плечи. Обыск не был абсолютно бескорыстным. По крайней мере, две бутылки коньяка я обнаружить не смог. Пришлось довольствоваться водкой. Три глотка обожгли горло, но не согрели. Больше пить не стоило: нужна была ясная голова. Кутаясь в одеяло, я побежал в ванную, где меня ждал сюрприз: горячей воды не было.

Глава II

Отогревшись более или менее, я предпринял экскурсию по квартире, в ходе которой наткнулся на останки телефона и обнаружил свой бумажник, освобожденный от наличности, а также изрядно растрепанный ежедневник.

Взяв обе находки, я подошел к столу, смел с него рукой вещи и положил бумажник и ежедневник. Передо мной стояла нелегкая задача: попытаться если не вспомнить, то по крайней мере понять, что произошло со мной накануне.

Память время от времени подкладывает мне свинью, выдергивая из моих архивов несколько листов. Так что словно просыпаешься после долгого сна, а оказывается, случилось нечто, в чем ты принял самое живое участие. Жить так, постоянно ожидая подво-

ха от собственной башки, довольно тяжело, но надо.

Как-то раз я «включился», стоя на автобусной остановке. Вот был номер! Я стоял, испуганно моргая, и пытался понять, какого лучшего я здесь делаю: еду куда-то или приехал, встречаюсь с кем-нибудь или считаю проходящие автобусы по заданию депутата Городской думы.

Как завидуешь в такие минуты тем, кто поражен обычным недугом, увечен или уродлив с детства! Ведь их изъян очевиден окружающим. Если и не всякий бросится помочь колченогому или слепому, то уж по меньшей мере для всех будет очевидна их ущербность. Никто, за редким исключением, не обидит калеку, и уж подавно не удивится тому, что безногий опирается на костыли, а прокаженный чешется. А попробуйте-ка тронуть прохожего за рукав с признанием типа: «Простите, пожалуйста, за беспокойство. У меня ретроградная амнезия, и я как раз забыл, кто я и где нахожусь. Не поможете мне разобраться?» Считайте, вам повезло, если соотечественник только вырвет руку и удалится прочь. Очень даже могут обругать или в глаз дать. За что? Пространная тема. Проще вам самим попробовать и убедиться, что так оно и обстоит.

Чтобы хоть как-то облегчить свою участь, я разработал целую методику по реанимации

в памяти всего связанного с такими «вымаранными» периодами и заполнению белых пятен. Сейчас было самое время прибегнуть к моей разработке.

Прежде всего, для разминки, я убедился, что помню свои имя, биографию и прочую «базовую» муру. Разминка прошла успешно. Я, Олег Дмитриевич Фетисов, 1966 года рождения, москвич, высшее техническое... Все в лучшем виде, хоть садись за мемуары.

Не менее отчетливо я помнил Наташку и наш план. Помнил, как проводил ее и отправился домой ждать у телефона. На этом, как говорится, пленка обрывалась. До дома я, видимо, добрался. Дальше, по плану, меня должны были навестить боевики. Очевидно, навестили. Может, мне дали по голове и я вырубился? Но какой смысл отключать хозяина и устраивать обыск, вместо того чтобы порасспросить у него, где лежит то, что нужно? Ребятam Валдиса нужны были деньги. Деньги их шефа или товар, в существовании которого они, похоже, уже сильно сомневались, и были, кстати сказать, правы.

Денег они, я так понимаю, не нашли. Откуда бы они взялись? Но что же, черт возьми, произошло, и как я оказался в подвале мертвецкой? Вот что неплохо узнать или вспомнить. Иногда в черноте таких провалов вспыхивали светлые пятнышки: тот или иной

фрагмент выскакивал из небытия, словно бутфорский монстр из «Пещеры ужаса», исчезая так же неожиданно-негаданно, как и появляясь. Иногда эти островки появлялись сразу, иногда я натыкался на них, следуя какой-то ассоциации, спустя изрядный срок.

Сейчас зацепиться было не за что, но всегда можно понять что-то, просто рассуждая логически. Так, совершенно очевидно, что накачанные мальчики моего облапошенного компаньона не пытались выяснить у меня, где деньги. Вывод этот я сделал, просто осмотрев себя: нигде нет ни синяков, ни ссадин, кроме тех, что я получил, спускаясь в квартиру.

Я вспомнил о простыне, все еще болтающейся на козырьке. Надо бы снять ее, а заодно внимательно взглянуть снаружи на свою дверь.

Итак, меня не пытали. Но ведь они здесь побывали. И визит их совпал с моим очередным «выпадением в осадок». Может быть, я просто очень испугался? Шок от страха и вызвал это замыкание в мозгу.

Объяснение казалось вполне логичным, но не удовлетворяло до конца. Во-первых, капризничало мужское самолюбие, не желавшее признать, что я мог так испугаться. Во-вторых, не с чего мне было так пугаться. Я ведь ждал, что они появятся. Это было частью нашего с Натальей плана.

В-третьих, существовала статистика рецидивов заболевания. Если не было удара по голове, провал в памяти никогда ранее не отхватывал более двух-трех часов. В данном случае выпало более суток. Возможно, болезнь прогрессирует, но в это хочется верить еще меньше, чем в то, что я трус.

Нет, должно было быть что-то. Наверное, мне все-таки дали по кумполу. Может, не нарочно, может, даже дверью ударили, врываясь в квартиру, или врезали, задавая первый вопрос. Голова у меня, знаете, слабое место. С тех самых пор, когда началась эта канитель с амнезиями...

Когда в девяностом кооперативное движение, основательно переваренное в собственном соку, хлынуло через край отведенного ему котла, норовя если не затопить, так забрызгать все сферы нашей жизни, в стране появилась такая заморская диковина, как товарная биржа. По большей части, на ней работали сырьевики или мелкие коммерсанты, предлагавшие продукцию родных предприятий. Все, в основном, пытались продать. Причем предлагались такие безумные объемы сделок, что дух захватывало: сто миллионов тонн сахара, миллиард галлонов нефти, полмиллиарда кубов газа, мегатонны медной ру-

ды. Суммы назывались астрономические. Терпкий аромат богатства щекотал ноздри новоиспеченных брокеров, каждый из них ждал своего звездного часа. Самое забавное, что для некоторых час этот приходил.

Попал в число удачливых брокеров и отец Валдиса. Правда, сделка, заключенная им, не вписывалась в биржевые правила. Это был бартер. Наша «нержавейка» отправлялась в Японию. Из Японии шли два контейнера компьютеров. Спрос на ЭВМ был в то время безумный, и сбыть технику не составляло труда. Таким образом, на отца Валдиса ложилась ответственность за трехходовую комбинацию: проконтролировать отправку металла, встретить контейнеры с электроникой и, продав их, привезти деньги из столицы на сталелитейный завод. Отправить и встретить груз было просто, а вот везти чемодан денег за тысячу километров представлялось небезопасным.

Основная проблема заключалась в том, что деньги нужно было везти именно наличными. Отправлять их через банк было чревато как тем, что они «засветятся», так и тем, что они просто потеряются в лабиринте банковских проводов.

Существовало три варианта транспортировки денег. Можно было обратиться в государственные структуры, что не годилось все по той же причине «засветки». Можно было

нанять охранников. Но о коварстве недавно созданных агентств уже ходили легенды, да и цены за их услуги были такими, что поглотили бы все комиссионные, причитавшиеся брокеру. Оставался третий путь. Сесть в машину, взять с собой трех надежных людей и ехать, не привлекая к себе внимания и не нарушая правил дорожного движения, по второстепенным магистралям. Желательно, чтобы все сопровождающие имели водительские права: тогда можно было бы ехать без остановок.

С Валдисом мы учились тогда на одном курсе в МАДИ. Особо близкими друзьями не были, но в студенческих гульбищах участвовали регулярно и добросовестно. Машину я водил отлично, имел разряд по боксу в сочетании с высоким ростом. Может, выбор Валдиса был вполне логичен, но я, честно говоря, удивился, когда он предложил мне стать четвертым в этой экспедиции. Предложил, естественно, не за так, что и подвигло меня оставить лишние вопросы при себе. Тем более, что единственным условием было никому не рассказывать, с кем и куда я еду. Ударили по рукам.

На следующий день мы сели в потертый «Москвич», принадлежавший даже не отцу Валдиса, а его знакомому, Алексею Андреевичу, который также входил в наш квартет.

Старого образца, потертый и, надо думать, специально не помытый, этот лимузин вряд ли мог привлечь внимание обычных налетчиков. Сели и поехали. Вот так просто. Ответственная миссия ничем не отличалась от загородной поездки. За исключением потертого дорожного чемодана, запрятанного в специально оборудованный тайник под задним сиденьем.

Отец Валдиса без конца рассказывал про свою послевоенную жизнь в Прибалтике, хвастал свиньями, утками и чистотой на улицах. Его знакомый вел машину молча — то ли был от природы неразговорчив, то ли не хотел отвлекаться от дороги. Мы же с Валдисом молчали из вежливости, не желая перебивать старшего.

Очередь пересесть за руль дошла до меня, когда до Нижнего оставалась пара сотен километров. Старые машины имеют, конечно, свои недостатки, но в целом техника вполне надежная. Чтобы угнеститься за рулем, мне пришлось сдвинуть назад сиденье, и оно уперлось в колени Алексею Андреевичу. Я извинился за беспокойство и вежливо предложил ему пересесть в середину, но тот отказался, хотя сидеть в раскоряку несколько часов кряду было тяжело.

Поехали. Я чувствовал себя за рулем совершенно свободно. Погода хорошая, дорога

почти пустая. Но хотелось оставить о себе хорошее впечатление, и я не отвлекался, с сосредоточенным видом следя за дорогой и не разгоняясь быстрее оговоренных восьмидесяти, тем более что не был уверен, выдавлю ли я столько из этой развалюхи.

Штурманом у нас был отец Валдиса. Он развернул на коленях карту и следил за соблюдением намеченного на ней маршрута. По-моему, он сильно перестраховался, вычерчивая этот меандр, а может, просто не знал, что часть выбранных им дорог — грунтовые.

Через десять минут после того, как я пересел за руль, мы и выехали на первую такую дорогу, сплошь изъеденную оспинами ям. Пришлось сбросить скорость сначала до шестидесяти, потом до сорока. Вслух я, разумеется, ничего не сказал, но и так было все понятно. За полчаса пути нам не попало не то что машины — повозки или пешехода. Видать, нормальные люди эту дорогу не жаловали.

В «Москвиче» воцарилась тишина. Все напряженно следили за моим вальсом по колдобинам и рытвинам. Меня самого так поглотил этот процесс, что я не сразу заметил армейский «газик», кативший нам навстречу из-за поворота. Военным что? Водитель этого зеленого коробка на колесиках жал себе на газ, нимало не заботясь о казенной технике, отче-

го машина подпрыгивала, как огромный кузнечик.

Когда расстояние между нами сократилось до ста метров, я принял вправо, чтобы оставить между нами максимальный запас. В этот момент «газик» то ли предпринял непонятный маневр, то ли его просто подбросило на неровной дороге, но он вильнул в нашу сторону.

Прежде чем я успел что-то сделать, Валдис и Алексей Андреевич заорали дурными голосами: «Осторожней!», а Валдисов папаша, будь он неладен, вцепился в руль и рванул вправо. Машину нашу подбросило, и я обо что-то здорово долбанулся головой.

От этого удара я впервые в жизни потерял сознание и память.

Очнулся в больнице. Вернее, не очнулся, а пришел в себя, начал понимать, где я, что я и все такое. Я лежал на койке у окна. Голова забинтована, на шее — пластырь, а в остальном я был цел и невредим.

Доктор обрадовался, что я начал соображать, но сразу скис, как только я стал задавать вопросы о своих попутчиках.

— К сожалению, — говорит, — вы ехали в машине один.

— Как один? — спрашиваю. — Нас четверо ехало. Я за рулем, один спереди и двое сзади.

Что с ними случилось? И вообще, объясните мне, что произошло там, на дороге.

Врач начал убеждать меня успокоиться, прежде чем он ответит на мои вопросы. Я демонстративно положил руки на колени и принял позу, словно фотографируюсь на паспорт: вот, дескать, какой я спокойный.

И врач выдает мне вот что. Я ехал на машине. Один! И вез деньги по заданию своего начальника. Неизвестно почему, я свернул с шоссе на проселочную дорогу. Там я не справился с управлением и въехал в лес. Машина застряла между деревьями. Я ударился головой и потерял сознание. На мое счастье, по этой же дороге ехали эксперты «Гринпис». Они вытащили меня из машины. Причем вытащили за минуту до того, как машина загорелась и взорвалась. «Зеленые» погасили пламя во избежание лесного пожара, а затем привезли меня в эту больницу. Можете себе представить, как мне «понравилась» эта петрушка?

— Извините,— говорю я, сжав кулаки, но удержав руки на коленях,— а вы, доктор, ничего не путаете? У меня почему-то впечатление, что ехал я не один. И ни в какой лес я не въезжал. И вообще, то, что помню я, сильно отличается от того, что вы тут плетете. Как вы это объясните?

— Очень просто,— не моргнув глазом, отвечает этот гад в халате.— У вас была тяжелая

травма, вследствие которой наблюдается криптомнезия, то есть нарушение памяти, выражающееся в ослаблении способности отделить реально имевшие место события от событий, увиденных во сне, услышанных, прочитанных...

— То есть,— перебиваю я эскулапа,— вы хотите сказать, что у меня крыша съехала?

— Не съехала, а...

— Потекла,— подсказываю.— То есть я маленько спятил?

— Да нет же. Отнюдь вы не спятили.— Доктор вскочил и начал мотаться по комнате, рассказывая о загадочных явлениях человеческой психики. Ему бы самому успокоиться, а не меня успокаивать.

— Бред все это. Я не мог ехать один, потому что... — И тут меня осенило.— Как вы сказали? — уточняю я.— Я ехал по заданию своего начальника? Кто же этот начальник?

Доктор начал шарить по карманам и достал сложенный листок. Развернул и прочитал вслух:

— Гришаев Алексей Андреевич, кооператив «Огни Урала»...

Единственный Алексей Андреевич, который приходил на ум, был тот, в машине.

— А где он сейчас? — снова перебиваю доктора.

— Кто? Ваш начальник?

— Паяльник, а не начальник! — Начальников мне только не хватало. — Гришаев этот где?

— Он приедет сегодня вечерним поездом.

— Откуда?

— Как откуда? Из Москвы конечно же. Мы связались с ним, сообщили об аварии. Он был очень взволнован, сказал, что выезжает немедленно...

— А как он в Москву попал? — тупо спрашиваю я.

— А он и не уезжал никуда, — вкрадчиво говорит врач. — Он из Москвы не уезжал. Вы поехали один, на его машине. Установив владельца, мы связались с ним и сообщили о случившемся.

Я обхватил голову руками. От таких новостей протечет в десяти местах любой чердак. Но признавать, что сошел с ума, я не собирался. Впрочем, объяснить как-то происходящее тоже не мог. Во всяком случае, пока. Нужно было отдохнуть, а то от мельтешения доктора перед носом у меня закружилась голова.

Я послал этого умника подальше, лег и проспал до вечера.

Вечером в палату вкатился Гришаев в сопровождении моего доктора. Разумеется, это был тот самый Алексей Андреевич. Я сперва обрадовался, но и Гришаев начал мне доказы-

вать, что я ехал один. Причем, нес такую же ересь, что и доктор: будто я вез их поганые деньги, ехал один и все такое. Признаться, был такой момент, когда я поверил в то, что у меня приключилась беда с головой. Но именно в этот момент врач вышел, а Гришаев, плюхнувшись на край моей кровати, затараторил свистящим шепотом:

— Слушай, ну ты настоящий мужик! Прикрыл нас конкретно. Машина когда загорелась, мы тебя успели вытащить, а бабки — нет. Сиденье заклинило, черт бы его... Короче, слушай. Если мы расскажем, как все было, то это вилы для всех четверых. Ну, главные проблемы будут, честно говоря, у меня. Так что деловое предложение. Ты подтверждаешь, что ехал один. Я тебе башляю двадцать пять штук. Все целы, все довольны. А? Как смотришь?

Если я не спятил раньше, то после этого предложения у меня появился реальный шанс наверстать упущенное. Выходило, что я запомнил все верно. Мы ехали вчетвером. Произошла авария, машина сгорела, и эти шустрые ребята быстро сообразили, как спасти свои задницы, подставив под удар мою. Правда, они предлагают мне джентльменское соглашение и материальную компенсацию за мои сказки. Двадцать пять штук — сумма. Стоило подумать над этим предложением.

— И что мне нужно будет сказать? — начал я переговоры.

— Что ехал один, попал в аварию... Все.

— Кстати, а что там случилось, на дороге?

— Да что случилось! Прапорщик, пьянь эта! Мотнуло его прямо в лоб нам. Ты в сторону. Колесо попало в яму, и мы полетели в лес. Валдис, кстати, тоже здорово башку разбил...

— А прапорщик?

— Да что прапорщик! Сука драная. При тормозил слегка, посмотрел в зеркальце и дальше почесал...

«Почему прапорщик и почему пьяный? — подумал я.— Как он это определил, если тот даже не остановился?»

— Ясно,— сказал я вслух.— Значит, вы хотите списать все на меня.

— Ну...— Формулировка не совсем понравилась Гришаеву, но не слишком смутила его.— Примерно так.

— А что мне за это будет? — задал я резонный вопрос.

— Что будет? Ну, во-первых, как я уже сказал, двадцать пять тысяч. Во-вторых, конечно, потреплют нервы следователь и какие-нибудь людишки с завода. Но тут ведь все ясно: несчастный случай. Форс-мажор, так сказать. На худой конец, права отнимут. Но тебе ведь пересдать — раз плюнуть.

— А что следовательно? — насторожил меня этот нездоровый оптимизм.

— А что следовательно? Нет у нас статьи за попадание в аварию. Тем более, что ты... — Гришаев ухмыльнулся.— Здорово ты придумал с этой амнезией. Даже доктора поверили. Так что ты вообще блаженный. А с блаженного на Руси взятки гладки.

У меня остался последний вопрос, который я собирался задать.

— А почему врач говорит, что меня привезли какие-то «зеленые»?

— «Зеленые»? Так они еще и зеленые были? Забавно.— Гришаев странно улыбнулся.— Ну, тут дело в следующем. Мы же не могли тебя бросить. Пришлось дожидаться в кустах, пока кто-нибудь проедет и заберет.

— Но они говорят, что машина вспыхнула у них на глазах.

— Да? Врут, козлы.

— Зачем им врать?

— Мало ли. Может, надеялись на медаль за героизм. Они такие штуки любят... Да ты что, не доверишь мне?!

Я сказал, что доверяю. Мы заключили сделку. Так я впервые потерял кусок из своего прошлого. Но тогда я не жалел о нем: двадцать пять тысяч были достойной компенсацией за пару страниц памяти...

Глава III

Нет, в этот раз по голове меня не били. Осталась бы шишка, а тщательно ощупав свой черепок пальцами, я ничего не обнаружил. Что ж, будем действовать дальше по моему методу воскрешения забытых событий.

Открыв ежедневник на нужном месте, я убедился, что последних страниц в нем нет. Жаль, но ничего не поделаешь. Я стал выкладывать на стол содержимое бумажника. Все, до последней соринки.

Немного наших «деревянных», которыми побрезговали боевики, просроченная карточка «Столичного», карточка метрополитена, календарь. Запустив пальцы поглубже, я наткнулся на деревянную зубочистку.

Порывшись еще, извлек две бумажки. На одной, смятой до размеров рисового зернышка, записаны номер международного телефона и имя — Нина Полеску. Трех цифр не хва-

тает. Это тоже мое изобретение. Вынужденный на всякий случай — вдруг она сгинет в очередном провале? — записывать важную информацию, я хоть как-то могу обезопасить ее от похитителей. Бумажка и зубочистка лежат вместе не случайно: на гладких боках щепки сделаны крохотные зарубки. Три ряда вмятин от ногтя — пять рисок, две и четыре — недостающие цифры телефона. Кстати, и здесь не без подвоха: сначала идет предпоследняя цифра, потом последняя и третья от конца. Так что я номер восстановлю легко, а чужаку придется поломать голову. Вот только я не помню, что это за номер и когда я его записал. Кто такая эта Нина Полеску? Кто дал мне ее телефон и зачем ей звонить? Без сомнения, она как-то связана с Наташкой.

Развернул вторую бумажку. Пусто. То, как листок сложен, не оставляет сомнения, что в нем что-то лежало. Что-то маленькое. Может быть, таблетка? Я предпочитаю таскать с собой обезболивающее. После зоны я долго мучился зубами, и страх перед приступом боли стал своего рода навязчивой идеей. Поскольку проблем с башкой мне уже хватало, я решил страховаться. Правда, лекарство я носил в фабричной упаковке. Носил до тех пор, пока таблетка не обращалась в прах или не протирался фантик. Зубы меня больше не беспокоили, но с анальгином было как-то спокойнее.

Я встряхнул бумажку. Не похоже, чтобы в ней лежала таблетка: остались бы крошки. Да и, знаете, после отсидки у меня появилось благоговение перед «колесами», так что не стал бы я заворачивать медикамент в бумажку. Хотя ведь таблетку мог дать мне кто-то другой...

Точно! Я хлопнул себя по лбу так, что мозжечок шлепнул изнутри по затылку.

В аэропорту Наташка дала мне какое-то снадобье. Сказала что-то туманное, что это на крайний случай, если Валдис с друзьями сильно прижмет. Но не объяснила толком. Да-да. Теперь я точно вспомнил, откуда это взялось. Бумажка пуста, значит, пришлось к крайнему средству прибегнуть, и, судя по тому, что я сижу один в собственной квартире, она каким-то образом помогла.

Так помогла, что я проснулся в морге.

В политических детективах хитрые шпионы часто глотают какую-то дрянь и прикидываются мертвыми, чтобы через пару часов очнуться в реанимобиле, передуть медиков, захватить машину и скрыться. Может, это была та самая таблетка? Бандюги решили, что я умер, и отвалили. Эффектная версия. Только она все равно не объясняет, как я очутился в морге. Не они же меня отвезли туда! Возможно, я теперь никогда не узнаю ответа на этот вопрос. Но времени нет, нужно двигаться дальше.

Итак, в бумажнике ничего больше нет. Вспомнить что-нибудь с на лету не получилось.

Тогда пойдем другим путем. Что я помню точно?

Я точно помню, что мы с Наташкой придумали гениальную комбинацию по извлечению денег из карманов Валдиса и исчезновению с этими деньгами за рубежами отчизны. Найти пристанище на ближайший год мы рассчитывали в Гааге или Амстердаме. Дивное место, и затеряться там вроде как не проблема. Причем про карманы Валдиса я поскромничал: полмиллиона баксов наличными в карманы не уложишь. Даже если брать банковские упаковки сотенных купюр, получится пятьдесят пачек — не хватит карманов даже в охотничьей куртке.

Наталья намеревалась рвануть с деньгами через Польшу в Европу и подать о себе весточку. На меня возлагалась роль идиота-склеротика: я должен был поморочить Валдису голову, чтобы дать ей время пересечь границу. Изобразить очередной приступ амнезии, в тумане которого остались местонахождение ключа от банковской ячейки и ее номер, казалось мне, человеку, не раз бывавшему в подобном переплете, делом пустяковым. Приходилось, конечно, учитывать разницу между вежливым психиатром и мордоворотами со

стальными пальцами и паяльником за пазухой. Потому-то Наташка и беспокоилась обо мне, потому-то и достала эту шпионскую таблетку.

Что же мы имеем? Лучше задаться вопросом, что я имею на данный момент. Ответ, первым приходящий на ум, — ничего. Наташка с бабками, должно быть, благополучно пересекла границу и теперь находится неизвестно где. Денег у меня — ноль, даже не очень понятно, как я выберусь к ней, если мы сможем связаться. Именно если, потому как ей могли уже сообщить, что я отправился вместо Голландии на кладбище. Тогда она лишь поставит мне свечку в амстердамском храме. Может быть, даже очень толстую свечку, но вряд ли мне это поможет. А остаться здесь... Если меня не добьют мафиози, то за дверью могут ожидать другие сюрпризы, начиная от милицейской печати на замках и заканчивая новыми владельцами моей квартиры, наследниками, так сказать.

Перспектива мрачноватая, но впадать в отчаяние еще рано. У меня ведь есть телефон этой Нины Полеску. Надо для начала разобраться с ней.

Я взял телефон, набрал номер. Трубку сняли после первого же гудка, и низкий мужской голос выдал какую-то фразу на французском. Единственное слово, которое кажется мне

знакомым,— «модерн». Хотя слово это может запросто оказаться чем-то другим, похожим по звучанию. С французов станется: для них проглотить пяток букв ничего не стоит.

Я спросил, не говорит ли мсье по-английски. Не говорит.

— Мадам Полеску,— произнес я как можно четче.— Мадам Нина Полеску.

После небольшой паузы мой собеседник выдал новую трель. Красивый язык, мелодичный, но ни черта не понятно.

— Мадам Нина Полеску,— повторил я как попугай, а в ответ все та же тарабарщина.

Кладу трубку.

Это не конец света. Можно позвонить позже — вдруг там будет человек, говорящий по-английски или даже по-русски. Буржуи — народ образованный.

Непонятно только, почему человек говорит на французском. Я полагал, что звоню в Голландию.

Я подошел к бархану из книг, вываленных на пол. Порывшись, отыскал телефонную книгу. Нашел код. Вот те раз! Оказывается, я звонил в Париж. Почему в Париж? Ведь мы договаривались насчет Амстердама!

Похоже, я умудрился забыть что-то слишком важное. Я почему-то звоню в Париж какой-то Полеску, вместо того чтобы ехать в Амстердам...

Да, именно ехать! Ведь я должен был сегодня утром отправиться на туристическом автобусе в путешествие по Европе. Путешествие, судя по всему, накрылось. Во всяком случае, информация о поездке была записана на одной из вырванных страниц ежедневника. Конечно, если Валдис считает меня мертвым, то они не станут проверять автобус, но лучше не рисковать и выбираться другим способом. Бандюги могли позвонить в агентство и от моего имени отказаться от поездки, чтобы не спровоцировать преждевременный розыск.

Паспорта мои, путевка и двести баксов на дорогу лежат в камере хранения на Белорусском вокзале. С ними, надеюсь, ничего не случится. И пока Валдис считает меня покойником, надо уносить ноги. Не знаю пока как. Хоть автостопом. Визы у меня есть, так что через границы я пройду даже пешком. Хуже ситуация с деньгами. И достать их негде: ни занять, ни получить с должников, потому что «воскресать» опасно. Лучше считаться мертвым. Валдиса недооценивать нельзя. Это я понял давно. Тогда же, когда понял и то, что ему нельзя доверять.

Продав Гришаеву ломтик своей памяти, я считал, что совершил вполне удачную сделку. С одной стороны, я неплохо заработал. С дру-

гой — мне дали академический отпуск, что оставляло мне шанс не завалить сессию. Сказать по правде, надежды сдать математику у меня не было никакой: из всех лекций я посетил только одну.

Так что я лежал в палате, ожидая отправки домой, и потихоньку пускал слюни, прикидывая, что можно купить на те деньжищи, которые мне отвалит Гришаев.

Появление у моего ложа следователя не испортило мне настроения. Он задавал глупые вопросы, я старался давать на них еще более глупые ответы. Это получалось у меня неплохо. Казалось, все идет по плану, но в третий свой приход следователь задал мне очередной глупый вопрос, который тем не менее меня насторожил.

— Как вы полагаете, Олег Дмитриевич,— спросил он,— бумага хорошо горит?

Вопрос походил на риторический, и я заподозрил какой-то подвох. Жаль, что нельзя сослаться на потерю памяти, нужно отвечать.

— Хорошо, наверное,— кивнул я с возможно безразличным видом.

— Давайте посмотрим.

Следователь встал, подошел к окну, извлек из кармана автобусный билет и зажигалку. Щелкнув своим огнивом, он поднес уголок билета к пламени.

Билет занялся и, вспыхнув, превратился в крошечную звездочку. Следователь едва успел бросить этот маленький факел за окно, прежде чем обжег пальцы.

— В самом деле,— радостно улыбнулся он мне, как будто ожидал иного результата.

Я снисходительно кивнул.

— А тут вот у меня... — Следователь извлек из кармана небольшую потрепанную книжку в обложке.

— Тоже палить собираетесь? — поинтересовался я.

— Попробую. Только вы не поймите меня неправильно. Литературу я очень даже уважаю.

Следователь взял книгу за корешок, сжав обложку пальцами. Он щелкнул зажигалкой и стал водить язычком пламени по сжатым страницам. Выбившаяся чешуйка ветхой бумаги вспыхнула, сгорев в мгновение ока. Огонь продолжал терзать торец книги, но листы стояли несокрушимой фалангой, не пропуская его внутрь.

Зажигалка нагрелась, и следователь погасил ее.

— Смотрите-ка,— констатировал он, разглядывая томик.— Не загорелся.

— Так и должно быть,— согласился я.

— Но все равно интересно, правда?

— Возможно.

- И что вы на это скажете?
- На что?
- Ну, по итогам проведенного опыта.
- А что я должен сказать?
- Не знаете пока?
- Представьте, нет. И не пока, а вообще.

Если только вы не намекаете на опасность возникновения лесных пожаров вследствие автомобильных аварий. Только ведь пожара в моем случае, кажется, не случилось?

— Пожара не случилось.— Следовательно убрал свою книгу.— Но машина сгорела. И деньги в чемодане сгорели. Целая куча денег. Пардон, не куча. Деньги были в банковских упаковках. Знаете, плотные такие стопочки бумаги, перетянутые лентой с разноцветными полосками?

- И что дальше?

Этот сыскарь явно ходил вокруг да около какого-то неизвестного мне факта, стараясь заманить меня в свой силлок. Я не мог понять, где здесь подвох, и это начинало действовать на нервы.

— А дальше, я надеюсь, вы мне расскажете все сами, Олег Дмитриевич.

- Нечего мне рассказывать,— огрызнулся я.

— Ну-ну. Торопиться не надо. Через два дня вас выпишут, поедете домой. А в Москве мы с вами продолжим этот разговор. В моем кабинете. Настоятельно рекомендую до на-

шей встречи обдумать то, что я вам сейчас показал...

Не скрою, разговор этот меня расстроил. Но, подумав как следует, я решил, что выводов для себя из трюка с книжкой извлечь не смогу, так что следующий ход оставляю за следователем.

Меня выписали. Я приехал в Москву, где Гришаев передал мне обещанные деньги. Все шло по плану. Так же по плану меня вызвал следователь. Я отправился к нему, уверенный в своей безопасности.

— Я ничего не придумал,— бодро заявил я вместо приветствия.

— Садитесь.— Следователь открыл папку.

— Кроме того, что книгами можно тушить пожар в квартире. У нас дома, знаете, масса книг. Папа в свое время...

— Ситуация изменилась в вашу пользу,— устало произнес следователь, закрывая папку.

— То есть?

— То есть обстоятельства складываются так, что вам не будет предъявлено обвинение в мошенничестве и хищении в особо крупных...

— Вот спасибо.

Я сел, несколько огорошенный подобными «хорошими новостями».

— Вам инкриминируется на сегодняшний день преступная халатность. Статья тянет до

десяти, но в вашем случае — максимум пятерка.

— Пятерка? — переспросил я, чувствуя, как вера в завтрашний день исчезает за поворотом.

— Пять лет лишения свободы, — меланхолично пожал плечами следователь. — Но вам и это не выгорит. Не судим, характеристика, тяжелая травма...

Я бросился искать Гришаева. Получить кучку денег за просто так — одно, а мотать срок — совсем другое. Как назло, мой «благодетель» был в командировке. Я нашел Валдиса и сказал, что мне срочно нужно связаться с его отцом и Алексеем Андреевичем. Объяснил зачем. Сказал, что заготавливать дрова в Сибири не готов и скорее расскажу, как было дело.

Валдис струхнул и пообещал все сделать.

На следующий день они приехали ко мне с отцом. Разговор был долгий, а говорил в основном сам Валдис.

— Пойми, старик, — убеждал он меня, — машина уже запущена. С точки зрения УК то, как сложилось сейчас, — лучший вариант. Ты, конечно, можешь, заложить нас. Одному тянуть за всех обидно. Это понятно. И никто тебе ничего не скажет. Твое право. Мы тебе не родственники, не кореша, так что покрывать нас ты не обязан. Но послушай, что я тебе

скажу. Если ты расскажешь, как все было, то ничего не выиграешь. Авария уже случилась, и этого не вернуть. Так что загремим все четверо. Только загремим погромче: групповое преступление наказывается строже. Но ты все равно получишь больше всех. Не обижайся, Олег, но ты ведь был за рулем. Так что сядем все. Но что ты выиграешь? Лично ты?

Ответить мне было нечего. Я сомневался, что все обстоит именно так, как описывал Валдис, но доля правды в его прогнозе, конечно, была. Выйти сухим из воды мне теперь, скорее всего, не светило. Так что стоило выслушать визитеров до конца.

Суть их предложения не изменилась. Эти ребята по-прежнему предлагали мне взять все грехи на себя. Взамен они были готовы заплатить еще сто тысяч и найти хорошего адвоката. Поскольку злой умысел в моих действиях найти было мудрено, то максимум, что мне грозило,— условный срок. В общем, сущие пустяки за подобные бабки.

Взвесив все «за» и «против», я согласился и на эту сделку. А что мне оставалось? Я уже представлял себе, с какой миной следователь выслушает мою новую версию событий. Вряд ли он поверит мне на слово, а против меня на весах будут справка от психиатра и наверняка пуленепробиваемое алиби, приготовленное на этот случай Гришаевым.

Так что я дал согласие и пустился в плавание, завершившееся через два месяца следствия приговором: три года лишения свободы. Черт, не поверите, но я вздохнул с облегчением. Ушлый сыскарь так и норовил повесить на меня еще какую-нибудь аферу, эпизод, как он сам это называл. То объявлялся свидетель, видевший меня возле какого-то сгоревшего дотла склада, то след моего сапога находили на узловой станции, где были выпотрошены несколько вагонов с болгарскими консервами. Аргумент, что сапог у меня нет, его совершенно не смущал.

Короче говоря, я получил три года общего режима. Приобретение так себе. Это ставило крест на институте и радужных перспективах карьеры. Но тогда мне казалось, что все не так страшно. Устоявшийся годами мир рушился, и я полагал, что деньги помогут мне устроиться в жизни после отсидки. На сто с лишним тысяч я мог бы открыть такой кооперативище, что дух захватывало. Тюрьма же не казалась мне чем-то худшим, чем армия, которая мне теперь также не грозила. В конце концов, люди в те годы корячиться ехали в тайгу в надежде заработать штуки полторы за месяц. А у меня выходило почти по три, причем авансом.

Нужно было только грамотно решить вопрос с деньгами, которые мне обещали. За-

брать их с собой в лагерь я, разумеется, не мог. Но и оставить в руках Валдиса и его папашу их было нельзя. Они уже дважды обвели меня вокруг пальца. Сначала свалили все на меня после аварии, затем надули по поводу условного срока. Их адвокат, кстати, оказался полным дерьмом, неучем и мямлей. Против пламенной речи прокурора этот идиот смог нацедить лишь несколько общих фраз по поводу моего безупречного прошлого и возможного будущего, посвященного искуплению нынешнего греха.

Так вот о деньгах. Я не придумал ничего лучшего, чем потребовать, чтобы их положили в сберкассау на срочный вклад. Смешно сказать, под три процента годовых! Знал бы я, во что превратятся эти деньжищи за время моего заключения. Но эту махинацию Валдису уже не припишешь.

Попав в зону, я оценил эти места по достоинству. Стало так тоскливо на душе, что я готов был выть на луну. Тысяча с хвостиком дней, что предстояло мне списать по цене сто рублей за день, тянулись невыносимо медленно. Но времени подумать было много. Передаваясь этому занятию, я начал восстанавливать в памяти события, заведшие меня в этот рукотворный ад. И знаете что? Чем дольше думал, тем больше находилось белых стежков в истории, сшитой моими хитрожопыми компаньо-

нами. Вопросов у меня появлялось все больше, а со временем список этот возглавила загадка, так и не объясненная мне следователем: что он хотел мне показать, пытаясь поджечь закрытую книгу?

Поскольку занять голову было особенно нечем, я принялся искать ответы на эти вопросы. На сто пятидесятый день я написал письмо обследовавшему меня психиатру. Я интересовался теми «гринписовцами», что привезли меня в больницу. Эти загадочные друзья природы не присутствовали на суде, хотя их показания вроде бы имелись в деле, а их рассказ мог быть очень и очень интересен.

Доктор ответил не сразу, но прислал мне адрес — абонентский ящик московского отделения. За неимением лучшего, я написал по этому адресу, изложив суть — разумеется, официальную версию — приключившегося со мной и пояснив, что хотел бы связаться с людьми, которые меня спасли.

Я успел насчитать двести тридцать два дня, проведенных под присмотром людей на вышках, и потерять надежду на ответ, когда пришло долгожданное письмо.

Девушка Наташа писала, что она была среди тех активистов, которые обнаружили у обочины «обнявший» дерево автомобиль. Они извлекли водителя, то бишь меня, и хотели осмотреть машину. Но где-то под капо-

том раздался хлопок, и машина запылала. Погасив пламя, «зеленые» доставили меня в больницу, сообщив по пути об аварии. Я был без сознания. Вот, собственно, и все, что она могла сообщить. Еще пара абзацев в письме были уделены пожеланиям здоровья и недоумению по поводу моего нынешнего местопребывания.

Итак, меня надули даже больше, чем я предполагал. Мои попутчики не вытаскивали меня из горящей машины. Она вообще не загорелась при ударе. А вот то обстоятельство, что загорелась она много позже, да еще и от какого-то хлопка под капотом, было более чем любопытно.

Жаль, что мне не удалось подумать над этими новостями. В зоне появились двое новых обитателей, проявивших ко мне интерес. Проще говоря, они здорово намяли мне бока, интересуясь, за какие подвиги я получил сто тысяч. Тогда я не нашел ничего умней, как все отрицать: какие сто тысяч?!

На следующий день мне досталось еще сильнее. Вопрос был тот же. На сей раз я решил по крайней мере узнать о причине такого интереса к моим деньгам и вообще к тому, откуда этим мужичкам стало известно о моем богатстве. Единственное, что мне удалось получить в ответ, так это туманное и неприятное

предупреждение, что эти люди знают обо мне все.

— Тогда какого хрена,— спросил я, отирая кровь с лица,— вы докопались до меня с расспросами? Если вы все обо мне знаете?

— А нам хотелось бы услышать от тебя, с кем ты поделил бабки,— ответил один из моих новых знакомых.

— Какие бабки?

— Те самые.

Больше они не сообщили мне ничего. Били меня все крепче и больней. На шестой день отделали так, что я был без вопросов взят в больничку. В дополнение к полученным травмам я разыграл спектакль с провалом памяти. Пока я отлеживался на вонючем матрасе, два загадочных дознавателя были этапированы из нашего лагеря.

До конца срока меня уже никто не беспокоил, но в моем списке вопросов добавился еще один.

Глава IV

Мне нужно убраться из Москвы. Найду я Наталью или нет, но здесь мне долго прожить не дадут. Лучше, конечно, найти ее. Насколько приятнее быть богатым и здоровым, чем бегать без собственного имени и денег.

Кое-какие продукты в холодильнике были, и я позавтракал. Затем рискнул выйти из квартиры: нужно ведь снять простыню с крыши. Дверь моя не была опечатана и вообще выглядела вполне пристойно, как обычно.

Вернувшись, я снова набрал парижский номер.

Ответили по-французски, но голос был уже другой, женский. Я вновь осведомился, не говорят ли на том конце провода по-английски.

— Yes, of course, — ответила мадам, предоставив мне возможность ляпнуть что-нибудь на выбранном мной языке.

По правде говоря, задача не сильно упростилась. Я помнил пару слов со школы. Еще я по настоянию Натальи почитывал самоучитель, но особого прилежания не проявил, так что сконструировать нужную фразу было не просто.

Чтобы пауза не затягивалась слишком долго, поздоровался. Мадам также любезно поприветствовала меня и осведомилась, чем может быть полезна.

— Мадам Полеску. Нина Полеску,— выговорил я почти по буквам. Вы, должно быть, обратили внимание, что мой разговор с англоговорящей дамой мало отличался от беседы с менее образованным мсье французом.

Мадам затараторила по-английски. Мне удалось понять отдельные слова, за которыми надежно прятался смысл сказанного. Но, кажется, она там не поняла, о ком я спрашиваю. Возможно, будет лучше, если я сам попытаюсь задать интересующий меня вопрос. Получая односложные ответы, я продвинулся значительно дальше.

Я начал мычать английские слова, цепляя их друг к другу с таким трудом, словно это были товарные вагоны.

— Мсье говорит по-русски?

Мне показалось, что я в очередной раз очухался после шока.

— Говорю! Конечно, говорю!

— Чем я могу помочь вам?

Все-таки общаться с образованным человеком не только приятно, но и намного легче.

— Простите, куда я дозвонился? — решил я начать по порядку.

— Отель «Модерн», мсье.

— В Париже?

— Да, Париж, рю Форе. Вы звоните кому-то из наших гостей?

— Да,— радостно подтвердил я.— Мне нужна Нина Полеску.

— Нина Полеску...— Моя собеседница, видимо, полезла смотреть какие-то списки.— Она у нас не гостит. Вы уверены, что она должна гостить у нас?

— Да, она оставила мне этот телефон.

— Она будет гостить с группой?

С группой? Нет, Наталья выбиралась в одиночку. Но кто знает? Она собиралась ехать на машине до Польши, там ее должны были встречать какие-то друзья. Может, они посадили ее к группе? Ведь груз она собиралась сбросить в Варшаве, так что машина ей больше не нужна. Но с чего я взял, что эта Нина — ее попутчица? Тем более что Наталья должна быть в Голландии, а этот телефон парижский?

— Я точно не знаю,— сказал я. В моем положении морочить голову людям, пытающимся помочь,— непозволительная роскошь.

— Сожалею,— ответила мадам после паузы.— Мадам Полеску у нас не останавливалась. Через неделю будет новая группа из Москвы. Возможно, она прибудет с ней?

— Да-да. Возможно. Спасибо большое, я попробую позвонить через неделю.

Итак, ниточка оборвана. По крайней мере, она никуда не привела. Что делать дальше? Сидеть в собственной квартире, как затравленная лиса в норе? Определенный смысл сидеть на телефоне есть. Наталья может позвонить сама. Но неплохо хотя бы знать, что ей не сообщили о моей безвременной кончине.

Черт, черт, черт! Где и как теперь искать ее?! Ведь я не знаю даже имен ее польских друзей или покупателя. Может статься, она уже мертва? Голову отрывают за деньги в двадцать раз меньшие. Хотя она и говорила, что все продумала и во всех уверена, но что стоит дружба и добрые отношения, когда на кону миллион долларов! Миллион этих разрисованных бумажек с портретами заморских президентов!

— Что стоит дружба, когда на кону миллион баксов? — задал я этот вопрос вслух и пожегся от того, как дико и неуместно прозвучал мой голос в выпотрошенной квартире.

Что стоит дружба? Следом за этим вопросом в голове начали роиться неприятные мыслишки, и захотелось разбить лоб о капи-

тальную стену. Я ведь точно знал, какая стена капитальная: я сам, своими руками, делал эту квартиру, превращал ее из загаженной лачуги спятившего алкоголика в обиталище современного человека.

Но биться лбом — крайность. Пока я просто шикнул на эти мыслишки. Не могла Наталья предать меня, не верю я в это, не может этого быть.

Я шикнул на мыслишки, и они забились в тень под извилины, но продолжали глядеть оттуда крохотными злыми глазками, готовые выползти и заплесать в моей черепушке.

Я когда Наташку первый раз увидел, чуть дара речи не лишился. Не скажу, что влюбился с первого взгляда, но захотел ее безумно. Было в ней что-то особенное, и дело тут не в глазах там или улыбке, как крапают всякие поэты. Просто...

Черт, это я приврал, конечно. Все не так было. Проще все. Не знаю даже точно, разглядел ли я в ней что-нибудь особенное. Я ведь баб, считай, два года не видел. Не видел, не говоря уж о чем таком. Разрядиться так, как это принято у блатных, меня не тянуло, а так, как бывало в школьные годы, — не представлялось возможным: все ведь на виду, даже сортир на сорок очёк.

А тут приезжает ко мне молодая девчонка. Ничего особенного, но симпатичная, веселая такая. Ведет себя нормально, не то что заезжие журналисты: озираются, принохиваются, прислушиваются, ото всего шарахаются.

Я, пока не понял, что она именно ко мне приехала, и не среагировал почти. Знаете, вырабатывается такая защитная реакция. Время от времени ведь появляются там женщины. Журналистки те же, отмороженные правозащитницы из комитетов разных, адвокатессы бывают. Они все как бы вне игры. Ну, как те телки по телевизору — поулюлюкаешь со всеми, почмокаешь и забудешь про нее. Когда ты точно знаешь, что с ней тебе ничего не светит, то лучше заставить себя забыть, что на воле вы ходили в баню по разным дням. Чего зря себя растравлять?

А то, что мужики в заключении на всех подряд кидаются, — враки. Тяжело, конечно, приходится, выкручиваются, кто как умеет, но такого, как рассказывают... Не знаю, не видел. Нет, есть, не спору, уникамы, которым все равно, на кого лаять, но это по большей части сморщенные щербозубые дедки, прогнившие в бараках. С ними уже и не поймешь: то ли у них донжуанские закидоны с голодухи, то ли срабатывает рефлекс поднимать бури во всех подряд стаканах, то ли мозги у них высохли даже больше, чем кожа на

руках, и уже хрен разберешь, что там ими движет. Один такой урка добрал себе десятку за то, что взобрался на какую-то поселенку восьмидесяти лет от роду. Говорят, сделать ничего толком он не смог, но руку и три ребра ей сломал — «тяжкие телесные».

Так что я когда Наташку увидел, то в первую минуту у меня тот самый защитный рефлекс и сработал: ну, девка и девка.

А она сидит передо мной на табуреточке. Джинсы, кроссовки, балахон с ветряными мельницами и надписями. Сидит себе, как в кафешке: ногу на ногу закинула, головой лениво так по сторонам крутит. И взгляд не такой, как у всех этих деятельниц, что приезжали раньше. Вот это я точно сразу заметил! Взгляд у нее был как у ребенка, которого привели в незнакомый дом. Хотя что там у нас разглядывать было?

Я вошел, сел напротив. Это тоже житейская мудрость. Не к чему мне спешить начинать разговор. Лучше здесь посидеть, чем в цехе лесенки клепать. Потом, само собой, бугор будет небо коптить: дескать, давай наверстывай норму! А я что? Стахановец, что ли, знатный? Или я сам попросился на эту свиданку? Так что, бугор, извини-подвинься! Мне спешить некуда.

Девчонка тем временем головой крутить перестала, окинула меня взглядом.

— Привет! — произнесла она так запросто, словно бы я ее бойфренд, пришедший в ту же кафешку угостить пломбиром с вареньем.

Кивнул в ответ. Медленно кивнул, как индийский слон, с достоинством.

— Здравствуйте.

Осаживать эту соплячку я не спешил: зачем мне портить с ней отношения? Мне бы пару часов тут перекантоваться, а там и обед не за горами.

— Ты Олег?

Глупый вопрос. С одной стороны, глупый. Кого вызывала, того и привели. Тут канцелярия четко работает — ошибок не бывает. С другой стороны, чудно. Ты. Запросто так. Даже в лицо меня не знает, а уже «ты». Задело меня это как-то. Ведь вся эта шваль журнально-комитетная к нашему брату строго на «вы», с уважением. Не перебивают никогда, многие грева¹ подгоняли. И ведь дамы-то были постарше и посолидней, а тут дитятко в джинсиках — и тыкает. Впаял бы я ей, если бы не ждали меня за дверьми клепки-заклепки.

— А я Наташа.— И улыбнулась.

Меня как в три котла макнули. Я даже и не стал спрашивать, что за Наташа. Наоборот, удивился, почему сам не сообразил, кто пере-

---

¹ Гр е в — еда, водка, курево, наркотик, деньги. Сигареты — самая ходовая «валюта» на зоне и традиционная форма премирования заключенных людьми с воли.— *Здесь и далее прим. автора.*

до мной. И ведь написано у нее на балахоне «Гринпис» на шести языках.

— Мы тут мимо проезжали, я и решила проведать.— И снова улыбнулась. Знаете, не натянуто, не потому, что надо было улыбнуться. Нравилось ей улыбаться.

— Ага.— Очень мне хотелось ей что-нибудь сказать. Как я рад, как я признателен ей за письмо. И — что ты будешь делать! — кроме этого «ага», ничего в башке подобрать не могу.

— А я думала, что тут помрачнее будет.

— Ага. Ты еще там не была,— ткнул я большим пальцем себе за спину.— Там бы тебе, наверное, в самый раз понравилось бы...

Я прикусил язык. Чего на нее огрызаюсь-то? И в то же время забавно. Секунду назад не мог ни слова сказать, а стоило ей произнести волшебную фразу, и я чуть не выдал ей залпом роман на шестьсот страниц. Словно она автомобильный баллон иголкой ткнула. Бывают такие люди: не напрягаясь, к кому хочешь ключик найдут. Но все равно, чего на нее собак-то спускать?! Нужно что-нибудь другое, сменить тему. А на что ее сменить? Через секунду соображаю — опять-таки с ее подсказки.

— Мимо, говоришь, проезжали? — переспросил я.— Не велик ли крюк?

— Да нет,— покачала она головой.— Мы еще дальше едем. К... вашим соседям.

— На химию, что ли?

— Да, к ним.

— За права бороться?

— Мы за права не боремся,— развела она руками.— Пробы будем брать.

— А человеческий фактор вас не занимает?

Я болтал с ней и чувствовал, как плавится мой предохранитель, и я смотрел на нее уже по-другому. Смотрел и видел юную симпатичную девушку, видел молодое, стройное, пропорционально сложенное тело. И смотрел уже не просто в лицо, а видел ее глаза, губы, ямочку на щеке: она усмехалась все время эдак неровно — ямочка появлялась только на правой щеке.

— Нет, ну почему? Мы же в конечном счете для человечества стараемся.

— И ты что же... — облизал я пересыхающие губы,— веришь во всеобщее счастливое завтра?

— Это философские вопросы.— Она стала серьезной.

Я сразу и не нашелся, что ответить. Голова соображала все хуже и хуже. Все ресурсы мозга были заняты тем, что пытались представить мне эту девчонку без джинсов и балахона. Все остальное погружалось в туман. Я как-то

ширнулся¹ с одним блатным — ощущения были примерно такие же.

Умудрился кивнуть в ответ на что-то. Кажется, кивнул к месту.

Мне вдруг захотелось, чтобы она встала. Я еле-еле удержался от того, чтобы попросить ее об этом. В студенческие годы я просто балдел от женских ножек. Да и сейчас не утратил к ним живейшего интереса. Я имею в виду не те бесконечные макаронины, сходящиеся где-то под кожаными мини тех акселераторок, что носят призы в телевизионных шоу или дрыгаются за плетнем из микрофонов позади какого-нибудь эстрадного певца. Я говорю про обычные женские ножки, в чулках или джинсах, нормальной длины и пропорций. Но меня всегда поражала способность их хозяек управляться с ними. Видели, как они стоят? Немыслимо, как они умудряются их сплести, заведя ногу за ногу или приняв что-то наподобие балетной позиции, подав бедро вперед или отставив правую — почему-то всегда именно правую! — ногу назад и влево. Непостижимо, как можно совершенно здоровые, прямые ноги, имеющие один лишь коленный сустав, сплести в те кренделя, какие они заплетают. Хочется наклониться и потрогать эту по-кошачьи изогнувшуюся ко-

---

¹ Ш и р я т ь с я — употреблять наркотическое средство внутренне, через шприц.

нечность: не гуттаперчевая ли? Кажется, что в таких позах не простоять и пяти секунд. Ан нет, стоят! И многие стоят на каблуках и даже шпильках, покачиваются в такт музыке, прихлебывают из бокала и ведут непринужденную беседу с очумевшим от такой акробатики поклонником!

Наташка тоже болтала ногой в каком-то одной ей слышном ритме, но ног ее я видеть не мог. Не заглядывать же, в самом деле, под стол...

Если в мужских компаниях заходит речь о женских прелестях, то обсуждаются в первую очередь совсем другие части тела. Про зону и говорить нечего: такое ощущение, что подружки у блатных состоят исключительно из «кормы» и «буферов». Наталья бы успеха у них не имела. Фигурка у нее была почти мальчишеская, а грудь... Скользнув рассеянным взглядом по ее балахону, прикинул размер и форму двух неясно проступающих сквозь плотную ткань округлостей, но снова опустил взгляд на торчавшую над столом коленку, обтянутую изрядно потертой синей джинсой.

— Вот такие дела.— Наталья тем временем, хлопнув себя по колену, умолкла, глядя мне в глаза.

Вот черт! Она ведь рассказывала мне о чем-то, а я не слышал ни слова. И теперь сидел и смотрел исподлобья, как смотрит на

строгую училку двоечник, не представляющий, о чем идет речь.

Нужно было что-то сказать, а то пауза грозила затянуться на весь остаток моего срока.

Набираясь смелости, я решил признаться, что не слышал ни слова, но не набрал достаточно, и хватило меня лишь на то, чтобы мотнуть головой.

На мое счастье, Наташка поняла этот жест по-своему.

— Не можешь поверить? — спросила она с сочувствием.

Что же она мне тут рассказывала?!

— Тебе не трудно еще раз поподробнее? — Я трагическим жестом приложил руку ко лбу.

— Подробнее некуда. Я же не контрразведка.— Наталья виновато развела руками.

— В голове как-то не укладывается,— глупо улыбнулся я.

— Попробуй обдумать. Напиши, если что.— Она посмотрела на свои простенькие электронные часики и поднялась.— Мне пора.

— Стой!

Я вскочил. Делать нечего, нужно признаться в том, что ни черта не слышал, иначе так и не узнаю, зачем она приезжала.

— Слушай...— Я набрал полную грудь воздуха, чтобы выдохнуть всего три слова: — Повтори все, пожалуйста.

— Зачем?

— Да я... не понял ничего,— признался я.

— В смысле?

— Ну, не понял.

Она растерялась:

— Чего не понял?

— Ничего не понял. Не слушал я тебя...

— То есть как? — В голосе ее звучало скорее любопытство, чем раздражение.

— Ну, засмотрелся я на тебя и... — Я сделал неопределенный жест рукой.— И вот.

Она опустила глаза, смутилась. Но не потупилась, как обычно делают провинциальные кокетки, а засмеялась. Потом встряхнула головой, посмотрела на меня озорно.

— А сейчас ты уже... готов слушать?

— Как штык.

Я подпрыгнул и, грохнув каблуками, стал по стойке «смирно».

— Ладно. Только мне правда уже пора идти.

Мы сели, и она повторила свой рассказ.

Начала она с того, что в ходе следствия по моему делу с них снимали показания. Это понятно. Но вот через два дня после беседы со следователем к ней подкатил какой-то живчик. Он предложил заработать полсотни баксов. Нужно было всего лишь забыть про хлопок под капотом, а еще лучше — слегка изменить показания, сообщив, что машина уже горела. Очень нужны были деньги, и Наталья

взяла предложенный полтинник. К счастью, больше ее никто ни о чем не спрашивал.

Потом ей передали мое письмо. Так совпало, что в тот же день она прочла в газете — от нечего делать прочла — объявление о розыске. Разыскивался пропавший без вести курьер брокерской конторы «Антата». Курьер вез крупную сумму наличности в Ростов-на-Дону и сгинул бесследно вместе с машиной. Насколько крупной была сумма, не сообщалось.

Я не углядел связи с этой заметкой и честно сказал об этом.

Наталья удивленно вскинула брови.

— Брокерская контора «Антата», — произнесла она медленно, тщетно пытаясь таким образом навести меня на мысль.

— Ну и что? Что это за контора?

Теперь пришла ее очередь удивляться:

— Как что за контора? Ты же в ней работал!

— Я?!

— Ну не я же! Ты же работал курьером в брокерской конторе «Антата», а директором там Гришаев Алексей Андреевич...

Тут я все понял. Понял не только то, что такое контора «Антата», но и что именно заинтересовало Наталью в этой статье.

— Выходит, что работа курьера у господина Гришаева...

— Крайне вредна для здоровья,— закончила она мою мысль.

Так меня что, с самого начала хотели подставить? Все вопросы из моего списка вдруг сцепились между собой в прочную цепочку. Так вот он, хлопок под капотом, непонятная авария с исчезнувшим прапорщиком. Теперь понятно нежелание Гришаева и компаньонов засвечиваться. И заодно я, кажется, понял, чего добивался от меня следователь. Плотные сжатые листы бумаги горят с большой неохотой, и это относится не только к книгам, но и к пачкам денег. Если «зеленые» быстро потушили машину, то деньги, по всей видимости, не должны были сгореть. Во всяком случае, дотла. А в материалах дела значилось, что именно такова была судьба проклятых купюр. Получалось, что мои попутчики задумали элементарно оглушить меня, забрать деньги, сжечь машину вместе со мной и списать потери на покойничка. Лихо придумано! Скорее всего, они укатили, забрав деньги, вместе с тем прапорщиком, «случайно» повстречавшимся по дороге, а мне взамен оставили какой-то запал под капотом, чтобы я не сразу превратился в факел, а позволил бы им уйти на безопасное расстояние. Именно на безопасное! Потому что, не появившись «гринписовцы», лесной пожар в области был бы обеспечен и уж точно бы подмел все следы...

— Ты опять медитируешь? — Наталья уже какое-то время щелкала у меня перед носом пальцами.

— Нет-нет,— спохватился я.— Просто переваривал информацию.

— Ну ладно. Ты переваривай, я уже опаздываю, меня там наши ждут.

— Слушай... — Я поднялся вместе с ней и машинально опустил глаза.

Она остановилась на полушаге. Левая нога прямая, стопа отвернута наружу, как у ожидающей своей партии балерины, а из правой словно вдруг ушла жизнь, и она теперь ниспадала вниз, напоминая вылезший из земли корень южного дерева. У меня от этого зрелища просто голова кругом пошла.

— А тебе, говоришь, можно написать?

— Ну да. По тому же адресу.

— А другого адреса нет? Ну, как-то попрямей, что ли...

— С этим сложно,— уклончиво ответила она.

— Ну а друзья тебя как находят?

— Друзья? — Снова улыбка.— Друзья находят меня на Арбате.

— На Арбате? А ты москвичка?

— Ну да.

— Может, угостить тебя мороженым? Как-нибудь, после всего... — Я, словно экскурсовод во дворце, указал на зеленые стены.

— Почему нет? — пожала она плечом и снова посмотрела на часики.— Слушай, я побежала, ладно? Пока!

В тот день я первый и единственный раз ходил с блатными в «петушиный» барак.

Глава V

Я в самом деле нашел ее на Арбате. Это было уже спустя год после моего выхода. Она болтала с каким-то разодетым, словно попугай, пацаном, посасывая пиво из горлышка бутылки. Меня она узнала сразу.

— Привет! — Наташка приподняла руку с бутылкой.

— Привет!

— Как жизнь вольная?

Пацан-попугай после этих ее слов умолк и как-то незаметно ретировался.

— Лучше всех.

— Пьянит свобода-то?

— А то! Даже не пьянит, а кумарит¹.

— Да-да-да,— засмеялась она и понимающе кивнула.— Кумарит — это хорошо.

— А ты что, тоже пробовала?

---

¹ Кумарить — на жаргоне наркоманов означает разновидность легкого наркотического опьянения, вызываемого, как правило, при курении наркотика.

— Да кто ж из нормальных людей не пробовал-то?

— И как?

— Норма-ально,— произнесла она нараспев. Потом вдруг взглянула на меня хитро.— А что, есть?

— Есть,— гордо кивнул я.

— Так что ж ты молчишь?

— Да я думал начать с мороженого, как договаривались.

— Фи,— смешно поморщилась она,— детский сад какой! Мороженое я сегодня уже ела.

Через час мы уже сидели у меня дома и я передавал ей тщательно скрученную «козью ножку». А еще через пару часов я как бы в шутку обнял ее за плечи, она не отстранилась, а лишь улыбнулась, взглянув на мою руку. И тогда я набросился на нее с такой жадностью, словно и не было у меня никого за этот вольный год. Она же почти не уступала мне по темпераменту и, лишь когда я начал расстегивать на ней джинсы, схватила меня за руку.

— Слушай,— произнесла она, тяжело дыша,— я только хотела уточнить кое-что.

— Что? — спросил я, отрываясь от ее груди.

— Я слышала, там в зоне у многих меняются интересы... в плане секса.

— У меня не изменились.— И, словно в доказательство, я снова впился губами в ее сосок.

— Тогда продолжаем.— Наталья отпустила мою руку и откинулась на подушки.

Всю следующую неделю мы провели, практически не вылезая из постели.

Не поверите, но я до сих пор без ума от нее. От ее тела, от ее запаха, от ее кошачьей независимости и бессчетного множества мелочей, на которые я прежде ни за что не обратил бы внимания. Ее смех, например. Когда она смеялась в ответ на какую-то шутку или анекдот, то не хохотала, как все, нормальным «ха-ха-ха», а, кивая, словно бы произносила быстро «да-да-да-да» и потом снова и снова заливалась такими же трелями. Поначалу мне казалось это забавным. Потом немного раздражало. А теперь я не могу себе и представить, чтобы этот милый человечек смеялся как-то иначе...

Телефон зазвонил, прерывая мои воспоминания.

Вот черт! И что я должен делать? Автоответчик раскурочен этими олухами. Снимать трубку или нет? Что выбрать? Если это Наталья, то я спасен. А если нет, то я раскрыт. Но если Валдис считает меня покойником, то чего им звонить мне? А один звонок Наташки стоит сейчас сотни звонков Валдиса.

Я снял трубку. В трубке — тишина.

— Алло?

На том конце провода нажали на рычаг.

Скверно. Кто-то прозванивает квартиру. Это явно не Наталья. Может быть, конечно, кто-то просто не туда попал и положил трубку, услышав незнакомый голос. Но рисковать нельзя, нужно уходить отсюда. Но как же мне тогда искать Наташку? Телефон Нины Полеску и мой домашний телефон были последними ниточками, оставлявшими надежду найти ее. Если я уйду из квартиры, то одна из них оборвется.

Странно, но я до сих пор не представлял, как найти Наташку, если она не объявится сама. Единственный известный мне адрес — где-то на Арбате. А может, так и было рассчитано с самого начала — что я ее не найду. Может быть, это тоже было частью ее гениального плана по выкачиванию денег из Валдиса, конвертации их в изотопы и так далее? Или не было никаких изотопов? Использовать меня в очередной раз, как некогда Гришаев, у нее ума хватило бы...

Нет, я не хочу в это верить.

Нужно уходить.

Я встал и начал быстро собираться. Взял несколько вещей, которые теоретически можно продать, минимум одежды, зубную щетку, бритву. Подумав, положил в карман сумки кое-что из еды и недопитую бутылку.

Осталось немного места, которое я заполнил фотографиями, кассетами и всякой сентиментальной мелочевкой, которую потом уже не купить ни за какие деньги. Сгрел со стола содержимое бумажника, замер на секунду с листком из-под шпионской пилюли в руках. Неизвестно, что меня ждет дальше, но от одной неприятности я могу избавиться: подняв с пола баночку аспирина, достал одну таблетку, завернул и убрал в бумажник.

Напоследок я подошел к шкафу. Взялся за ажурную массивную ручку и повернул вокруг оси. Ручка оказалась у меня в руке, и теперь, если посмотреть на нее непредвзято, можно было без труда узнать в ней кастет. Это тоже мое изобретение. Положил ручку-кастет в карман.

Как будто ничего не забыл. Обвел комнату взглядом и остановился на телефонном аппарате. У меня появилась интересная мысль. Я снял трубку и набрал парижский номер.

— Мадам? — произнес я радостно, услышав в трубке уже знакомый женский голос.

— Мадемуазель, мсье, — поправила она меня, похоже узнав голос.

— Пардон, мадемуазель. Это снова оболтус из России.

— Кто, пардон?

— Ну, я уже звонил. Скажите, а не оставливалась ли у вас Наталья Ливская?

— Тоже из России?

— Да, она русская.

— Одну минуту.

Ждать пришлось лет пять, не меньше, наконец снова послышалось дыхание в трубке:

— Очень сожалею, мсье. Не гостит.

— Спасибо. Еще раз извините.

Взяв сумки, я поспешно направился к дверям. Меня охватило какое-то непонятное беспокойство. Нечто вроде шестого чувства рекомендовало поспешить. Где оно было раньше?

Я открыл дверь. Прямо на пороге стояли два коротко стриженных шкафа с квадратными подбородками и смотрели на меня с победоносными ухмылками. Штаны мешками, цепи, по размеру звеньев напоминающие те, что опутывали прикованного Прометея,— униформа бандюг мелкого пошиба.

— Не забыл присесть на дорожку? — спросил один, двигая челюстью, словно мельничным жерновом.

— Как раз собирался.— Я растерянно огляделся и, сделав шаг назад, дернул дверь в отчаянной попытке захлопнуть ее, прежде чем мясистые лапы сгребут меня в охапку и завяжут морским узлом.

Дверь, чуть подавшись, застыла на месте, и я беспомощно повис на ручке, как дворняжка

на поводке. Приз за мою находчивость в виде удара поддых вручили незамедлительно.

Согнувшись пополам и уронив сумку, я попятился в глубь квартиры.

— Какой-то ты, братан, в натуре, не гостеприимный, — заметил ударивший меня, входя в прихожую.

Следом зашел второй мордоворот, а замыкал шествие средних лет мужчина, одетый как нормальный человек, из чего можно заключить, что он — сволочь поглавнее своих шестерок. Скользнув взглядом по соседским «глазкам», он тихо притворил за собой дверь и щелкнул замком.

— Ну, че, хозяин, где присядем побазарить-то? — Мордоворот по-хозяйски осмотрелся.

Боль от удара потихоньку отпускала, уступая место ярости. Ума у меня хватило лишь на то, чтобы не броситься на незваных гостей с кастетом. Но от того, чтобы не нагрубить, я удержаться не мог:

— Вон там присядь. Только, боюсь, бумаги не хватит.

Бандит посмотрел в указанном направлении и увидел дверь туалета. Снова повернувшись ко мне, он кивнул:

— Юмор. Понимаю. Это хорошо. Ты, кстати, еще в зеркало не забыл посмотреть? Тоже на дорожку есть такая примета.

Кулак его сжался. Должно быть, он ожидал, что я попытаюсь выкинуть еще какой-нибудь фортель, но я лишь попятился в комнату. Тогда он ударил меня просто так. На сей раз я ждал этого и успел подставить плечо, но накачанный мамонт сбил меня с ног.

— Ну, че ты как не родной-то? — Бандит навис надо мной, как Спасская башня.

Я молча начал подниматься, ощупывая плечо, и получил новый удар — ногой в бедро.

— Надо отвечать, когда спрашивают, — поучительно произнес бандит, пока я корчился от боли у его ног.

— Какого черта?! — взорвался я наконец. — Что вам от меня надо?!

— Ты на кого, сявка, голос повышаешь?

Кулачище, похожий на ядро Царь-пушки, завис над моей головой, готовый обрушиться на темечко и раскроить его, как яичную скорлупу.

— Достаточно, — произнес третий гость, сочтя подготовку удовлетворительной.

Ядро исчезло. Спасская Башня отступил к стене, уступая дорогу старшему.

— Здравствуйте, Олег Дмитриевич. — Мужчина опустил в мое кресло.

Я приподнялся и сел по-турецки, поджав под себя ушибленную ногу.

— Доброе утро. Сердечно рад приветствовать. Позвольте узнать, чем, так сказать, обязан?

— Да вы бы присели в креслице.— Отеческим жестом мужчина указал мне на свободное место.

— Ничего, мне так удобнее,— отказался я, покосившись на Спасскую Башню.

— Ну,— гость развел руками,— не смею указывать хозяину.

Я принялся разминать начавшее неметь плечо.

— Надеюсь, вы извините меня за подобное начало беседы.— Мужчина вальяжно закинул ногу на ногу.— Просто я деловой человек. Для меня время — деньги, и я не хотел бы их тратить, тем более что благодаря вам я уже потерял их изрядное количество...

— Неужели?

— Не ерничайте. Это не в ваших интересах. Я — Шитов.— Произнес он это таким тоном, будто его портреты красовались на всех заборах.

Я чуть не застонал. Обхватив голову руками, поднялся с пола и уселся в кресло. Мордороты у стен колыхнулись, готовые пресечь мои рывки в любую сторону.

— Простите, а я должен знать, кто вы? — спросил я, совершенно искренне морщась.

— Не уверен. Но это нам сейчас предстоит выяснить.

— Слава Богу.— Я откинулся на спинку кресла.— Только скажите, а нельзя было начать с выяснения?

— Не вы здесь решаете, что делать.

— Пожалуй,— согласился я, окидывая выразительным взглядом мордovorота, который меня бил.— Хотя я и у себя дома.

— Начнем с самого начала.— Мой собеседник достал из кармана сигареты и, не предлагая мне, закурил.— Будучи еще студентом, вы, мой друг, решили разбогатеть, заграбастав чужие деньги.

— Вот как? — Мне стало даже интересно.

— Поскольку в то время вы были таким же пустым местом, как и сейчас,— продолжал он, не обратив внимания на мою реплику,— то сами подобной операции повернуть не могли. Вас нанял ваш шеф. Он же снабдил вас инструкциями и подготовил операцию, в которой ваша роль была хоть и эпизодической, но со словами. Вдобавок она очень хорошо была оплачена. Сто с чем-то тысяч. По тем временам — неплохие деньги. Я нигде не ошибаюсь?

— Пока не пойму, так что предпочитаю дослушать.

— Что ж, разумно. Так вот. Вы мне абсолютно не интересны. Но господин Гришаев

повторил свой фокус еще дважды. В те давние годы у меня не было возможности... — Собеседник мой принял пошлейшую из киношных поз и начал рассматривать свои ногти, изображая, по всей видимости, крестного отца российской мафии. Вот, дескать, как я высоко сижу: рук не мараю, за ногтями слежу. Почти стихи! — Не было возможности... — повторил этот шут гороховый, закончив осмотр правой руки и поднеся к глазам левую, — решить эту проблему по справедливости. Пришлось списать потери на тяжелые времена. Но недавно ваш приятель Валдис опять перебежал мне дорогу. На сей раз я намерен надрать уши всем участникам событий. — Он замолчал и поднял на меня глаза, ожидая какой-то реплики.

— И какая роль отводится мне? — Я решил уточнить позиции.

— Вам? Или вы активно помогаете мне восстановить справедливость, или у вас не остается шансов. Так что не вздумайте морочить мне голову.

Я поднял руки, демонстрируя, что не намерен перечить.

— Только должен сразу оговориться, — сказал я, — что Валдис мне не друг, а в той истории с аварией и якобы сгоревшими деньгами меня просто обвели вокруг пальца. Так что я тоже жертва.

— Мальчик,— «крестный отец» укоризненно покачал головой,— я же предупредил тебя, чтобы ты не морочил мне голову.

— И в мыслях не было.

— Вот как? Значит, твой недруг Валдис ни с того ни с сего доверяет тебе полмиллиона долларов на покупку героина? Не знаю.— Он саркастически усмехнулся и покачал головой.— У меня даже среди старых друзей нет человека, которому бы я так доверял.

Тут мне снова стало холодно. словно я опять очутился в морге. Кто же этот человек, который в курсе моих с Валдисом дел и который готов предъявить нам такой весомый счет?

— Что-то ты, дружок, побледнел.— Мафиози с торжествующим видом откинулся на спинку кресла.— Как видишь, я знаю гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Я знаю, когда состоялась сделка. Я знаю, куда должны отправиться наркотики. Знаю, что деньги были переданы через ячейку банка. Знаю, что ты со своей подругой собирался после сделки рвануть в Амстердам и она даже отправилась вперед, готовить гнездышко. Я знаю все, так что играть со мной в прятки не имеет смысла. У меня везде свои люди: в прокуратуре, в МИДе, в банке и даже на белорусской таможне.

Он явно повеселел, счастливый тем, какой ошеломляющий эффект произвели на меня его козыри.

Я в самом деле был ошеломлен. Пусть даже он и не знает до конца деталей нашего плана в отношении героя и Валдиса, но это может лишь осложнить все дело.

— А что с Натальей? — задал я вопрос, всплывший в голове первым.

— Она у нас. У наших польских друзей. Может, хоть это обстоятельство образумит тебя.

— Что я должен делать?

— Сейчас сюда едет Валдис. Мы проведем небольшую очную ставку. Меня интересует в основном героин.

— Я не знаю, где он, — произнес я устало и в принципе не солгал: не могу же я знать, где находится героин, который появился лишь благодаря Натальиной фантазии и моему актерскому мастерству.

— А мне он не нужен. Я был бы даже доволен, если бы он вообще исчез. Мне не нужны новые поставщики. Я поставляю этот товар в Москву и не собираюсь пускать в свой огород всяких козлов.

— Какие гарантии?

— Какие — что?

— Я спрашиваю, как я могу убедиться, что Наталью отпустят после нашей сделки?

— А тебе это и ни к чему. Я сам решу, что делать с вами обоими. Но после.

Что мне оставалось делать? Аккуратно опустив пальцы в кольца кастета, я сжал кулак и молча бросился на врага. Я успел заметить рывок мордоворота справа, резко остановился, и гора мышц пронеслась мимо между мной и своим хозяином, чтобы столкнуться со Спасской Башней. Оба рухнули на пол. Бинго!

Я ударил застывшего в нелепой позе перепуганного мафиози ногой в грудь, отчего он опрокинулся вместе с креслом. Я перепрыгнул через него и полетел к двери. Одно движение — и она распахивается.

— Стоять, сука! — ревел мне вдогон вскочивший бандюга.

Я выбежал в тамбур и, не оглядываясь, устремился вниз по лестнице. Громилы уже дышали мне в затылок, топая по ступеням, как два бегемота. Дистанция до первого этажа приличная, и мне удалось оторваться от этих тяжеловесов, по меньшей мере, на три марша.

Вот я уже в вестибюле. Возле лифтов толклись два пенсионера с тележкой, загруженной рассадой. Я на бегу опрокинул их первобытный транспорт, толкнув его в направлении лестницы. Пусть мне потом будет стыдно перед стариками, но если это хоть на секунду задержит погоню, я готов жить с таким грехом.

Распахивая дверь на улицу, я слышал позади грохот и крики — грязную брань бандитов и возмущенные трели пенсионеров. Выскочив на крыльцо, я врезался в кого-то, и человек, охнув, упал.

Я летел по проспекту в сторону центра. Маршрут на такой случай я не разработал и соображал, что делать, на ходу. Может быть, более логично было уйти во дворы и затеряться, петляя под знакомыми с детства арками, но я предпочитал бежать по тротуару. Бегаю я неплохо, и первый этап этого гита¹ с преследованием — лестница — убедительно доказал, что шансы уйти у меня неплохие. Так что на такой прямой я, без сомнения, оторвусь от тяжелых мордоворотов. Кроме того, я очень рассчитывал, что у моей погони хватит воспитания не палить в меня в столь людном месте. Не сомневаюсь, во дворах они пустили бы в ход свои пушки при первой же возможности. А есть ли у них пушки? Не хочется проверять.

Бегу. Бегу в довольно ровном темпе, без напряжения и нервозности первых минут погони. Дыхание выравнивается, разогретые ноги упруго отталкивают меня от асфальта. Периодически бросаю взгляд через плечо: бегемотики пыhtят, отдавая борьбе последние силы. Расстояние между нами — более двадцати

---

¹ Г и т — вид заезда на ипподроме или велотреке.

метров. Впереди метро. Может, просто сесть в поезд и уехать не простившись?

Вот жизнь пошла! Два урода самой бандитской наружности уже минут пять гонятся за гражданином — за мной, то есть — белым днем по проспекту, носящему имя... столь славное и известное, а ни один мент даже не свистнул в свою дудку! Возмутительно! Если останусь жив, обязательно напишу куда-нибудь анонимку.

Рядом со мной притормозил «опель» и покатиł параллельным курсом. Водитель опустил тонированное стекло и с любопытством выглядывал из своей тачки.

— Эй, мужик, — окликнул он меня — может, подбросить куда? Будет чуть дороже, но гораздо быстрее.

А что? Я оглянулся. Бегемоты обливались потом, отстав уже метров на тридцать. Надо меньше кушать.

— Тогда быстро! — Я взял влево, прижимаясь к кромке.

— Будет сделано, командир! — с готовностью кивнул водила.

Он затормозил и открыл дверцу. Оглянувшись напоследок, я прыгнул в гостеприимный салон, предоставляя себя объятиям мягкого кресла.

Водитель ударил по газам, двигатель издал львиный рев, и «опель»... резко сдал назад.

— Ты что?! — Я схватил водителя за руку и в ужасе оглянулся, ища глазами мордоворотов.

— Машина новая. Сейчас разгонимся,— ухмыльнулся водила, нажимая на тормоз.

Громилы уже метрах в пяти. Пальцы сами собой нашли кастет. Я схватился за ручку двери: если выпрыгнуть прямо сейчас, то я успею уйти за машину и сигануть через проезжую часть. Хозяин «опеля» отпустил руль и вцепляется в мою куртку.

— Пусти! — взвизгнул я и ударил его наотмашь закованным в кастет кулаком. Прежде чем кулак превратил его лицо в подобие раздавленного граната, мозг мой успел отметить, что лицо это мне знакомо. Поздно вспоминать. Раздался хруст, и кровь брызнула из смятого носа на лоб и щеки. Теперь узнать его будет еще сложнее.

Я толкнул дверь ногой и вывалился наружу, пытаясь использовать свою скрюченную позу для низкого старта.

Увы, мне не хватает какого-то мгновения, чтобы увернуться. Стальные пальцы Спасской Башни поймали полу моей куртки, а прежде чем я успел развернуться для удара, его нога с глухим звуком врезалась в мой бедный живот, и я повис, сложившись пополам, как поднятый за шкуру щенок.

Меня проворно затолкали в машину, где я получил несколько тумачков от водилы и пару ударов по ребрам от счастливых своей победой охотников. «Опель» вернулся к подъезду, где меня выгрузили и отнесли домой. Опрокинутый мной мафиози, судя по всему, не пострадал. С одной стороны, жаль, что не удалось врезать ему как следует, но, с другой, может, он не очень обиделся?

От мафиози мне тоже перепадает затрещина. Так себе удар, ладошкой, но все равно неприятно.

— Ты, видать, не понимаешь нормального языка? — Судя по голосу, он все-таки расстроился.

Я предпочел промолчать. Какой смысл тратить время на риторические вопросы? Громилы бросили меня на пол, к ногам босса, как охотничий трофей. Поскольку я не хотел чувствовать себя подстреленным хорьком, то поднялся.

— Следующая попытка побега закончится для тебя в морге, — недобрым голосом произнес мафиози.

— В морге? — переспросил я с загадочной улыбкой. Улыбка проступила непроизвольно, ибо в голове моей зашевелился новый экспромт. — В морге я уже бывал. Например, сегодня ночью. Интересное место, только прохладно.

— И это я знаю,— осклабился мафиози.— Твой друг-недруг Валдис уже пытался навешать мне лапши, что ты умер. Я только не пойму, ты что, хотел там спрятаться? Не нашел ничего поумнее?

— Да, говорю же я, что Валдис тут ни при чем. Я его как раз и обманул.

— Как же это? — Вопрос прозвучал небрежно, но чувствовалось, собеседник заинтригован.

— Очень просто. Есть такие таблетки...— Я достал из кармана бумажник.— Глотаешь одну, и через минуту ты в состоянии трупа. При невнимательном осмотре...

— Знаю,— раздраженно взмахнул рукой мафиози.— Короче.

— Ну, я и съел такую таблетку.— Я вытащил из бумажника завернутый в бумажку аспирин и протянул «крестному отцу». Тот, как я рассчитывал, не торопился взять ее, и я невзначай развернул бумажку.

В следующее мгновение я молниеносным движением сунул таблетку в рот и проглотил. Мясистые пальцы бандитов схватили меня за лицо и горло, пытаясь разжать челюсти, но было уже поздно.

По-идиотски улыбаясь, я изобразил на лице полусонное блаженство и безвольно повис в руках мордоворотов. Они ослабили хватку, и я упал на пол, старательно изображая при-

нявшую снадобье Джульетту. Не знаю, насколько натурально все получилось. Если бы я хоть помнил, что произошло со мной, когда съел настоящую «шпионскую таблетку», было бы много проще. Но ведь и гости мои, надо думать, видели такое только в боевиках. Расстроились они.

С минуту троица пребывала в замешательстве. Потом кто-то пнул меня с досады.

— Что теперь с ним делать? — поинтересовался один из громил.

— Я бы отправил это дерьмо вслед за его подругой, но надо бы закончить с Валдисом. — Мафиози перешагнул через меня. — Ты, Толик, останься, покарауль его. Насколько я понимаю, он будет трупом несколько часов, потом оклемается. Звякни мне, когда это случится.

Двое из моих гостей вышли, оставив мое «бездыханное» тело на попечение Толика. На это я и рассчитывал.

Некоторое время я не слышал никакого движения. Видимо, Толик просто стоял надо мной, прикидывая, что делать. Наконец он зашевелился и начал проделывать что-то не совсем понятное. Он взял меня одной рукой за шиворот, другой — за ремень брюк, поднял и поволок на кухню. Ворот врезался мне в горло так, что напрочь перехватывало дыха-

ние. Что за обращение! Ведь так он может придушить подопечного!

На кухне Толик бросил меня так, что голова моя оказалась в мойке, а колени пребольно ударились о конфорки плиты. Что он собирается со мной делать? Приводить в чувство какими-нибудь народно-живодерскими методами?

Толик открыл кран, обрушивая мне на затылок струю холодной воды. Несколько секунд ощущения были приятными, но затем голова начала мерзнуть. Он что, хочет, чтобы я заболел менингитом и стал совсем идиотом?

Но это было только начало. То, что Толик собирался проделать дальше, беспокоило гораздо сильнее. Он включил конфорку. Я не мог этого видеть, но услышал щелчок ручки и почувствовал тепло — мое колено лежало как раз на этой конфорке.

Чавкнула, открываясь, магнитным замком дверца холодильника. Похоже, парень решил позавтракать, чтобы не терять зря ни времени ни веса. Значит, он не собирается пытаться меня огнем, а просто надеется приготовить себе что-нибудь горячее. Это уже хорошо, но возится он слишком долго — колено начинает жечь. Ощущения непередаваемые: башка под струей ледяной воды, колено на раскаленной конфорке. Еще мгновение, и я не выдержу, выдам себя.

В холодильнике что-то лязгнуло. Толик, ругаясь, вскочил и отбросил мою ногу в сторону. Мысленно я поблагодарил его, хотя понял причину такой заботливости чуть позже, когда до моего носа дошел запах жженой тряпки: наверное, прогорели джинсы.

Амбал поставил на плиту сковородку с половиной курицы, которая должна была стать моим сегодняшним последним обедом в родном городе. Не тратя времени даром, он приступил к поискам еще чего-то: то ли заварки, то ли закуски, то ли столовых приборов. Звук исходил снизу — должно быть, он копался среди вещей, разбросанных по полу. Значит, или наклонился, или присел на корточки. Видит ли он меня?

Нужно действовать, потому что голова уже замерзла донельзя. Я осторожно повернул голову, открыл глаза и посмотрел сквозь поток воды. Толика видно не было. Я приподнял голову и стукнулся макушкой о кран. Шуршание на полу прекратилось, я мгновенно уронил голову и закрыл глаза. Не иначе бандит поднялся, чтобы посмотреть на меня. Прошло полминуты. Судя по звуку, Толик возобновил свои изыскания.

Теперь я действовал осторожней. Сначала открыл глаза, потом повернул голову так, чтобы видеть край раковины, и лишь после этого

начал медленно подниматься. Увидев согнутую спину, я замер.

Что делать теперь? Кулачный поединок с этим амбалом немыслим: без кузнечного молота его не свалить. Я покрутил глазами в поисках оружия. Сковарка! Приподнявшись еще немного, я начал медленно сгибаться, пытаясь дотянуться до тяжелой кастрюли. Как назло, она была развернута ручкой от меня, и, чтобы взять ее, не хватало нескольких сантиметров или той самой ручки...

Толик, не поднимая головы, плюхнул рядом со мной на стол пакетик мармелада. Собрался обедать по полной программе. Я двинул ногой и стал разворачивать кастрюлю. К счастью, подлива зашипела, так что металлический звук был не так слышен. Взявшись наконец за ручку, я сел на столе. Подо мной что-то хрустнуло. Толик поднял взгляд.

— Очухался, фраер?

— Ага! — сказал я и огрел его сковаркой по кумполу.

Он вскинул руку, но закрыться не успел. Удар, правда, получился не очень: сковарка вещь тяжелая и размахнуться как следует я не смог, но звук вышел звонкий. Оптимистичный такой звук, жизнеутверждающий.

Толик продолжал сидеть на корточках, но взгляд его теперь становился обиженным.

Черт, он даже не покачнулся! У него что, чугуны под скальпом?!

Я замахнулся снова, расплескивая подливу и рис по стене, но прежде чем я опустил свое орудие на эту чугунную голову, Толик сам медленно свалился на бок. Лицо его так и осталось обиженным. Нокаут. Прости, Толя.

Проворно спрыгнув со стола, я не удержался и лягнул бандита в живот. Вышел в прихожую, поднял свою сумку, огляделся напоследок и — что хотите со мной делайте! — взял трубку телефона. После того как мафиози пообещал отправить меня «вслед за подругой», желание срочно узнать новости о Наташке обострилось неимоверно. Речь явно шла не о поездке в Амстердам, а раз так, то что с ней? Она убита? Захвачена? Но если она на самом деле у «польских друзей» моего давешнего гостя, то какой смысл тащить меня следом?

Набираю по памяти парижский номер. Если не считать моих провалов, то память у меня — о-го-го! Понимая, что мадам сочтет меня полным идиотом, срочно придумал предлог.

— Мадам?

— А, мсье из Москва?

— Совершенно верно, мадам. Я звоню вот по какому поводу. Дело в том, что я не говорю

ни по-французски, ни по-английски. Поэтому поговорить могу только с вами.

— Да, пожалуй, что так. Но я помню. Нина Полеску.

— Замечательно. Но я еще хотел узнать ваше имя, чтобы попросить вас к телефону, когда буду звонить. Это возможно?

— Да, конечно. Лиз. Спросите Лиз.

— Большое спасибо, Лиз. Всего доброго. Больше я вас не буду беспокоить. Сегодня.

В сердцах разбив трубку о стену, я заглянул на кухню, чтобы убедиться в неподвижности Толика. Подошел к нему и обшарил — оружия нет. Жаль. Хочется иметь в руке что-то солидной убойной силы, прежде чем в третий раз за последние сорок минут открыть дверь и переступить порог. Кто-то встретит меня на сей раз?

Никто не встретил. Я спокойно вышел, закрыл за собой дверь, спустился вниз и отправился к метро. Путь мой лежал на вокзал к заветной камере хранения, где во мраке стальной ячейки покоились мои документы и остатки наличности, с которой мне предстояло, быть может, начинать жизнь с нуля.

В камере хранения никаких сюрпризов меня не ожидало. Я спокойно забрал свой конверт, убрал паспорта в карман, а доллары переложил в бумажник.

Я говорю «спокойно», подразумевая, что мне ничто не помешало и что мой вид не вызывал излишнего интереса. На самом деле внутри у меня раскручивался со страшной скоростью маховик, на который вместо ремня были намотаны мои до предела натянутые нервы. В ушах еще звенело пожелание отправить меня вслед за подругой. Что оно означало? Неужели они разделались с Наташкой? Маховик вращался все стремительнее, требуя немедленно куда-нибудь побежать, что-нибудь сделать, чтобы спасти подругу или хотя бы узнать точно, что с ней. Набирая обороты, он норовил намотать на себя вместе с нервами все прочие внутренности, и по моему телу то и дело пробегали неприятные волны, а по коже проносились табуны мурашек.

Что может быть страшнее неизвестности, неопределенности? Знай я сейчас, где она, что с ней и как ей помочь, я бы свернул горы, пробил бы стены, переплыл бы океан и сразился бы с вражьими ордами! Любой подвиг казался мне по плечу, мнился мне делом несравнимо более простым, чем блуждание в догадках: жива — не жива.

Именно потому, что действие было предпочтительней, мне стоило больших трудов сохранять внешнее спокойствие. Нельзя делать больше ни одного неверного шага. И так яс-

но, что дела мои — хуже некуда, а любая ошибка может стать роковой.

Я понимал, что биться с моими врагами немыслимо. Мне оставалось лишь попытаться перехитрить, переиграть их. Нужен был план действий. План безупречный, план гениальный. И, чтобы составить его, необходимо успокоиться. Необходимо, черт возьми, отодвинуть Наташкину судьбу на второй план, чтобы эмоции не мешали думать.

Тем более что, поразмыслив не спеша, я пришел к выводу, что одну важную ошибку я, кажется, уже сделал. Мне не стоило звонить в Париж с домашнего телефона. Если у нашей мафии и впрямь такие длинные руки, то почему бы этим рукам не дотянуться до европейской столицы, не говоря уж о моей телефонной линии? Нехорошо, если они узнали теперь и про эту Нину Полеску. Очень плохо.

Итак, мне предстояло определиться с планом на будущее. Но прежде я хотел бы все-таки попытаться восстановить в памяти хоть что-то из того вычеркнутого дня. У меня был шанс сделать это без посторонней помощи. Если не помогал ассоциативный метод осмотра содержимого карманов, то существовал другой способ: вспоминать «с разгона». Метод вполне научный. Суть его в том, чтобы воссоздать цепочку предшествовавших собы-

тий, вытягивая из себя все больше подробностей и мелких деталей по мере приближения к «черной дыре». Хороший метод. Мне он всегда казался более эффективным, чем все остальные, а доктора насовествовали мне их десятка два. Такой уж это народ — доктора: толку от них никакого, все на уровне теорий, концепций, учений. Неудивительно, что почти все медики мечтают заделаться психиатрами.

Я зашел в платный зал ожидания, уселся поудобней в дальнем углу и начал вспоминать.

Глава VI

Заварилась вся эта каша довольно давно. Чтобы не возвращаться потом по двадцать раз назад, начну издалека, вернее, издавна.

Можно даже начать с последнего дня той самой недели, которую мы провалялись с Наташкой у меня дома. Я стал рассказывать что-то такое о своем бытии на зоне, что-то, на мой взгляд, смешное. Но то ли я оказался плохим сатириком, то ли еще что, но Наташка слушала меня так, словно я сам себе зачитывал смертный приговор. Рассказ мой в такой аудитории как-то завял.

— Значит, ты даже не был виноват? — спросила она.

— Ну, ты же знаешь, наверное...

— И что ты будешь делать?

— В смысле?

— Ну, тебя ведь подставили... кусок жизни, планы на будущее...

— Да,— кивнул я с чувством и по лагерной привычке уже набрал слюны, чтобы смачно сплюнуть, но вспомнил, что сижу дома в кресле, а под ногами палас.

— Козлы! — выразил я свое отношение к Гришаеву и Валдису.

— И что? — Наталья все добивалась от меня ответа на вопрос, который не задавала.

— Что «и что»?

— Что ты собираешься делать с ними?

Ах, вот оно в чем дело! Девочка интересовалась, начну ли я вендетту против своих обидчиков! Признаться, первые полгода заключения я только об этом и мечтал. Потом поостыл, рассудив трезво: деньги мне заплатили, договор есть договор, чего злиться?

Жажда мести вспыхнула с новой силой, когда я узнал о том, что меня именно подставили, что вся эта авария была спланирована с самого начала. Тут уж я вскипел не на шутку. Глотки готов был перегрызть всем троим. Но нужно было еще досидеть. А пока досиживал, опять-таки успел покумекать. Да, повторить подвиги графа Монте-Кристо — дело приятное для самолюбия и весьма романтическое. Только эта роль не про меня. Монте-Кристо был безумно богат, влиятелен и подготовлен к мести. В моем же случае все наоборот: я был никем, а мои противники успели стать если не хозяевами жизни, то людьми слишком силь-

ными. Гришаев открыл уже собственную биржу, Валдис тоже обзавелся бизнесом. Они разъезжали в дорогих машинах, в окружении свиты телохранителей.

Главным аргументом стала даже не недосыгаемость их при моих возможностях, а то, что за спиной у меня не было никого и ничего, и единственной наградой, которую уготовила бы мне судьба в случае, если бы мне удалось добраться до кого-то из них, был бы еще один срок. А возвращаться туда мне не хотелось.

Я мог бы высказать все это вслух и уже собирался это сделать, но споткнулся о Наташкин взгляд. Понимаете, она ждала от меня чего-то героического, мужского, и промялвить ей о своих соображениях было просто невозможно. Я сдвинул брови и буркнул что-то вроде: «Я еще не решил окончательно».

Не думал я, что такой ответ ее устроит, но она кивнула понимающе и сказала серьезно:

— Правильно. С этим нельзя торопиться. План должен быть безукоризненным.

Собственно, на этом тема была исчерпана, мы не возвращались к ней достаточно долго, и я решил, что вопрос снят.

Примерно через месяц начали возникать и другие вопросы. Например, о том, на что жить дальше. Мы представляли собой в этом плане не самую стабильную парочку. Я пере-

бывался случайными заработками, самым достойным из которых была работа в охране, откуда меня выперли даже быстрее, чем я успел выучить свои обязанности. Кто-то из хозяев фирмы прочел мою анкету.

Поступали предложения с приличной оплатой, но то были предложения от публики того же сорта, с какой мне пришлось коротать время за колючей проволокой. Шансов, что завершится эта работа новым сроком, было навалом.

Я не бедствовал. Деньги, оставленные мне за мою забывчивость, позволяли держаться на плаву. Во всяком случае, пока. Но цены росли, а сумма в моем заглазнике все уменьшалась. Самое время поразмыслить о перспективах.

Наташкины дела в этом плане шли не лучше.

Она, по ее собственному выражению, «тусовалась» на Арбате. Я мог представить себе молодых людей, проводящих время в праздных разговорах, потягивании пива и покуривании чего-либо. Тусовка есть тусовка. Дело житейское. Но в моем представлении, «тусуюсь», люди тратят деньги, но никак не наоборот. Я не удивлялся, когда на вопрос «чем занимаешься?» она отвечала этим своим «тусуюсь», но когда на вопрос «на что живешь?» следовал точно такой же ответ, переварить его

я не мог. Словом, источник Натальиных доходов оставался для меня загадкой.

Она рассказывала, что несколько лет назад активно работала с «зелеными», катаясь с ними по миру и проводя различные мероприятия и акции в защиту родной окружающей среды. Под этим флагом она объехала всю Европу. Денег это занятие не приносило, но поехать было что, а главное, было интересно. Потом с заграничными вояжами стало труднее: «Гринпис» начал активно работать на территории России. Командировок стало больше, но все они были в Сибирь, на разные заводы, комбинаты, закрытые объекты. Смотреть мир по левую сторону Урала Наталье не грело, и она отвалила из этой группы. Так что теперь она «тусовалась».

Она не горела желанием посвящать меня в свои методы добычи денег, но мало-помалу я начал понимать, какие механизмы намыывают денежки в карманы этой шпаны. Кто помогал в скупке орденов и антиквариата, кто приторговывал травкой, кто промышлял мелкими аферами, а кто-то, как Наташка, помогал всем этим категориям понемножку, имея за свои труды пусть и небольшой, но довольно регулярный заработок.

Криминальный момент в таком образе жизни не слишком смущал меня. Я и сам был не прочь оттянуться, покурив «косячок», и не

воспринимал всерьез возможности загреметь на этой почве. Я даже не стеснялся хранить анашу в буфете на кухне. Почему нет?

В общем, довольно долгое время мы просто плыли по течению, лениво поглядывая на берега, не встретится ли на пути уютная гавань. Нам было хорошо вместе.

Где-то месяца три назад Наташка спросила мимоходом, знаю ли я, чем занимается Валдис.

— У него сеть стоянок на юге,— пожал я плечами.— А что?

— Это понятно. Там он бабки отмывает. А знаешь, чем он занимается на самом деле?

— Ну, наверное, шпионит в пользу Саддама Хусейна. Или роет подземный ход до Багдада.

Моя шутка не была оценена.

— Он контролирует сбыт наркоты в нескольких кабаках. Неподалеку от его стоянок,— ответила на свой же вопрос Наталья.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— И что из того?

— А ты знаешь, на сколько он загремит, если его сдать ментам?

— Догадываюсь. Скорее всего, ни на сколько. А самые большие проблемы в этой истории возникнут у того патриота, который его заложит.

Наталья повела бровью и отвернулась.

— Я хотела чем-то помочь.

— Спасибо, но, видишь ли, я не брежу местью. Подвернется случай — хорошо, нет — значит, не судьба. Я с куда большим удовольствием получил бы с них еще денег. Штук сто грина. И считал бы, что мы квиты. А посадить их... Что мне от этого проку, кроме геморроя и тягостного ожидания, что мне оторвут башку в собственном подъезде?

Наталья ответила не сразу, но, как водится, ответ ее явился для меня сюрпризом:

— Логично рассуждаешь. Цивилизованно.

— В каком смысле «цивилизованно»?

— В том самом. Есть такая поговорка: не то беда, что корова сдохла, а то, что у соседа жива. Бычья поговорка. Око за око! Варварство. Нормальные люди требуют возмещения ущерба, обращаются в суд, подсылают адвокатов. Они хотят получить компенсацию, и это правильно. Тебе нужно как-то компенсировать свой срок.

— Твоими бы устами да мед пить! Только подавать в суд и подсылать адвокатов к этим людям — самоубийство. Они сами могут кого хочешь подослать, причем так быстро, что не успеешь дожидаться возвращения своего адвоката.

— Значит, нужно идти другим путем.
— Опять-таки золотые слова. Как только я найду этот путь, то сразу по нему двинусь.

В третий раз мы вернулись к этой теме месяца назад. Теперь — чтобы довести дело до конца.

Идея была Наташкина, хотя мне и пришлось вытягивать ее клещами. Зная мое отношение к проектам, чреватым новым сроком, она не сразу решилась высказать мне свои соображения. Но идея щекотала ее изнутри, а я наседал снаружи, так что выхода у нее не было.

— У меня есть один знакомый,— начала она излагать свой проект.— Пограничник. Из Таджикистана. Они часто перехватывают караваны контрабандистов. Оружие и ценности они сдают по описи, а наркотики уничтожают на месте, по акту.

— Ну, и?..— Я уже понял, откуда дует ветер, но мне хотелось дослушать.

— Ну, и они могут не уничтожать всю партию. Понимаешь? Проблем довести до России, до Оренбурга, у них не возникнет. Если что — скажут, что везут вещественные доказательства. И сами себе дадут справки.

— И?..

— И они могут предложить героин. Очень высокого качества. За половину цены.

— А что мы будем с ним делать?

— Его можно продать. Продать крупному покупателю здесь, в Москве. Чтобы он отстегнул нам комиссионные, а мы бы свели его с этим погранцом.

— А почему ты обращаешься с этим ко мне?

— Ты хорошо знаешь Валдиса.

— То есть ты хочешь, чтобы я пошел к Валдису и предложил ему свои услуги в качестве наркоторгавца?

Она хитро улыбнулась:

— Нет. Я же знаю, что ты в это не ввяжешься.

— Тогда я что-то не пойму, зачем ты мне всю эту чушь сейчас молла.

— Мне интересно, правдоподобно ли это звучит.

— Что? Этот бред?

— Если ты считаешь, что это бред, тот объясни, пожалуйста, почему. Мне это очень важно. Но если это похоже на правду...

— Будем считать, что ты пишешь детектив, а меня пригласила консультантом.— Мне не хотелось ссориться, а всерьез обсуждать возможность поторговать героином, было против моих принципов.— Перво-наперво, я не настолько хорошо знаю Валдиса, чтобы идти к

нему с таким делом. Во-вторых, Валдис недостаточно хорошо знает меня, чтобы обсуждать со мной это. Может, я сексот и в кармане у меня диктофон? Далее. О каком количестве идет речь?

— На полмиллиона. Пятьсот тысяч баксов.

— Конкретно ты замахиваешься! Так вот, Валдис не настолько глуп, чтобы рисковать огромными деньгами, начиная бизнес со мной с таких объемов. Он попросит пробу, гарантии, наведет справки. Кстати, какие коммиссионные ты хочешь запросить?

— Ну, он ведь сэкономит пятьсот тысяч. Думаю, что десять процентов — достаточная сумма.

— Может, и так. Только по твоей схеме ему нужно будет сначала заплатить мне этот полтинник, а потом скакать за семь верст киселя хлебать! А если там у него ничего не выгорит? Мало того, что он очень обидится и попросит компенсировать финансовые затраты и моральный ущерб. Он может возомнить, что его специально подставили. Да что мы обсуждаем! Он никогда не даст мне такой суммы!

— Почему?

— Потому, что с меня нельзя будет получить ее обратно. Что у меня есть? Только эта квартира, а ей красная цена — тридцать пять. Ну, сорок, если с мебелью и всем барахлом. За вычетом расходов, коммиссионных и нало-

гов, останется штук тридцать. А какой ему смысл со всем этим связываться, если он ничего не наживет? Нет, этот вариант не проходит. В лучшем случае он заплатит эти комиссионные по возвращении. Но что-то мне подсказывает, что по нынешним временам меня дешевле шлепнуть.

— Ну, а если это будет постоянный канал и ему будет выгодно работать с тобой?

— В любом случае он захочет выйти на поставщиков.

— Но ведь они могут поставить условие, что работают только с тобой. Для подстраховки. Мало ли какого клиента ты им приведешь.

Задача показалась мне интересной. Я даже забыл, что завязал с криминалом. В конце концов, это ведь был разговор, исходя из гипотетического «а если бы...». Любопытно было вот так, с лету, придумать механизм полумиллионной сделки, хоть на минуту почувствовать себя крутым дельцом, помечтать.

— Он не отдаст деньги, пока не убедится, что товар перед ним,— сказал я после некоторого раздумья.

— То есть, если это не будет обмен из рук в руки, он откажется?

— Полагаю, да.

— И откажется от возможности заработать четыреста пятьдесят штук одним махом?

Должен признать, что Наталья умела находить аргументы. Ей бы репортером пойти, политиков по углам гонять.

— Я не знаю, какие у него аппетиты... — сделал я попытку уклониться от прямого ответа.

— Уверяю тебя, что за сто штук он готов перебить шесть человек.

— Откуда такая точность?

— От верблюда.— Наталья нахмурилась.— Так что он сделает?

— Слушай, ты обратилась не к тому человеку. Я не специалист по таким сделкам, а полмиллиона я не видел даже во сне.

— А мне больше не с кем посоветоваться,— настаивала она.

— Ну, тогда остается пойти и спросить. Ничего, если ты получишь вместо ответа мою голову в целлофановом пакете? Отрицательный результат ведь тоже результат?

— Ладно.— Она недовольно махнула рукой.— Скажи тогда: звучит правдоподобно?

— Вполне. Сейчас почти все звучит правдоподобно. Я тут читал в какой-то газете, как...

— Теперь другой вопрос,— перебила меня Наташка.— Ты физику хорошо учил?

— Скажем так, удовлетворительно...— Осенившая меня догадка отбила последнее

желание шутить.— Ты что, решила заняться производством героина?

— Тогда бы я спросила тебя про химию. И не гадай пока, к чему я веду. Все равно не угадаешь. Ты знаешь, что такое изотопы?

— Изотопы? Ну, это... из чего бомбы делают.

— Да, и бомбы тоже. Но им давно уже нашли лучшее применение. И, знаешь, настолько лучшее, что цена одного грамма некоторых изотопов доходит до двухсот тысяч долларов...

Не слишком вежливое похлопывание по плечу мигом вернуло меня в настоящее. Прямо передо мной стояли двое в форме и один «просто так».

— Документы! — Они смотрели на меня так, словно я взят ими с поличным при ограблении скобяной лавки.

Что делать? Я протянул им свой паспорт.

Короткие пальчики проворно нашли отметку о прописке. Блюститель порядка с явным разочарованием убедился, что я москвич. На всякий случай взглянув на фотографию, он закрыл паспорт и протянул его мне, словно грязную пленку: на.

Троица перешла к следующему пассажиру.

Я поднялся. Не знаю, правильно это или нет, но я предпочитал сменить место дислокации. Как знать, может, эти камуфляжники как раз меня и ищут или сообщат кому надо, что я сижу здесь.

Я вышел из вокзала и снова спустился в метро. Кольцевая линия — лучшее место, чтобы подумать или покемарить. Сначала можно подумать, потом покемарить. Проснувшись, можно сыграть в лотерейку: выйти на первой же станции, где будет вокзал. Там я сяду в электричку и отъеду от столицы, и буду ехать до тех пор, пока у меня не появится план. Эдакий отъезд Кутузова в Фили. Или нет, Фили были до сдачи Москвы. А потом он сидел, кажется, в Тарутино.

Войдя в вагон, я уселся на крайнее место, прислонился к поручню, приготовившись хорошенько все обдумать, и уснул.

Глава VII

На чем я остановился? Да, на изотопах.

Убедившись в моей серости, Наталья не стала грузить меня лекцией на эту тему. Вместо этого она рассказала мне еще одну байку.

В каком-то городе-«ящике» живет местный Курчатов, который получает эти изотопы в домашних условиях. Чуть ли не в кастрюле-скороварке их варит. Как водится, никого его научные изыскания не интересуют, так что варит он изотопы в свое удовольствие, для души. А еще у Натальи есть друг в Варшаве, друг которого в Германии готов приобрести этот изотоп в любых количествах по сто пятьдесят тысяч за грамм. Таким образом, приобретя за полмиллиона долларов восемь грамм изотопа у нашего соотечественника, можно вывезти их в Польшу и там выручить за них миллион двести.

— Ну как? — поинтересовалась, закончив, Наталья.

— Вот это уже точно бред, — сказал я честно. — Изотопы, миллионы, атомный реактор на кухне. Извини, конечно, но в это никто не поверит.

— Я так и думала, — улыбнулась она с довольным видом. — Тем не менее никакого пограничника не существует, а дедушка-ядерщик и люди в Варшаве — герои нашего времени.

Вместо ответа пожимаю плечами в том смысле, что «век живи — век учись».

— Что ты думаешь по этому поводу?

— Думаю, что у нас нет пятисот тысяч.

— Я рассчитывала, что ты соображаешь быстрее.

— Что я должен был быстро сообразить?

— Мы возьмем деньги у Валдиса.

— У Валдиса? Под эту хреновину с изотопами?

— Ты совсем глупый. — Наталья начала терять терпение. — У Валдиса мы возьмем деньги на героин. Купим на них изотоп, продадим в Польше, а дальше — весь мир у наших ног.

— А деньги мы ему не отдаем?

— Конечно нет. Зачем? Это и будет твоя компенсация, исходя из сегодняшних рыночных цен.

— Звучит красиво, только, боюсь, взять деньги у Валдиса будет даже сложнее, чем получить изотоп.

— Ну, тут уж тебе и карты в руки!

— Почему именно мне?

— Потому, что это твои старые счета, а главное, потому, что ты можешь сказать, будто забыл что-то, и тебе поверят. С твоим диагнозом...

— Тпру-у! Что ты несешь? Каким диагнозом? Есть куча людей вообще слабоумных, которых и спрашивать ни о чем не станут. И вообще, что я должен забыть?

— Я не зря спросила твое мнение по поводу сделки с героином. Я тоже думаю, что Валдис деньги не отдаст. Никто не отдаст такую сумму никому. Я думаю, что если он клюнет, то предложит компромиссный вариант. Скажем, тайник или банковский сейф. Так вот, ты можешь сказать, что забыл, скажем, шифр, место тайника, пароль, наконец, потерял ключ. Это даст мне время, чтобы купить изотоп и вывезти его из страны...

— А я?

— А ты поморочишь им голову и рванешь следом!

— Так вот просто? — Я не верил своим ушам. — Ты считаешь, мне удастся убежать, имея долг в полмиллиона? И почему нужно

плести басни про амнезию, когда можно просто удрать вдвоем?

— В том-то и дело, что не просто! Олег, ты пойми, что если они доверят тебе деньги, то не спустят с тебя глаз! И пойдут за тобой по пятам, так что ни о какой поездке в Сибирь и возвращении на машине не может быть и речи...

— О какой машине ты говоришь?

— Я все продумала. О твоей машине. Мне выточат такие болты для колес, с лунками внутри. Туда я положу контейнеры с изотопом. На машине я проеду до Варшавы. Там Збышек...

— Стоп! Это все здорово, но меня-то ты спросила?

— Олег, это наш шанс!

— Какой, к черту, шанс? Это шанс быстро найти пристанище где-нибудь на помойке, с оторванными башками и яйцами!

— Олег, послушай...

— И слушать не хочу.

— Дай мне сказать.— Она взяла меня за руки.— Давай сделаем так. Мы ведь не можем ничего планировать, не зная, какие условия предложит Валдис. Ты просто пойдешь к нему и предложишь первый вариант с комиссионными здесь и самовывозом...

— Просто! Это не просто! Во-первых, возникнет куча встречных вопросов, во-вторых,

я окажусь под колпаком у этих ребят, в-третьих...

— Да ничего не случится! Наврешь что-нибудь. Скажешь, что пограничник сам тебя находит. Что вы вместе служили в армии, а адреса его ты не знаешь...

— Я не служил ни в какой армии.

— Ну, тогда поступали в институт вместе. Ты поступил, а он провалился!

— Они могут поднять экзаменационные листы.

— Не смей меня, кому это нужно?

— Это серьезная публика, и черт его знает, что им взбредет в голову, если речь будет идти о больших деньгах.

— Ну, тогда придумай что-нибудь сам. Олег, ты же умный...

— Не до такой степени.

— Олег, ну пожалуйста! Давай попробуем. Такой шанс бывает раз в жизни. Ну хотя бы попытаемся...

Она уговаривала меня до самого утра. Никогда себе не прощу, но на рассвете я сдался. Мы условились, что я пойду к Валдису и предложу ему вариант с пограничником. После этого мы обсудим результаты моего визита и решим, как быть дальше.

Сам себе удивляюсь, но я действительно пришел к Валдису.

Вопреки ожиданиям, он отнесся к предложению совершенно нормально. Даже не поинтересовался, откуда я знаю о его делах. В остальном я все предугадал. Ни передавать мне деньги, ни платить вперед он не собирался. Но от дальнейших переговоров он не отказывался. Попросил образец.

Я пересказал все Наталье, полагая, что продолжать это предприятие не стоит. Но она была прямо противоположного мнения.

— Через неделю отнесешь ему образец,— кивнула она удовлетворенно.

— Почему через неделю?

— Чтобы у него не возникло подозрения, что товар где-то рядом. Тогда он решит, что ты морочишь ему голову с пограничником, и будет вести себя гораздо хуже.

— Логично,— сказал я, буквально чувствуя запах дыма: за моей спиной полыхали мосты. Времени, чтобы повернуть и отказаться от этого безумия, оставалось все меньше, но я продолжал слушать ее, обсуждать и делать шаг за шагом в этот ад.— А где мы возьмем этот образец?

Она протянула мне маленький, размером с пуговицу, полиэтиленовый кулечек.

— Возьми. Это действительно очень хороший товар. Ему понравится. Только не забудь, что это — все, что у нас есть.

Через неделю я отнес образец Валдису. Теперь он взял тайм-аут, чтобы проверить качество героина.

— Хорошая штука, — сказал он в третью нашу встречу. — Думаю, что он в самом деле из Таджикистана.

Я пожал плечами как человек, не сомневавшийся в результате.

— Хотелось бы все-таки прийти к какому-то соглашению. Вещь хорошая, цена интересная. И вот что я предлагаю. Десять процентов за простое посредничество — это очень круто. Но заплачу не десять, а даже двенадцать процентов. Знаешь за что? За то, что ты или твой пограничник привезете товар сюда. Здесь и обменяемся. Вы мне — героин, я вам — бабки. По рукам?

Нормальный человек сказал бы «нет» и ушел бы восвояси, но что-то во мне было уже не в порядке. Может быть, я так вошел в роль, что не знал уже, как выйти обратно. И я начал торговаться.

— Видишь ли, Валдис, сумма-то приличная. Мало ли что может случиться с нами здесь, если и товар и деньги окажутся рядом.

— А они не окажутся рядом.

— То есть?

— То есть мы поступим с тобой как цивилизованные люди. Мы положим деньги в банк. В две ячейки. В одной будут лежать пять-

сот тысяч долларов. Эти деньги, в случае успеха нашего предприятия, отойдут твоему приятелю. А во второй будут лежать шестьдесят тысяч — твой гонорар. Поскольку официальный договор мы с тобой заключить не можем, мы, как говорится, пойдем другим путем. Заключим договор о передаче рукописей. Роман и повесть о твоём житье на зоне. По этому договору в банке будут лежать не деньги, а рукописи. Та же бумага, только форматом побольше. Доступ к ячейкам будет у обеих заинтересованных сторон: к первой — у нас с тобой и у пограничника, ко второй — у тебя и у меня. Чтобы залезть в ячейку, нужно будет прийти в банк вдвоем. Никто не сможет забрать деньги без партнера. Я получаю героин, мы идем в банк и открываем обе ячейки. Ты с приятелем получаешь свою капусту. Если боитесь, что вас встретят на улице с кистенем, можете тут же в банке положить деньги на счет или перевести куда-нибудь. Я думаю, вы по любому поводу не станете шляться с чемоданами бабок по улицам.

Итак, вот оно, предложение Валдиса, которое нужно было нам с Наташкой, чтобы начать детальную разработку плана. Положить деньги в банк. Что ж, внешне все выглядит убедительно.

— А если с нами... — решил я уточнить детали этой операции, — что-то произойдет?

— Будь проще.— Валдис усмехнулся.— Ты ведь хочешь спросить, что будет, если одна из сторон так и не придет в банк?

— Примерно.

— Что ж, понятный интерес. Без росписи в получении рукописи вам денег не видать. Пройдет месяц — я заберу их обратно. Тут теоретически я могу вас кинуть, отобрав подписанный договор. Поэтому есть условие: я смогу забрать содержимое сейфа, только предъявив договор неподписанный. Так что или я договор подписываю и вы рубите свою капусту, или не подписываю... — Он сделал выразительный жест.— Вариантов быть не может. А что касается твоего гонорара, мы внесем пункт о том, что по истечении некоторого срока ты сможешь забрать эти деньги один.

— Я?

— Ты. Для твоего же спокойствия. А что тебя смущает?

Я задумался, как бы поделикатней сформулировать мое сомнение.

— Ну а если я...

— Смоешься? — с лету подхватил мою мысль Валдис.— У тебя не будет такой возможности. Даже если ты и улизнешь, то мы будем очень сильно искать тебя, пока не найдем. Но я думаю, тебе нет смысла исчезать: ведь в этом случае ты все равно не получишь денег. Полагая, что ты человек разумный и

рациональный, я такой вариант даже не рассматриваю. Так что?

— Мне нужно связаться с товарищем.

— Свяжись. Подумайте, посоветуйтесь. Право выбора банка я оставляю за вами.

— Ясно.— Я поднялся и задал, как бы между прочим, последний вопрос: — А почему ты так не хочешь забрать его в Оренбурге? Это ведь будет стоить меньше того, что ты мне собираешься заплатить?

— А ты знаешь, кто такой Шито?

— Шито? — Я знал только одного Шито — гангстера из советской сказки, работавшего на пару с гангстером Крыто.— Думаю, что нет. А кто это?

— Если не знаешь, то лучше и не объяснять. Так или иначе, для меня нежелательно, чтобы кто-то знал о том, что я ввожу порошок сам. Понятно?

— Понятно.

— Вообще я хочу дать тебе совет. Дружеский. Не нужно задавать лишних вопросов. Заметь, я ведь не спрашиваю тебя, откуда ты знаешь, что с таким предложением нужно обращаться ко мне.

Я передал наш разговор Наталье.

— Ничего не выйдет. Если деньги лягут в банк, то нам их не достать. Тушим свет,— режюмировал я и с удивлением почувствовал, что разочарован таким исходом. Оказывается,

я был готов пойти дальше. До конца, что бы там ни ожидало, со щитом или на щите.

Жалеть об упущенной возможности сунуть нос в мясорубку мне пришлось недолго. Вечером Наталья ошарашила меня сообщением, что план готов!

Итак. Мы выбираем «НАБО-Банк». Там есть сейфы, которые открываются кредитной карточкой банка. Или двумя карточками. Внешне все карточки одинаковы, различие только в коде. Это как раз то, что нам нужно. Наталья заходит в банк днем раньше и снимает сейф. Ей выдают карточку. Карточку она отдает мне. Я иду в банк с деньгами Валдиса, самим Валдисом и парнем, которого представляю как курьера от погранцов. Кладем деньги в ячейки. Одна карточка от полумиллионного сейфа останется у «курьера», а вторую Валдис, скорее всего, захочет забрать. Моя задача — отдать ему карточку, переданную мне Натальей. А ей самой передать ту, нужную. Тогда Наталье останется просто пойти и забрать деньги!

— А я? — задал я резонный вопрос. — Со мной они что сделают?

— Ты... Тебе придется играть свою амнезию. Курьер придет на стрелку без товара. Скажет, что произошла задержка на несколько дней. Они спросят про карточку. Он ска-

жет, что карточка у тебя. Валдис свяжется с тобой — ты подтвердишь...

— Так они же потребуют ее отдать!

— А вот тут тебе придется забыть, куда ты ее спрятал...

— Шутишь?! Да они приставят мне паяльник к животу и попросят вспомнить!

— Вряд ли. Им ведь главное — бабки. Скорее всего, они позвонят в банк и спросят, открывались ли сейфы. По телефону такие вещи не говорят. Их попросят подъехать с карточками...— Наталья развела руками, предлагая мне закончить этот душераздирающий сюжетец.

— Ну, и подъедут,— не сообразил я, где тут собака зарыта.— И что дальше?

— А дальше они предъявят карточку от сейфа с твоим гонораром, который мы трогать не станем, и... карточку от того сейфа, который я сниму накануне! Его я тоже обещаю не тревожить.

Наталья была счастлива, что придумала такую комбинацию, но я пока не считал ее гениальной.

— Но от меня-то они не отстанут! — напомнил я ей печальную истину.

— Верно. Но они будут считать, что деньги на месте! — Наталья даже начала приплясывать от возбуждения.— Им и в голову не придет, что их кинули! В крайнем случае, они за-

берут свои деньги назад через месяц. Пятьсот тысяч — предъявив договор, а шестьдесят тысяч — предъявив тебя. Они поверят просто потому, что не будут видеть никакого смысла в этой комедии. С их точки зрения, ты ничего не приобретаешь и не можешь приобрести. Так какой тебе смысл дразнить гусей и нарываться на неприятности?!

— А если они не поверят в мою амнезию?

— Но ведь в зоне поверили? А там — сам говорил — симулянтов раскусывают сахарными щипцами! Как сыграешь.

— Почему нельзя просто слинять?

— Олег, мы не сможем кататься взад-вперед по стране на твоей машине. Они засекут нас через ГАИ. У них же все схвачено. Олехек, милый, тебе придется потянуть время! Я буду за тебя молиться, буду кулаки держать...

— Да, но как я от них отвяжусь? Они же не отойдут от меня ни на шаг, пока не вернут деньги!

— А ты «вспомнишь», где карточки. Отдашь им мою вторую и свою. Нам придется встретиться, чтобы я отдала тебе их. Опасно, если они будут у тебя. Они могут найти их сами. Ты приедешь как бы провожать меня в аэропорт, и я незаметно передам тебе их. Только отдать следует вечером, когда банк будет закрыт, а до утра тебе нужно линять. До шести утра, потому что в семь тебе нужно

быть на вокзале и сидеть в поезде «Москва — Варшава». Мы купим тебе тур. Документы лучше сразу оставить в камере хранения...

— Подожди, — перебил я ее, еще не зная, какой из тучи вопросов, роившихся в голове, задам первым.

Глава VIII

Валдис клюнул. Так мы решили, хотя, если честно, до сих пор меня гложут сомнения, кто у кого на крючке. Я никак не мог отделаться от чувства, что где-то мы допустили просчет, чего-то недоучли. Знаете, интересное такое чувство. У меня было так, когда я сдавал вступительный по математике. Отдаю конверт с работой, а у самого сосет под ложечкой — что-то не так. То ли слишком быстро все удалось, то ли еще что... В общем, решил я все, но почти все неправильно. Получил трояк...

Так вот, возвращаясь к нашим баранам.

Солнечным днем мы вошли в двери «НАБО-Банка». Оформили документы, положили деньги в сейфы. Как мы и предполагали, Валдис настоял, чтобы одну карточку на выходе я передал ему.

Идем к выходу. Я нахожу глазами Наталью. Она стоит возле банкомата, невозмут-

мая, как английский гвардеец, в строгом деловом костюмчике, так что непонятно со стороны, клиент она или сотрудница банка. Я понимаю, что шансов передать ей карточку — мы условились, что я уроню ее, проходя мимо банкомата, — никаких. Все на виду, рядом Валдис и его адвокат. Упав на мраморный пол, карточка звонко ударит о камень... Нет, это невозможно. Мы пропали!

Тем не менее прохожу возможно ближе к банкомату, вырываюсь из нашей группы чуть вперед, но все бесполезно: так меня еще лучше видно.

Краем глаза замечаю, что автоматические двери не открываются передо мной: прижимаясь к банкомату, я слишком взял влево. Но вот они ожили и двинулись в стороны. На ходу оборачиваюсь к Валдису, открываю рот, якобы чтобы сказать что-то, и успеваю врезаться в край створки двери.

Я старался создать видимость сильного удара. Все получилось как надо. Я даже переборщил: стукнулся так, что в глазах потемнело.

Картинно падаю на пол.

Ко мне бросились Валдис с адвокатом, курьер, охранники, какой-то менеджер. Все начали щебетать и спрашивать меня, как я. А я обвел их мутным взглядом и промычал что-то

нечленораздельное. Изобразил нокдаун, но они, кажется, этого не поняли.

Наталья протиснулась между охранником и курьером и протянула мне платок. Умница! Я вытер губу, оставляя на белом шелке розоватую полоску, и возвратил, подложив под ткань карточку. Наталья исчезла из поля зрения.

Кругом бардак. Адвокат Валдиса лаялся с менеджером из-за неисправной двери, Валдис торопил всех, охранники и курьер пытались поднять меня и поставить на ноги. Я симулировал сумеречное состояние: ничего не понимаю, никого не узнаю. Старался изо всех сил, чтобы выглядело правдоподобно. Как-то я наблюдал такое у одного эпилептика в больничке. Если бы я знал, что подобный опыт когда-нибудь пригодится, смотрел бы внимательнее.

Но, кажется, Валдис абсолютно не разбирается в психиатрии. Его совершенно не впечатлил мой спектакль. Вместе с телохранителем они довольно невежливо подняли меня с пола и почти поволокли к выходу.

Кто-то из артистов театра рассказывал, что очень тяжело играть, если нет контакта с залом, нет отдачи, не получаешь заряда энергии. В эти минуты я убедился, насколько это верно. Я изо всех сил прикидывался идиотом, а меня тащили за руки как нормального, отче-

го в своих глазах я выглядел еще глупее, чем старался казаться. Но сдаваться было нельзя, оставалось только ждать, пока эти бездари заметят наконец, что со мной что-то не в порядке.

Произошло это, когда мы погрузились в машину.

— Пожалуйста карточку.— Валдис протянул руку.

Я одарил его мутным взглядом и ничего не ответил.

— Эй, Олежек, тебя что, контузило дверью? Карточку дай мне! — Валдис отнесся к моей игре без должного уважения. Точнее сказать, вообще без уважения.

— Карточку... — кивнул я и стал неспешно шарить по карманам. Прошла минута, прежде чем я залез в нужный.

— Карточка... — Я не то чтобы протянул ему обе карты, но поднял их веером.

Валдис выхватил обе и с подозрением оглядел их.

— Которая твоя?

— Моя... — повторил я равнодушно.

— Слушай,— Валдис разозлился,— тебе последние мозги выбило? Какая карта твоя?!

Я удивленно воззрился на карточки.

— Тогда я заберу обе. Пока не вспомнишь.— Валдис сунул карточки в карман пиджака и отвернулся.

Я не возражал. Я просто сидел и тупо смотрел перед собой, не на дорогу даже, а на прикорнувшие на ветровом стекле дворники. Прошло минут пять, прежде чем Валдис снова повернулся ко мне. На сей раз в его взоре было любопытство.

— Эй, Олег! — Он щелкнул пальцами.

Я повернул голову и, улыбнувшись, медленно кивнул.

— Взгляд у тебя, конечно, стеклянный, — Валдис пожал плечами, — но со мной у тебя этот номер не пройдет. Ты можешь косить под умалишенного где-нибудь в другом месте.

Он сделал паузу, давая мне возможность одуматься, но я продолжал «косить».

— Нравится быть дураком? — продолжал Валдис. — Ради бога. Я не доктор и не собираюсь выяснять, что с тобой на самом деле. Но имей в виду, что мы отвезем тебя домой и у тебя погостят двое ребят. До окончания сделки. И если ты не выздоровеешь, то судьба твоих коммиссионных... Зачем психу деньги? Не зачем.

Меня привезли домой, уложили, не раздевая, на кровать. Со мной в квартире остались двое крепких парней. Этот почетный караул существенно нарушал все планы. Мы с Наташкой рассчитывали, что, отдав карточку, я смогу отвязаться от эскорта. Я даже собирался проводить ее, но, главное, у меня должна

была быть свободная минутка, чтобы курьер мог якобы передать мне свою карту. Что же получалось теперь? Он позвонит, как мы условились, Валдису, а тот его спросит, когда это произошло. И вся хитрость пойдет прахом!

Короче, я решил срочно выздоравливать. Поспав пару часов, я открыл глаза и стал таращить их на свою охрану, дескать, не пойму, что они здесь делают. Поколбасившись с полчаса из угла в угол, я «начал припоминать» события минувшего дня и даже позволил себе возмутиться вероломством Валдиса, забравшего обе карточки. Затем я открыл свой ежедневник и объявил, что должен ехать в аэропорт.

Сказать по правде, я надеялся на обратном пути сделать ноги от своей свиты. Это, конечно, было не по сценарию, но нервы были уже на пределе. Кроме того, накладка с курьером могла и не дать мне второго шанса уйти живым.

Мы связались с Валдисом, я высказал свое «фи» по поводу карточек, а парни получили «добро» на поездку в аэропорт.

Я проводил Наталью. Успел не только пожелать ей удачи, но и объяснить, что курьер не может ничего передать мне. Она пообещала связаться с курьером и передала мне «шпионскую таблетку».

Оторваться от провожатых мне не удалось, и мы все вернулись ко мне домой. Теперь я мог не опасаться накладок с курьером, но, что огорчало, я не знал, как изменится план дальше. В любом случае мне нужно было опять погружаться в сумеречное состояние.

Я с трепетом ожидал вечера, когда Валдис получит сообщение о том, что сделка не состоится. Вечер наступил, но ничего особенного не произошло. Стражи мои продолжали бдиль, я лежал в постели, обмотав голову полотенцем, и с ужасом ждал, когда нагрянут гости с вопросами. Под утро, так никого и не дождавшись, я уснул. Проснувшись без четверти одиннадцать, я обнаружил, что все по-прежнему.

Я опять занервничал. Курьер уже должен был позвонить, банк уже работает, и Валдис мог уже убедиться, что денег нет. Какого же черта?! Что происходит?! Самое подлое, что я не мог даже задать вопросов своим стражам: я ведь должен был соображать крайне плохо.

Наталья, кстати, должна была в эти минуты подъезжать к Москве.

До этого места я помню все точно. Дальше начинается пограничная зона между «помню» и «не помню». Это как с лысиной. На макушке гладко, на затылке еще ничего, а вокруг плечи эдакое «ни то ни се»: там волосок, тут волосок...

Помню, что уже трясло от напряжения. Пару раз я начинал присматриваться к охраннику, прикидывая, смогу ли я вырубить его неожиданным ударом, но не решался.

А что-то около часа зазвонил телефон. Мне подали трубку.

— Слышь, ты, — Валдис то ли запыхался, то ли пыхтел от ярости, — параноик, деньги еще в банке?

— Деньги? — растерянно переспросил я, трагически поднося руку ко лбу.

— Эй, козел! — рявкнул Валдис. — Хватит валять дурака. Я сейчас подъеду со специалистами по возвращению памяти, и мы выпотрошим из тебя вместе с кишками все, что ты знаешь. Но я могу дать тебе шанс остаться в живых. Если деньги еще в банке и если ты мне скажешь, где твой дружок, я оставлю тебя в живых.

— Кто это? — поинтересовался я устало.

— Все. Мое терпение лопнуло. — Валдис бросил трубку.

По иронии судьбы этот разговор был последним важным событием, которое я помнил достаточно отчетливо. Я помню смутно еще с полчаса ожидания, две пары глаз, неотрывно следящих за мной, и стук сердца, слившийся практически в непрерывный гул. Как знать, может быть, дело тут не только в таблетке. Может, мой мозг сам решил вычерк-

нуть из памяти эти воспоминания, как нечто невыносимое. Я читал, что такое случается, особенно у детей. Они забывают то, что подвергает их в шоковое состояние, грозит серьезно травмировать их психику. В случае крайней нужды эти воспоминания можно «разблокировать» под гипнозом. Может, мне найти гипнотизера?

Я открыл глаза. Поезд подъезжал к станции. «Комсомольская». То, что нужно: целых три вокзала, выбирай на вкус. Вышел. Возможность выбора несколько сбивала с толку. Я, если честно, не представлял себе, в какой подмосковный город можно выехать, чтобы найти там ночлег.

Кстати, неплохо бы поменять баксов пятьдесят, а то рубли совсем иссякли.

Подойдя к обменному пункту, я обнаружил какой-то немислимый курс покупки. Впрочем, курс продажи вообще немислимый. Ущипнул себя за руку. Что происходит на свете? Может, я проспал в коме пару лет или в стране за минувшие сутки приключился глобальный катаклизм?

Протянул купюру и паспорт. Мне выдали сдачу и именно столько рублей, сколько должны были выдать по указанному курсу. Я решил, что нужно купить газету.

Итак, куда же ехать? Я уже вышел на ту сторону, где Ленинградский и Ярославский. Куда я попаду с этих вокзалов? Может, махнуть в северную столицу?

Подошел к расписанию, изучил схему. А что, наверняка во всех этих городках есть люди, сдающие комнаты или даже койки на ночь. Другой вопрос, как их найти?

Пробежавшись по названиям станций, я остановился на городе Клин. А что? Там живет один знакомый, Сашка Постригань, по прозвищу Лишай. Трудились с ним в одной бригаде на зоне. Он сидел за ношение холодного оружия. После отсидки он несколько раз звонил мне, даже приезжал однажды. Предлагал какие-то сомнительные предприятия, сулившие неплохие бабки. Тогда это было не актуально. Сейчас же можно заехать в гости. Переночевать хотя бы. А там, глядишь, Лишай мог и помочь чем-нибудь. Хотя бы советом, где снять комнату на пару дней.

Я купил билет — не хватало еще неприятностей из-за такой ерунды! — и сел в электричку. Через два с небольшим часа я уже нажимал на кнопку звонка по адресу, оставленному мне Сашкой в прошлый приезд.

Лишай был дома.

— Сколько лет, сколько зим,— сказал он, увидев меня на пороге, не столько радостно, сколько озадаченно.— Какими судьбами?

— Базар есть. Пустишь?

— Ну, заходи, коли пришел.— Он отступил, пропуская меня.— Ты один?

Между делом я отметил, что обстановка в квартире подходит скорее для профессорских апартаментов, чем для обиталища бывшего уголовника. Все было дорого и, как ни странно, со вкусом.

— Что за разговор? — спросил Лишай, приглашая меня присесть в кресло с огромными подлокотниками и обивкой каких-то импрессионистских тонов. Он явно не планировал уделять мне времени больше, чем необходимо.

— Ты предлагал работу. Я хотел узнать, нет ли еще каких предложений.

— Это все вопросы?

— Нет, еще я хотел спросить, нет ли у вас в городе... не сдает ли кто комнат на короткое время.

Лишай озадаченно поджал губы. Прежде чем ответить, он пристально посмотрел мне в лицо.

— У тебя, я понимаю, большие проблемы.

— Примерно так,— согласился я с этой формулировкой.

— Что касается ночлега, то этим я как-то не занимаюсь.— Он сделал жест в подтверждение своих слов, давая понять, что жилищ-

ный вопрос его не тревожит.— А относительно работы... Что ты ищешь?

— Ну, я не знаю. Не думал ни о чем конкретно,— честно признался я.— Но я думал, может, что-то типа того, что ты предлагал...

— Этими делами я давно уже не балуюсь.— Он покачал головой.— Я, видишь ли, стал уважаемым человеком, работаю в администрации, думаю скакнуть в областную Думу. Так что если ты хотел заняться мелким криминалом, то...

— Ну, не обязательно криминалом,— поспешно вставил я.— Просто мне нужно порядка штуки зеленых за короткий срок.

— Ха, Фитиль, ну, ты даешь! — рассмеялся Лишай.— Как же это бывает, чтобы быстро срубить штукарь, и без криминала? Только если в мгновенную лотерею, но там, сам знаешь, шансов — нолик.

— Ну а если с криминалом?

— А если с криминалом... — Лишай нахмурился.— Если с криминалом, то ты, пожалуй, опоздал. Тут или рекомендация нужна, или заказ подходящий, или свои идеи. Конкуренция нынче велика. Молодежь подрастает, трудоустраиваться не желает, учиться не хочет, а соблазнов кругом — великое множество. Дискотеки, шмотки, техника всякая. Опять же наркота, страны теплые. Знаешь, сколько на-

роду удавит тебя за возможность быстро заработать сто баксов? Только свистни...

— Ладно. Я понял. Спасибо, что просветил.

— Да ты не обижайся! — Сашка примирительно похлопал меня по плечу.

— И не думал. Просто ты мне пособил взглянуть на эту проблему с другой стороны. Буду развивать собственные идеи.

— Это правильно.

Мы поднялись, и он проводил меня до дверей.

— Ты, если что надумаешь, звони. Может, помогу чем или подскажу, кого с собой взять.

— Ладно.— Я переступил порог.

Лишай придержал меня за локоть и шепнул, наклонясь к самому уху:

— Если понадобится какой инструмент, хиряй на Сходненский рынок. Найдешь там Грюню. Помнишь такого?

Я кивнул, не понимая, почему он шепчет.

— Ну, бывай тогда! — Лишай последний раз хлопнул меня по плечу и закрыл дверь.

Глава IX

Я не нашел ничего лучше, как отправиться обратно в Москву. В конце концов, можно переночевать, сняв комнату у вокзала. Если менять вокзалы и комнаты каждый день, то можно какое-то время перекантоваться.

Путь предстоял неблизкий, так что у меня была возможность спокойно подвести итоги и решить, что делать в ближайшие дни.

Что я имею? После минутного размышления я решил, что правильнее озаглавить этот список «Чего я не имею».

У меня практически не было денег. У меня была квартира — Наталья запретила продавать ее, чтобы этот факт не насторожил Валдиса, — в которую нельзя было вернуться. У меня были знакомые, у которых по разным причинам было стремно просить помощи. Но самое печальное, у меня не было цели: куда бежать, что делать? Если бы была жива Ната-

ля, то я бы искал пути вырваться к ней, но я даже не был уверен, что это так. Сказать по правде, я предполагал прямо противоположное. Не хотелось, конечно, верить, что Наталья попала в лапы к этим гадам, но упоминание Польши делало такой вариант более чем вероятным.

То ли мой аутотренинг дал результаты, то ли ощущение притупилось, а может, просто уступило место переживаниям за собственную шкуру, но я стал как-то спокойнее воспринимать это. Жаль, что Наташки больше нет, но что поделаешь? Нужно жить дальше, тем паче усилий для этого требуется теперь немерено.

В любом случае нужно уносить ноги из города, а еще лучше из страны. Лучше, как сказал кто-то из сатириков, «мыть унитазы в Хайфе», чем дрыхнуть в безымянной могиле.

Я решил вот что. Держусь в Москве неделю, пока не приедет та группа в Париж. Если ни Натальи, ни загадочной Полеску в ней не будет, придется считать, что мафиози имел в виду именно то, о чем я подумал. В этом случае я буду искать пути выбраться в Европу самостоятельно. Хоть в бандероли. Если же Наталья приедет с этой группой, то... все понятно.

Впрочем, я не собирался всю эту неделю прятаться по углам и сидеть овощем на гряд-

ке. Можно попытаться навести справки о Наталье у моих неприятелей. Почему нет? Определенный риск, конечно, есть, но чем может грозить звонок по телефону? Выехать вот так в пригород и звякнуть из автомата. Пока они до меня доберутся, я успею «Евгения Онегина» продиктовать! И как знать, вдруг удастся сквитаться с Валдисом? С кастетом в кармане шансов, сами понимаете, минимум, но...

Тут я вспомнил о последних словах Лишая. Инструмент мне определенно понадобится. На крайний случай. Конечно, возникнут некоторые сложности с законом: могут остановить, проверить. Но, черт возьми, сколько лет живу в Москве — ни разу не останавливали. Почему должны остановить теперь? А какой-нибудь ствол мне очень пригодится. С моим бюджетом, конечно, ничего путного не купишь, но что делать?

А Сходня ведь по пути! Почему не зайти? Торопиться мне некуда, а тут такая оказия.

Я вышел на Сходне. Рынок увидел сразу, но торговцы уже закруглялись, собирая вещишки и закрывая лавочки.

Что ж, я решил хотя бы ознакомиться с местной географией, чтобы в следующий приезд быстрее ориентироваться. На все ознакомление ушло минут десять. Закончить экскурсию я решил в пивнушке: почему не

пропустить немного в ожидании следующей электрички?

Едва войдя в зал, я увидел Грюню. Не в пример Лишаю, он почти не отличался от того шныря, каким был на зоне. Шмотки, конечно, были уже не казенные, однако выглядели они так, словно выдавались на два года, а щетина, стрижка, папироса и выражение лица оставались неизменными.

Грюня сидел за столом в углу и распивал с каким-то мордастым ханыгой, чей социальный статус был, очевидно, не выше.

Я подошел и сел за столик.

— Чего надо? — ошетинился собутыльник Грюни.

— Ко мне это, — нехотя ответил Грюня. Что-то старые кореша не испытывали радости при моем появлении. Может, день такой?

— Привет. — Я кивнул по очереди обоим.

— Чего пришел-то? — Грюня загасил окурок и отхлебнул из кружки.

— Да вот, мимо шел... — сказал я нарочито небрежно.

— Не гони, — оборвал меня Грюня.

— Дело есть, — перешел я на серьезный тон.

— Ну? Ко мне? — Грюня изобразил на лице удивление.

— Я от Лишая. Слышал, с тобой можно поговорить насчет инструмента.

— От Лишая? — переспросил Грюня с недоверием. — Когда ж ты его видел?

— Да вот сейчас от него еду.

— М-м... — Грюня кивнул и махнул в сторону бара: — Тогда наливай!

— Да я...

— Пустой, что ль?

— Да как сказать. Может, и пустой.

— Как это?

— Ну, смотря по твоим ценам. Если что, то я всегда.

— Ладно, — Грюня хлопнул меня по руке, — не парься. Я налью. Кореша как-никак.

Он пододвинул мне кружку, отлил пива и добавил водки.

— Будем!

Мы выпили.

— Так чего ты хотел? — спросил Грюня, понижая голос. Его собутыльник, опершись на локти, тоже подался вперед.

— Да мне с моими крохами смешно выбирать, — признался я. — Лишь бы вид был. Ну, может, чтобы раз сработало... знать, что работает.

— А сколько у тебя есть-то?

— Сто баксов. — Я заранее решил, что оставаться вообще без денег даже опаснее, чем быть безоружным.

— Не густо. — Грюня с напарником переглянулись.

— Все, что есть.

— А у тебя баксы?

Я кивнул.

— Ладно... — Грюня закурил новую папиросу. — Есть тут одна вещь. Уж не взыщи... но работает, как часики!

Его собутыльник поднялся и вышел. Пока он отсутствовал, Грюня успел поинтересоваться, с кем еще я поддерживаю контакты. Я честно ответил, что ни с кем. Повисла пауза, которую прервало возвращение мордатого. Сев на место, он под столом протянул Грюне сверток.

Грюня развернул холст и продемонстрировал мне довольно преклонного возраста «ТТ».

— Не из музея, случайно? — спросил я, осторожно перекладывая сверток себе на колени.

— Нет. До музея он не добрался. Ты не морщись. Работает дай бог! Правда, всего пять патронов, но тебе ведь больше для понту?

— Это весь ассортимент? — спросил я.

— За такие деньги — да. Я ведь ломом не занимаюсь. У меня техника современная, прямиком с заводов поступает. Даже германские пушечки имеются. Но там, сам понимаешь, цены... Ну, так как, берешь? Или сворачиваем базар?

— Беру.

И вот я уже вооружен. Интересное ощущение, когда ты знаешь, что любой амбал против тебя — ничто. Когда у тебя в руках нечто огнестрельное, то габариты противника превращаются в минус — в большое легче попасть.

Разумнее было бы выйти на какой-нибудь небольшой станции, но я решил сразу отучать себя шарахаться от каждого мента. Что с того, что у меня ствол? Если вести себя нормально, то вероятность того, что на меня обратят внимание, — один к ста. Из этого «одного» вероятность проверки документов — один к тысяче. С паспортом у меня все в порядке: прописка московская, фотография вклеена. Так что по теории вероятности дергаться нечего.

Я вышел на Ленинградском вокзале.

Основная масса народа ломанулась вниз, к метро, а я решил ознакомиться с залом ожидания. Войдя в здание вокзала, увидел посреди зала некое сооружение. Присмотревшись к надписям, я выяснил, что это переговорный пункт: междугородний и международный телефон.

Если я счел удачным совпадением то, что на моем пути оказалась Сходня, то не счесть счастливым случаем международный телефон было бы несправедливо. Звонить в Париж я, разумеется, не стал — сколько можно за сегодня звонить! — но решил, что через неделю

приду звонить именно сюда. Не знаю почему, но эти будочки, торчащие здесь под присмотром мраморного Ильича, показались мне добрым знаком. Я не стал себя разубеждать. Так хотелось верить в то, что в далеком Париже тебя ждет любимая девушка с миллионом баксов наличными!

Проблему ночлега я решил довольно быстро. Возле здания вокзала топталось несколько человек с самодельными табличками, на которых значилось «комната» или «квартира». Мы поладили с бабушкой, сдававшей комнату на ночь. Первый этаж и отсутствие решеток я расценил отнюдь не как недостаток: вдруг придется сигать через окно? Вслух я, разумеется, своих заключений не высказал.

Глава X

Я проспал до десяти утра и проспал бы еще, но бабуля начала ненавязчиво гроыхать кастрюлями, ведрами и вообще всем, что в доме гремело, намекая, что пора просыпаться и проваливать. По-своему, она, конечно, была права, ибо ночь уже кончилась, но я бы поспал еще.

Одеваясь, я прикидывал, чем бы заняться сегодня. Решил начать с поисков Шито. Раз он знает что-то о Наталье, то логично начать именно с него. Задача это будет не простая: я не представлял, где его искать, кто он, чем занимается, даже имени его не знал. Шитов! Мало ли в Бразилии...

Но если этот Шитов ищет меня, то ситуация упрощается. Если он не махнул на меня рукой, то несомненно что-то предпринимает, чтобы меня найти. Что именно? Верно! Он оставил кого-нибудь в засаде у меня дома. А

раз так, то перед ним встает тот же вопрос, который терзал меня сутки назад: подходить ли к телефону? Поскольку возможностей у мафиози побольше, то самое логичное — починить мой автоответчик, чтобы заодно прослушивать оставляемые для меня сообщения.

Попросив у бабули напоследок разрешения позвонить, я набрал свой домашний номер.

Мои предположения оказались верны: после четвертого гудка я услышал свой голос, извиняющийся за отсутствие и предлагающий ляпнуть что-нибудь после сигнала. Я дождался гудка и быстро произнес:

— Слушай, Шито! Это я. У меня есть к тебе разговор. Телефонный. Будь по этому номеру с часу до двух. Я буду звонить каждые десять минут. Пока!

Я положил трубку, простился с бабушкой и покинул гостеприимную квартиру.

Настроение было чуть лучше вчерашнего. Радоваться особенно нечему, но, во-первых, я прожил еще один день, а во-вторых, я разгадал следующий ход противника, что всегда приятно.

Впрочем, пройдя метров пятьдесят в сторону метро, я хлопнул себя по лбу. Не стоило мне звонить из этой квартиры. Конечно, я сюда не вернусь, но ребята Шитова нагрянут туда непременно и сообразят, что я бичую по

столице, снимая комнату на ночь. Кто знает, насколько хорошо им известен контингент сдающих жилье? Теперь искать пристанища таким образом будет небезопасно. С другой стороны, я опять-таки разгадал возможный ход неприятеля и даже могу извлечь из своего промаха некоторую выгоду. Они будут просеивать бабулек и вокзалы, а я спокойно переночую где-нибудь еще. Вот только где?

Вопросы ночлега я оставил на вторую половину дня. Сейчас мне нужно было переехать в другой район Москвы и позвонить из автомата к себе на квартиру. Доехал до «Парка культуры». Время еще было, и я съел какую-то пакость, выдаваемую за гамбургскую колбаску. Не верится, чтобы немцы потребляли такое в пищу.

В час дня позвонил из автомата. Никто не подошел. Я передал привет и повесил трубку.

Теперь нужно сменить дислокацию. Если я буду торчать здесь дальше, то не исключено, что дождусь Толика, который примчится к аппарату. Я спустился в метро и доехал до «Белорусской». Позвонил оттуда. Результат прежний.

Одно из двух: либо мое сообщение еще не прослушали, что маловероятно, либо меня надеются вычислить, заставив сделать несколько звонков.

Следующий звонок с «Проспекта Мира». Безрезультатно. Теперь нужно съехать с кольцевой линии. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы вычислить станцию, на которой я окажусь через десять минут. «Китай-город». Никто не подходит. Куда дальше? Логично было бы изменить направление движения и поехать в сторону Тушино. Именно потому, что это логично, я поехал по той же ветке до «Шаболовской». Это рядом с «Парком». Может статься, Шитов решит, что я обосновался в этом районе. Пусть ищет!

Вышел на улицу и набрал номер. После второго гудка трубку сняли.

— Слушаю.— Голос легко узнаваем.

— Приветствую бойцов невидимого фронта! — Я почти обрадовался, как ребенок, с которым родители затеяли игру в прятки и нарочно выдали себя.

— Что ты хочешь сказать?

— Предлагаю обмен. Ты мне Наталью, я тебе Валдиса.

— Хм... Дружок, это неравный обмен. У меня нет Натальи, а ты не контролируешь Валдиса.

Подобное заявление для меня сюрприз. Сюрприз не столько в том, что Шитов сам отказывается от своих слов, сколько в том, что признает без видимых причин бесперспективность торга с ним. Другой бы, наоборот,

предпочел блефовать, наврать с три короба. Что за игру ведет этот Шито? Может, просто морочит мне голову, тянет время?

— Ты же говорил... — Я оглянулся по сторонам.

— Я не говорил, что она у меня,— уточнил мафиози.— Слушай, парень, у меня складывается мнение, что ты умнее, чем я думал. Ловить тебя будет муторно, поэтому я решил, что нам дешевле договориться.

— О чем? — Я проследил за «хондой», вставшей у тротуара.

— Разговор записывается. Поэтому ты мне просто расскажешь в деталях про героин и Валдиса — все, что знаешь, а я расскажу все, что знаю про твою подругу. Идет?

— Идет, говори.

— Ха, ну ты живчик! Где у меня гарантии, что ты не исчезнешь, узнав что хотел?

Торговаться с ним некогда. Время работает против меня. «Хонда» беспокоит все больше. Не знаю, почему именно она,— машин у обочины стояло много, но именно за этими тонированными стеклами мне чудилась опасность.

— Тогда так. Я тебе рассказываю про эту сделку. Потом ты говоришь мне про Наташку. А на десерт я говорю тебе о Валдисе то, чего ты, скорее всего, не знаешь.

— Заинтриговал. Идет.

Я выдал в двух словах условия сделки с пограничниками. Ту версию, которую готовил для Валдиса. Шито слушал не перебивая.

— И где товар сейчас?

— Не знаю. Меня, похоже, кинули так же, как и Валдиса. А может, Валдис попытался что-нибудь выкинуть... Короче, не знаю. Еще есть вопросы?

— А деньги где?

— Не знаю. Я рассказал все. Теперь твоя очередь.

— Думаешь? Ну ладно, слушай.

Дверцы «хонды» открылись, и из нее вылезла пара верзил, скроенных по образу и подобию Толика. Похоже, русская мафия уже давно освоила технологию клонирования людей и штампует себе бойцов по выбранному шаблону.

— Ты слушаешь? — поинтересовался Шитов.

— Да-да.— Я наблюдал, как парочка описывает дугу по площади, изображая интерес к разложенным на лотках товарам. Направление их движения меж тем было очевидно: они идут ко мне. Медленно, но верно.

— По версии Валдиса,— Шитов начал свой рассказ со скоростью былинного Бояна,— твоя подруга занимается контрабандой товара в Европу. Ты достаешь товар здесь, она

перевозит его за бугор. Кстати, возит она его на твоей машине...

Бандиты подходили ко мне параллельным курсом. Еще немного, и пути отступления будут отрезаны, но я должен знать!..

— Ну, и Валдис сказал, что нашел самостоятельный канал, попросил разрешения убрать курьера. Я разрешил.

— И что?

Громилы, завершив маневр окружения, перестали делать вид, что просто гуляют, и шли, глядя прямо на меня. Один ухмылялся, другой месил своими жерновами жвачку.

— Ну, не знаю что. Валдис доложил, что убрал курьера. Но у меня есть некоторые сомнения на сей счет.

— Какие сомнения?

— Друзья не подтверждают эту информацию. Мои хорошие друзья. Большого не скажу. Теперь я хочу узнать, чего там у тебя есть на Валдиса.

Боевикам осталось пройти метров пять. Они замедлили шаг. Тот, что ухмылялся, подмигнул мне и поманил пальцем.

— У меня много чего есть на Валдиса.— Я прижал трубку плечом, чтобы освободить руки.— Например, что он списывал все лабы по физике у Ольги Маркитантовой. Но тебе ведь это не интересно...

Когда амбалам осталось метра три, я выхватил из-за пояса «ТТ» и, передернув затвор, направил ствол в живот тому, что манил меня пальцем. Боевики застыли на месте. Какой-то прохожий покосился на меня, но предпочел успеть по своим делам, чем уточнять, настоящий у меня пистолет или нет. От стекол вестибюля, где маячил мент с автоматом, мое оружие было прикрыто висящей на плече сумкой.

— Так вот, Валдис — редкий козел и сволочь,— сказал я в трубку, неспешно переводя ствол с одного бандита на другого.— Но он меньший козел и сволочь, чем ты. И, в отличие от тебя, не педик. Меня нормально слышно?

— Сейчас тебя будет слышно лучше, чем ты думаешь, щенок!

— Надеешься, что я приеду тебя трахнуть? Зря. Я тебя уже трахнул. Целую, петушок! — Я повесил трубку на рычаг и, поднимая пистолет чуть выше, скомандовал амбалам: — Кругом и бегом!

Те мялись, поглядывая в сторону «хонды».

— Считаю до ста и стреляю,— предупредил я.— Девяносто восемь, девяносто девять...

В голове у меня крутится «убрать курьера», и палец словно сводит судорогой, он сгибается помимо моей воли. На глаза наворачиваются слезы. Сейчас раздастся выстрел...

Сквозь пелену фигуры бандитов расплываются, и я моргаю, чтобы избавиться от влаги. Того мгновения, пока мои глаза закрыты, боевикам хватает, чтобы сделать, на мой взгляд, невозможное: они успевают развернуться и отбежать метров на пять. Или я долго моргал?

Путь свободен. И что я? Я, как обычно, нырнул в метро, под землю, в катакомбы, где можно спрятаться от зверья, проносащегося над моей головой в полированных иномарках с тонированными стеклами.

Я сбегал вниз по эскалатору, кого-то задевая своей сумкой, обращая на себя внимание вечно сонной дежурной в стеклянном «стакане». Погони нет. Как будто я и впрямь ушел в недостижимую для этих парней зону, спустился в ад, в чертоги, в лабиринт, откуда нет выхода.

«Попросил разрешения убрать курьера... Друзья не подтверждают эту информацию...»

Что же я все-таки узнал? Жива она или нет? Ни черта не ясно. С одним не поспоришь: Валдису удалось разнюхать больше, чем мы предполагали. Возможно, поездка в аэропорт была той роковой ошибкой, которая дала ему в руки ключ к разгадке нашей комбинации. Может статься, я наделал еще каких-то глупостей, о которых даже не подозреваю. В конце концов, я мог выдать ее в те часы, о которых забыл.

Но все это теперь не так важно. Важно узнать правду. Узнать ее можно у Валдиса. Значит, будем играть с ним.

Я вышел на «Лубянке» и направился к автомату. Набрал номер Валдиса. Секретарша сообщила, что шефа не будет на месте до конца недели. У меня был номер мобильного, но из автомата на него не позвонить — номер начинался на восьмерку. После некоторых колебаний я отправился на телеграф.

Место не слишком удачное: закрытое помещение, обзора никакого, но скопление народа оставляет надежду на лучшее. Позвонил. Валдис ответил почти сразу.

— Валдис? Привет.— Я выдержал паузу, чтобы убедиться — меня узнали.

— А, покойник? Решил сдать?

— У меня есть к тебе выгодное предложение.

— Как? Еще одно выгодное предложение? Что на этот раз? Алмазы? Ракеты? Нефть?

— Хочешь получить обратно свои деньги? — Я блефовал довольно рискованно. Если Валдис добрался до Натальи, то он мог уже вернуть себе свои бабки.

— А ты хочешь сказать, что можешь мне помочь?

— В обмен на услугу,— сказал я уверенней: раз его интересует эта тема, то денег он не получил, стало быть, есть еще надежда...

— Какую же?

— Я, как ты помнишь, приболел. В итоге мы разминулись с одним человеком. В Польше...

— А, ты про девку свою?

— Именно так. Так вот, если ты поможешь мне найти ее, я верну тебе твои бабки.

— Вернешь? Что за бред! Если ты собираешься их вернуть, то зачем было брать?

— Я собирался вернуть их с самого начала. Нам был нужен оборотный капитал. Теперь сделка совершена, и мы можем вернуть тебе долг. Даже с процентами.

— Не морочь мне голову, фраер. Твоя подруга обвела тебя вокруг пальца и пыталась отвалить. Так что не надейся увидеть ее снова. А если хочешь получить шанс остаться в живых, приходи сегодня к пяти ко мне в офис. Тебе повезло, в тебе есть небольшая нужда. Решим, что с тобой делать и как ты будешь отдавать долги. С процентами.— Он усмехнулся.

— Что значит «пыталась отвалить»? Она не уехала?

— Это не телефонный разговор... Но я тебе скажу. Ее взял под опеку наш теперь уже общий друг. Думаю, ты знаешь, кто...

— Этот самый друг говорит, что ты пытался ее убрать.

— Я? Упаси бог. Слушай, все, завязывай трепаться. Сегодня в пять. Не придешь — пожалеешь.

Вот и поговорили. Оба врут. Первый вешал мне лапшу, чтобы я подпустил его людей, второй играет в откровенность, чтобы заманить меня в ловушку и не тратить времени на поиски. Но они точно что-то знают...

Валдис сказал, что Наташка обвела меня вокруг пальца. К чему бы это? Значит, он знал, у кого будут деньги. А может, он знал много больше? Скажем, так. Идея с героиновой аферой принадлежала ему. Деньги выманивались не у Валдиса, а у этого Шито. Наташка играет на пару с Валдисом, а я остаюсь крайним, к общему удовольствию и огорчению Шитова. Все выглядит более чем логично. Ведь операция была продумана во всех деталях, до мельчайших штрихов. Слабым местом оставался только мой побег. Неужели просто потому, что мне не светило убежать? И теперь Валдис готов любыми калачами заманить меня в свой силоч, чтобы до меня первым не добрался Шитов. Очень, очень правдоподобно выглядит.

Но если так, то какая же Наташка...

Стоп! А как же таблетка? Зачем она дала мне эту таблетку? Ведь именно благодаря ей я смог в итоге избавиться от опеки братков? Да, таблетка не вписывалась в такую схему. Хо-

тя... если учесть время, проведенное вместе... это мог быть просто жест, продиктованный жалостью.

Почему я, собственно, так быстро поверил в предательство? К черту! Я буду считать, что мы в одной команде, пока не получу доказательств обратного. А раз так, то поиски продолжаютс!

Конечно, по телефону мне никто ничего не скажет. Неплохо бы приставить к их головам пистолет и спросить еще раз, но это не помешает им снова соврать, перевести стрелки на другого. Хорошо бы столкнуть их вместе, но это из области фантастики. Так что остается попытаться побеседовать с ними еще раз, с пристрастием.

Я поехал на Курский вокзал и сдал сумку в камеру хранения. Туда же положил загранпаспорт. К четырем часам добрался до офиса Валдиса. Найдя удобное место для наблюдения, позвонил из таксофона. Шефа нет. Хорошо. Сажу, жду.

Когда я наведывался в офис к Валдису, то не заметил там особой охраны. Так, сидят двое парней в камуфляжах. Сопляки. Видать, только после армии. А ведь Валдису нужно, чтобы меня скрутили без шума. Возможно, он уже знает про «ТТ». Значит, привезет с собой компанию. Если они приедут вместе, то мож-

но будет прикинуть соотношение сил и составить план атаки.

Жду.

Без двадцати пять подъехал Валдис. С ним из машины вышли еще трое. Народ средних лет. По всему видать, люди серьезные, не чета шкафам, упустившим меня трижды за два дня. Все зашли в офис. Шутить с такой командой не хочется. Наверняка засада устроена на высшем уровне.

Что делать? Жду. Прошел час. В двадцать минут седьмого трое, сопровождавших Валдиса, вышли, сели в машину и отвалили. Валдис с ними не вышел. Кажется, мне улыбнулась удача: они решили, что я не приду.

Поправив пистолет за поясом, я направился к дверям.

Парни в камуфляже оторвались от кроссворда. Один из них тяжело поднялся, преграждая мне путь.

— Вы к кому?

Приставив указательный палец к его груди, я с ленцой произнес:

— Еще раз увижу, что решаете кроссворд, режетесь во что-то или едите на посту, переведу в дворники.

Не дав парням опомниться, я обошел их и уверенной поступью направился к знакомому кабинету. За спиной не раздалось ни шороха.

Движение секретарши я пресек в зародыше. Пока она, подражая персидской танцовщице, начала выносить из-за стола свою затянутую в мини задницу, я уже успел пересечь приемную.

Окинув секретаршу критическим взглядом, выдал безапелляционно:

— Вставать нужно ловчей. Потренируйтесь. И носить лучше что-то более консервативное.— Взявшись за ручку двери, бросил через плечо: — Через пятнадцать минут два кофе. Мне черный, без сахара.

Я зашел в кабинет. Валдис сидел за столом, изучая какие-то бумаги. Он поднял голову, и брови его поползли вверх.

— Я припоздал немного,— произнес я, плюхаясь в кресло.

— Лучше поздно, чем никогда,— улыбнулся Валдис, опуская руку под стол.

— Не вздумай!

Увидев пистолет, Валдис испуганно вскинул руки вверх и, продемонстрировав, что они пусты, положил их перед собой. Взгляд его сосредоточился на кончике ствола.

— Поговорим? — спросил я, разворачивая кресло вполоборота к двери.

— А эта штука,— Валдис кивнул на «ТТ», — точно стреляет?

— Хочешь проверить? — Я передернул затвор: патрон вылетел и, шелкнув по краю стола, упал на пол.

— Предпочитаю поверить на слово,— сказал Валдис.— Так о чем будем говорить?

— Ты, я думаю, и сам догадался. Где Наташка?

— Я же тебе сказал все.— Валдис обезоруживающе улыбнулся. Сама любезность.

— А если подумать? — Я покачал пистолетом.

— Думай не думай, больше сказать нечего. Я человек маленький. Сравнительно...

— Тогда так.— Я поглядел на часы.— Кто такой Шитов?

— Шитов? Шито... — Валдис сделал неопределенный жест.— Это как раз человек большой. Я бы не советовал тебе с ним связываться...

— Мне твои советы не нужны. Кто он такой?

— Он... — Валдис, похоже, задумался всерьез.— Ну, скажем так, он интересен мне потому, что контролирует области бизнеса, в которых я специализируюсь.

— Мудрено. Речь идет о наркотиках?

— Я тебе этого не говорил.— Наконец-то наша беседа начала напрягать Валдиса.— Еще вопросы будут? А то дел по горло.

— Номер его мобильного. Пиши.

— Это не секрет. Можешь даже позвонить ему в контору.— Валдис взял листок и стал выводить на нем цифры.

— Ты работаешь на него?

— В определенном смысле. Он контролирует регион в целом, а я... арендую часть.

— Чьи это были бабки?

— Те, что вы пытались прикарманить? Мои, разумеется.— Он протянул мне листок.

— Или Шитова? — Принимая бумажку левой рукой, я пристально посмотрел Валдису в глаза.

— Послушай, если у тебя есть ответы на свои вопросы, то можешь не задавать их.— Мой собеседник, похоже, обиделся.— Я не работаю с заемными средствами, тем более если предприятие рискованное.

— Как ты узнал о Наталье? О том, что она со мной, что она едет в Польшу и так далее?

— Профессиональная тайна. Но, уверяю тебя, это было несложно. Элементарная слежка. Не сложнее, чем узнать, что ты собирался отправиться следом по турпутевке. Подозреваю, что ты бы не вернулся.

— А Польша? И как ты узнал, что деньги у нее?

— Смешные вы ребята.— Валдис скрестил руки на груди.— Прямо детский сад. Вы когда начинаете такие игры, хоть договаривайтесь между собой.

— Отвечай на вопрос.— Я тряхнул пистолетом, напоминая о его роли в переговорах.

— Да осторожней! — Валдис шарахнулся в сторону.— Выстрелит ведь твой раритет! Она позвонила мне.

— Как позвонила?!

— Как-как! Не в колокольчик же! По телефону позвонила. Сказала, что находится за пределами страны, что бабки у нее, что она готова выкупить тебя за полмиллиона долларов.

— И что? — Такой поворот дела меня ошарашил.

— Что! Я-то думал, что ты взаправду окочурился, а денег жалко. Засекли звонок. Звонила она из Бреста. Тут ежу понятно, что к чему и куда она намылилась. Я рванул к Шитову, сказал, что есть курьер... Заметь — я ведь не соврал! Вы же привезли героин. Или нет?

— Вопросы задаю я. Дальше!

— А что дальше? Шито сказал, что займется ей. У него есть народ и в Польше, и на таможене кто-то...

В дверь кабинета постучали. Валдис умолк и посмотрел на меня вопросительно. Я замешкался на секунду. Стук повторился, и дверь медленно подалась. Я прикрыл пистолет корпусом.

На пороге стояла девица с роскошной шевелюрой, в джинсах и черной футболке. В руках у нее был поднос с двумя чашками кофе.

— Кофе,— улыбнулась она мне и сделала шаг в комнату.

Серебряный поднос, выполненный под старину, имел две изящные ручки по краям, но девушка использовала только одну из них. Вторая рука была под подносом...

— Сливки положили? — Я показал пальцем на одну из чашек.

— А вы разве не черный просили? — Девушка развернулась ко мне лицом.

Я резко ударил по ближнему краю подноса и отскочил в сторону. Звон серебра и фарфора смешался со свистящим звуком выстрела из пистолета с глушителем и треском, с которым пуля вырвала щепку из стола Валдиса. Поднос полетел на пол, и я увидел пистолет, зажатый в руке у девицы.

Я попытался ударить ее наотмашь по лицу и тут же ногой по... вернее будет сказать, в пах.

Девица оказалась не промах. Она увернулась от удара по лицу и успела выбросить вперед ногу, смягчая мой второй удар. Джентльменствовать было некогда. Схватив ее левой рукой за волосы, я обрушил на нежную шейку рукоятку пистолета. Девица повисла безжизненно, роняя оружие на пол.

Сзади какое-то движение. Я резко обернулся и выбросил руку с «ТТ».

За те мгновения, пока я боролся с девицей, Валдис успел вытащить кольт и вскинуть руку. И вот мы стоим, направив пушки друг другу в лоб, причем кончики стволов почти соприкасаются.

Стояли мы так секунд пять. Смотрели глаза в глаза сквозь мушки нашего оружия. Валдис медленно опустил револьвер и положил его на стол.

— Спокойно, парень, тебе все равно не выйти.— Он поднял руки вверх.— Можем договориться...

— Не дергайся! — предупредил я.

Перехватив девицу за шею и развернув ее как щит, я распахнул дверь.

В приемной уже заняли боевые позиции два охранника с помповыми ружьями. Я выставил свой «ТТ» вперед.

— Бросайте ружья!

Охранники неуверенно переглянулись.

— Считаю до тыщи! — рявкнул я, размахивая пистолетом.

Пацаны медленно положили стволы на пол.

— Дорогу! — Захлопнув ногой дверь кабинета, чтобы не получить от Валдиса пулю вдогон, и продолжая размахивать пистолетом, я двинулся прямо на них.

Парни прижались к окну.

Я дошел до вахты, держа этих горе-охранников на мушке. Затем, убедившись, что выход свободен, отпустил девицу, сунул пистолет за ремень и задал стрекача.

Глава XI

Ночь я провел во Владимире. Сначала я решил, что переночую на вокзале, а с первой электричкой двинусь в обратный путь, доспав в пути. Но пока дотрясся до этого, будь он не ладен, древнего русского города, устал так, что наплевал на всю конспирацию и снял номер в гостинице.

Проснувшись поутру, я вскочил и взглянул на дверь. Рейка, подставленная мной под ручку, стояла на месте. Трогательная картинка. Эта щепка не могла, разумеется, остановить тех, кто решил бы вломиться в мой номер, но я рассчитывал, что ее треск хотя бы разбудит меня и даст секунду, чтобы выхватить пистолет.

Я сунул руку под подушку, куда положил свой «ТТ». Его там не оказалось. После нескольких секунд судорожных поисков я обнаружил свое оружие на полу: он соскользнул

между спинкой кровати и сеткой. Хорошо еще, что не выстрелил от удара!

Я припомнил свои вчерашние подвиги и попытался на свежую голову подвести итоги. И знаете что? Обнаружил, что в результате моих отважных походов все еще сильнее запуталось. Теперь получалось, что в непонятные мне игры играют не только Валдис и Шито, но и Наташка! Какого черта она звонила Валдису из Бреста? Почему она решила, что меня пора выкупать? Ничего не понятно. Нужно было или найти Наташку, или устроить очную ставку Валдису и Шито. И знаете, на свежую голову эта идея не показалась мне столь уж неосуществимой. Заодно мне пришла в голову мысль о том, как ускорить поиски Нины Полеску, если та приедет с группой из Москвы. Даже странно, как столь простое решение не посетило мою голову раньше.

Я приехал в Москву уже во втором часу и первым делом позвонил Шито на мобильный.

— Привет, это снова я.

— Ты еще жив?

— Я теперь до ста лет собираюсь дожить. Слушай, Шито, я готов не только доказать все, что касается Валдиса и героина, но и сдать тебе те каналы, по которым ему поступает товар.

— Вот как? — Шитов усмехнулся.

— Именно. Если тебе это интересно, давай встретимся.

— Откуда у тебя мой номер?

— Это не самый интересный вопрос, на который я могу ответить. Итак, встречаемся?

— Ну... можно. Где, когда?

— Чтобы не тратить время на болтовню, предлагаю встретиться сегодня в девятнадцать ноль-ноль у меня дома. Помнишь ведь адрес? Для пущего эффекта желательно присутствие самого Валдиса. Сможешь обеспечить его явку или мне это тоже взять на себя?

— До чего же ты борзый тип... Интересно, что ты там придумал, раз собираешься уйти живым. Ты учти, что я ведь приеду не один...

— Привози хоть взвод охраны, только у меня квартирка тесновата. Так что, договорились?

— У тебя дома? — Мафиози раздумывал. Может, он просто тянет время, а его бойцы уже несутся ко мне сломя голову, и на сей раз мой ржавый ствол их не остановит.

— Быстрее. Не тяни резину.

— Ну, может, ты перезвонишь?

— Да или нет?

— Черт с тобой. Но если ты не придешь...

— Я приду.

Я положил трубку и перевел дух. Первый ход сделан. Следующий звонок — Валдису.

— Ну как, отошел от вчерашнего?

— Опять ты? Это уже становится смешным. Что на этот раз?

— Тебе Шито не звонил?

— Мне? По какому поводу?

— По такому. Сегодня у нас трехсторонняя встреча. Так сказать, на высшем уровне. Ты, я и Шито. Ну, и ваши с ним бойцы, разумеется.

— Вот как? А я думал, Шито уже свернул тебе шею.

— Обстоятельства изменились. Встречаемся в семь вечера у меня дома. Но это, я думаю, Шито тебе и сам сообщит. Я тебе звоню по другому поводу. Мне бы хотелось уйти оттуда живым... — Валдис хмыкнул, — а тебе, поди, тоже не нужны неприятности из-за левой партии товара. Так?

— Допустим. И что?

— Я кое-что придумал. Я остаюсь живым, Шито будет доволен, а тебе перепадет толика денег. Не пятьсот штук, конечно, но тысяч двести я обещаю. Плюс мелочевка вроде моей квартиры. Только мне нужна твоя помощь.

— Какая? — после паузы спросил Валдис.

— Ты можешь прихватить с собой три-четыре порции товара?

— Зачем?

— Это не телефонный разговор. Если не можешь, то скажи сейчас. Я попробую сам достать, хотя не представляю, где его найти...

Валдис думал лет сто, но я не торопил его с ответом.

— Ладно. Хрен с тобой. Но знай: если это какая-то подстава...

— Не бойсь! Все будет на высшем уровне! До вечера!

Итак, приезд обоих на встречу гарантирован. Теперь мне предстоит третий звонок и кое-какая подготовительная работа.

Я набрал номер. Легкость, с которой я щелкал по клавишам таксофона минуту назад, куда-то улетучилась. Пожалуй, что этот этап будет самым сложным и опасным.

— Майора Совина, пожалуйста. Это очень срочно...

На подготовительную работу у меня почти не осталось времени. Совин при всей своей башковитости отнял слишком много времени. Но главное, он оказался именно таким, каким описывала мне его как-то Наташка, именно тем, кто был нужен мне для осуществления этого безумного плана.

Я поехал в один кабак. «Кислотник», по определению публики, проводящей жизнь в тусовках. Молодежное кафе-дискотека, выражаясь более понятно.

В это время народу было еще не много, но вполне достаточно, чтобы не бросаться в гла-

за. Впрочем, в моем слишком консервативном для местной публики прикиде я все равно казался белой вороной. Народ здесь щеголяет в таких шмотках и с такими прическами, что хоть святых выноси. В мои школьные годы первый же дружинник вызвал бы сюда все службы, чьи телефоны начинаются на ноль, и всю эту пеструю братию отвезли бы в психушку. Но нынче времена не те, и ненормальным здесь выгляжу я. Хотя кому здесь до меня дело!

Взяв какой-то коктейль, я сел за столик в углу и принялся изучать зал.

Мало кто сидит на месте, как я. Молодежь или гуртуется шумными компаниями по дюжине человек за одним столиком, или представлена парочками, предпочитающими если не уединение в этом обезьяннике, то хоть какую-то обособленность.

Человека, которого мне нужно вычислить, оказывается, найти не так просто. Я надеялся на нечто стереотипное, как в боевиках, но, похоже, в жизни все выглядит иначе.

Ко мне пробилась официантка, заподозрившая в моей персоне перспективного клиента. Остановилась, чуть покачиваясь в такт тому оглушительному стрекоту, который в этом заведении считается музыкой. Чтобы быть услышанной, ей приходится наклониться почти к самому моему уху:

— Еще будете заказывать?

Я посмотрел ей в лицо. Глаза у девушки стеклянные-престеклянные. Даже более стеклянные, чем у восковых фигур мадам Тюссо.

— Мне бы чего помощней.— Я брезгливо отодвинул стакан с нетронутым коктейлем.

— Покрепче или помощней? — Стоять наклонившись ей нелегко, девушка начала икать.

— Помощней. И желательно порошок.

Официантка постреляла глазами по сторонам, хотя в ее состоянии движение зрачков напоминало броуновское движение.

— Цены знаешь?

— Все равно. Мне главное качество.— Я тоже огляделся по сторонам.

— Сколько тебе? — Тон ее стал деловым.

— Восемь.

— Ск...— Девушка снова икнула.— Сколько?

— Восемь. Меня еще трое ждут.

— Коньки отбросишь с двойной...

— Не твоя забота. Мне главное побыстрей.— Отрепетированным движением я чуть отогнул карман рубашки, демонстрируя пачку долларов так, чтобы было видно, что это полусотенные купюры. Внутри пачки у меня лежали бумажки по одному доллару, а в середине вообще остатки рублей и листок с теле-

фоном Шито, но внешне «кукла» производила нужное впечатление.

— Момент подожди.— Впечатлившись, официантка быстро удалилась прочь.

Я следил за ней, стараясь не упустить из виду. Насколько я представлял себе процесс, сейчас она доложит своему «кладовщику» о заказе, потом вернется ко мне, возьмет деньги и скажет, где забрать товар. Так кто же здесь «заведует складом»?

Она притормозила возле одного из столиков и наклонилась к молодому парню, чье лицо было буквально усеяно колечками и клепками. Сказав ему что-то, девушка отправилась дальше. Чуть погодя поднялся и парень. Готов поспорить, что это тот, кто мне нужен. Мальчишка совсем. Еще, поди, и в армии не был. А интересно, наркоманов сейчас берут в армию или нет?

Подтянув джинсы цвета ядреной зеленки, парень шагнул в дальний угол зала, к арке, занавешенной блестящей мишурой.

Поздравив себя с очередным проколом — нужно было для начала обследовать зал,— я встал из-за столика и начал движение вдоль бара, сокращая разрыв с «обклепанным» пареньком.

Он нырнул сквозь мишуру и исчез в темноте арки.

Отбросив осторожность, я прибавил скорость и влетел следом. Никто не пытался меня остановить. Уже неплохо. Пройдя через арку, я оказался в полутемном коридоре. Можно пойти направо. С тем же успехом можно двинуть налево. Парня уже и след простыл. Чуть левее стеклянная дверь в бильярдную, где несколько человек тычут киями костяные шары. Помещение небольшое, хорошо просматривается: там торговца нет.

Черт возьми, ну почему я никак не поумнею? Так обидно признавать, что поговорка «силен задним умом» — в аккурат про меня! Ведь ясно было, что он не носит свое дерьмо при себе! Какой же я кретин!

Прямо перед собой я заметил еще две двери. На одной висела чеканка с писающим мальчиком — некогда популярный, якобы брюссельский, сувенир, штамповавшийся на одном из ростовских заводов. На другой двери — потрепанный плакат, на котором голая девица с поразительной меткостью делала в подставленный фужер то же, что и брюссельский мальчик. Должно быть, подобные символы понятней, чем обрыдлые «М» и «Ж».

Итак, куда же подевался этот парень? Метаться и искать его в этом лабиринте не имеет смысла. Нужно ждать, пока он пойдет обратно, чтобы хотя бы определить, откуда он идет и сколько его не было.

Пристраиваюсь к писающему мальчику и делаю вид, что стою в очереди. По счастью, обе кабинки заняты.

Незаметно тронул спрятанный под выпущенной рубашкой пистолет. Времени у меня остается в обрез. Ждать, пока торговец снова пойдет за товаром, некогда. Похоже, придется тащить его к складу, приставив к боку ствол. Не хотелось бы доводить до этого. Не исключено, что моя порция везения уже исчерпана, и на сей раз мне не удастся уйти безнаказанно.

Прошла минута. Дверь с плакатом распахнулась, и в коридор выкатились сразу двое: парень и девчонка. Понятно, оба одеты как какаду. Худые, как австралийские бушмены. Девушка притормозила и принялась внимательно меня рассматривать, но кавалер бесцеремонно схватил ее за шею и уволок в зал.

Открылась вторая дверь, и прямо на меня шагнул мой паренек. На лице у меня, очевидно, проступило столько счастья, что он шарахнулся в сторону, опасливо косясь, и, сделав довольно большую дугу, ретировался в зал.

Все оказалось проще, чем я ожидал.

Я зашел в кабинку и запер дверь. Все, что есть в этой комнатухе, сохранилось в первоизданном виде, наверное, с брежневских времен: собственно унитаз и нависающий над го-

ловой чугунный сливной бачок с почерневшим от прикосновения тысяч рук шнурком. И, как водится, корзинка для использованной бумаги со вставленным пакетом.

Спустив воду, я уверенно встал на унитаз, снял с бачка крышку и принялся быстро обшаривать чугунную емкость, пока она снова не наполнилась.

К моему удивлению, в бачке ничего не было. Повторил операцию еще дважды. Безрезультатно.

Где же тогда искать?

Заглянул за унитаз. Ничего. В унитазе? Приключился бы засор. Остается корзинка. Неужели там? Хорош я буду, если, перелопаativ ее, ни черта не найду! В зоне меня пытались сделать парашником. Там, значит, отбил, а теперь по собственному почину вынужден ковыряться в этом...

Брезгливо взял корзинку за край и осмотрел с боков. Она почти пуста, просматривается насквозь, так что устроить в ней тайник — немыслимо. Неужели я ошибся?

Прежде чем поставить корзинку на место, я машинально посмотрел на кафельный пол. Одна из плиток чуть выдавалась из добротно уложенной поверхности. Кроме того, было видно, что щель вокруг нее не замазана раствором.

Отставив корзинку в сторону, я присел на корточки и потрогал плитку. Она оказалась заметно тяжелее, чем просто кафельный квадратик, но что-то держало ее, не давая поднять. Через несколько секунд осмотра я понял, как устроен — я уже не сомневался, что это он, — тайник, склад торговца наркотиками. Под плиткой вырублена ниша. К самой плитке снизу прилеплен кубик цемента. Этот кубик служит хорошей пробкой для потайного колодца.

Я попытался подцепить плитку ногтями. Тщетно. Парень, очевидно, пользуется ножом. Мне бы хоть одну из тех булавок, что навешаны у него на воротнике!

Тут я вспомнил про зубочистку в бумажнике. После третьей попытки, когда зубочистка измочалилась так, что стала больше похожа на кисточку, мне удалось чуть приподнять цементный кубик. Я вцепился в его края и потянул вверх. Кубик вышел, оставляя квадратную полость. Я заглянул туда и увидел пакет. Вынул, развернул.

В пакете довольно богатый ассортимент. Штук десять одноразовых шприцов, газетный конверт с таблетками, два небольших кулька с травой, в отдельном пакете, лежащем сверху, — полиэтиленовые «конфетки» с героином. Штук сорок «конфеток». Больше чем нужно.

Окрыленный своим успехом, я свернул пакет с использованной бумагой, затолкал в разграбленный тайник и опустил «пробку». Трофеи спрятал под рубахой, ругая себя за то, что не догадался прихватить пакет. Водрузив корзину на место, спустил воду и вышел.

Под дверью уже дожидалась новая парочка. Впрочем, девица, кажется, та же. Или все они на одно лицо?

Выйдя в зал, я быстро двинулся к выходу. Моя официантка махнула мне из противоположного конца и устремилась наперерез. Не успевает. Не обломился ей сегодня клиент и, наверное, уже не обломится.

Я вышел из этого лепрозория на свежий воздух. Без пяти шесть. Нужно еще успеть поменять доллары, купить чемоданчик и тальк. Тальк надо покупать в дорогом магазине. Порошок должен быть чистым и цивильно упакованным. А чемоданчик можно взять любой. Желательно подешевле, а то наличности у меня осталось... на метро и газировку.

Глава XII

Без десяти семь я зашел в подъезд своего дома. В руках у меня был чемоданчик с четырьмя килограммами расфасованного талька и разложенной, словно инструмент хорошего мастера, дрянью, добытой мною в «кислотнике». Пошел отсчет, пути назад уже нет. Теперь или пан, или пропал...

Как я и предполагал, в подъезде меня ждали. Уже знакомый мне Спасская Башня и еще один качок. Очевидно, Толик или не оклемался после удара скороваркой, или уволен как дважды проштрафившийся.

Кроме нас, в подъезде никого не было, и встречающие меня хлопцы не таясь извлекли пушки. Это даже хорошо, что они с оружием. Наверняка оружие есть и у тех, кто ждет меня наверху. Это очень хорошо.

— Я без оружия.— Я поднял руки, предоставляя возможность убедиться в этом.

Спасская Башня быстро ощупал меня сверху донизу. Хлопнул даже по щиколоткам, как будто можно что-то спрятать в носках.

— А в чемодане что? — спросил он, выпрямившись.

— А это я обещал отдать лично твоему шефу. Не бойся, там не бомба.

— Бояться — твоя задача, — хмуро ответил бандит и убрал ствол. — Пошли.

— Пошли... — я с готовностью устремился к лифту, — а то неудобно опаздывать... к себе домой.

Мы поднялись наверх. На часах без семи минут.

На площадке дежурил еще один боевик. Он обменялся взглядами с моими конвоирами, и мы проследовали дальше.

— Все в сборе? — поинтересовался я, когда мы подошли к двери. Ответа я не получил.

Без пяти семь мы вошли в квартиру. Я увидел еще двух бойцов. Тех самых, что бесславно отступили возле «Шаболовской». В кресле у окна сидел Валдис с чашкой кофе в руках. Вещи мои бесцеремонно смели к стенам, так что по комнате можно было ходить, не рискуя наступить на что-нибудь ценное, хрупкое или острое. В общей куче я заметил потроха своего видика. Хорошая была техника. И дорогая. Кстати, гарантия еще не кончилась, но вряд ли его примут в таком состоянии.

Я высказал это соображение Валдису. Тот бросил ленивый взгляд в указанном направлении и сделал глоток кофе.

— Ты бы лучше о душе позаботился,— мрачно заметил он.— А то тебя точно никакая мастерская не соберет. Даже гарантийная.

На часах без двух минут.

— А где Шитов? — спросил я, поднимая с пола табуретку и усаживаясь на нее. Чемоданчик я поставил между ножками табуретки.

Словно в ответ на мой вопрос дверь открылась, и в квартиру вошел мафиози. Удостоив меня недобрый взглядом, он встал посреди комнаты и, развернувшись, кивнул мне:

— Ну?

Еще пятьдесят секунд. Он не успеет открыть чемодан. Я открыл замки сам и, приподняв крышку, протянул ему свою ношу:

— Ознакомься.

Мафиози заглянул в шелку.

— И что это?

Еще двадцать секунд.

— Обратите внимание на большие пакеты,— начал я, открывая чемодан.

Валдис вытянул шею, пытаясь увидеть мой груз. Шитов отгреб в сторону маленькие пакетики с героином и взял мешок с тальком.

— Сравни цвет,— предложил я.

Шитов взял левой рукой пакетик с наркотиком и поднес к тальку, чтобы сравнить. Он не успел поделиться своими выводами, потому что в квартиру ворвался, кажется, целый полк людей в камуфляже и черных масках. Они вломились в дверь и темной тучей упали на лоджию, чтобы влететь в комнату через балконную дверь.

На несколько мгновений поднялся жуткий гвалт. Шум стоял как в давешней дискотеке. Тыча всех подряд дулами автоматов, группа захвата уложила нас на пол — лицом вниз, руки за голову. Никто из бандитов не успел ничего понять. Лишь один боевик выхватил оружие, за что ему сразу же сломали руку.

В квартиру ворвались три оперативника с видеокамерами на плечах и еще какой-то народ. Становится тесно, как в автобусе. Неужели на тридцати пяти метрах полезной площади может уместиться столько народу? И ведь особи-то все крупные... Мне наступили на локоть.

Когда всех разложили на полу, крики прекратились, сменившись ровным гулом, отчего место действия стало похоже на улей. Какой-то слон снова наступил на меня. Я сдержанно охнул.

— Вот этот! — раздался надо мной знакомый голос.

Две пары рук бережно подняли меня и поставили на ноги перед лицом в маске. Но я уже узнал майора.

— У тебя есть две минуты. — Он снял с плеча и протянул мне автомат.

Схватив оружие, я развернулся к лежащим у моих ног Валдису и Шито. Повинуясь жесту командира, бойцы отступили от них, освобождая мне полянку для расправы. Вот он, долгожданный миг очной ставки!

Я приставил ствол автомата к затылку Шито. Мушка удачно вошла между сплетенными пальцами.

— Так что с Наташкой?

— Задолбал ты своей девкой! — прохрипел мафиози. — Зря ты все это затеял. Завтра я уже буду на воле, и тогда тебе...

Я ударил его в бок ногой.

— Это завтра, а сегодня мне разрешили пристрелить одного из вас «при задержании». Повторяю вопрос, сука: что с ней?!

— Смылась она с бабками...

Я ударил снова, обрывая эту версию.

— Не гони! Она наш сотрудник! Что с ней?! Ну! Стреляю!

— Стой! — спохватился мафиози. — Ушла она! Ее должны были прикончить, но она ушла! Это точно!

— Где это было?

Он опять врет, спасая свою шкуру, или говорит правду? Пойди разбери...

— В Польше.— Шитов отвечал уверенно, не задумываясь.— Недалеко от границы. За Брестом. Заправка там, сервис, столовая...

— Есть что добавить? — Я приставил оружие к голове Валдиса.

— Я вообще ни при чем! — Этот просто визжал.— Я ничего не знаю!

— А то, что я просил принести? Принес?

Валдис молчал. Он уже сообразил, что принес сюда по моей просьбе свой первый срок.

— Если ты соврал,— я еще раз пнул Шитова,— то не доживешь до скорого освобождения. Повесишься в камере! Понял?

Шитов лежал неподвижно. Менять свою версию он не собирался. Это вселяло надежду, что сказанное им — правда.

Я вернул автомат майору.

— Этот трогал один пакет,— кивнул я на мафиози.— Где-то тут. Не затопчите.— А у этого,— я указал на Валдиса,— при себе несколько грамм. Больше нормы.

Совин дважды кивнул: сначала, что понял меня, потом в сторону двери. Сквозь камуфляжный рой мы пробрались к выходу. Я бросил взгляд через плечо: двое бойцов, перевернув Валдиса, начали выворачивать его карманы.

— Есть! — воскликнул один, извлекая что-то из кармана Валдисовой рубашки.

Вслед за майором я вышел на лестницу. Теперь уж я наверняка вышел из своей квартиры в последний раз. Жаль, даже не присел на дорожку. Прощай, прощай, прощай!

— Спасибо за помощь, — произнес Совин, глядя на меня сквозь прорези в маске.

— И тебе спасибо, майор, — кивнул я в ответ.

— Думаю, что уже... — Совин приложил к погону два пальца.

Я не сразу понял, что он имеет в виду погоны подполковника.

— А! Заранее поздравляю.

— Заранее нельзя. — Майор нажал кнопку лифта.

— Боюсь, больше не будет возможности, — усмехнулся я. Смотреть в лицо, скрытое маской, не очень приятно, и я отвел взгляд.

— Зря ты решил в бега удариться, — сказал Совин. — Мы в состоянии тебя защитить. Они не посмеют рыпнуться. Времена не те. За нами сила.

— Надеюсь, что ты прав, но предпочитаю не разочаровываться.

Двери лифта открылись.

— Привет! — Я вскинул руку в прощальном салюте и шагнул в кабину.

Майор сделал примерно такой же жест.

Мне кажется, нам обоим было бы неприятно пожимать друг другу руки, так что к чему эта фальшь?

Мне, мягко говоря, претила мысль, что Наташка, попавшаяся с травкой, откупалась от этого хряка традиционным для женщины способом. Она на него зла не держала, напротив, считала приличным мужиком: многие менты и свое урвать рады, и потом еще раскрутят тебя на всю катушку. Этот, «урвав», делу хода не дал, так что теперь она почитала его честным человеком. То, что он отодрал ее у себя в кабинете, как последнюю шалаву,— это ничего, дело житейское, а вот то, что он ее потом отпустил,— доблесть непомерная!

Что ни говори, но по некоторым вопросам мы с Наташкой расходимся на сто восемьдесят градусов. Я всегда считал и считаю таких козлами. Вообще ненавижу ментов и всех, кто носит мундир по своей воле. Нет среди них людей. Не встречал. Хорошо еще, у Совина хватило ума не передавать ей приветов, а то бы я точно ляпнул ему теплое словцо...

Майор же сразу поставил себя как существо высшего сорта. Дескать, он офицер, то да се, а я — презренный стукач, отбросы. Так что повторить мой жест вместо прикосновения ко мне он почел за благо. А ведь мог бы

просто козырнуть. Хотя к пустой голове руку не прикладывают... А вот интересно, маска считается головным убором? Это ведь просто длинная шапка с четырьмя дырками...

И благодарить его не стоило. Не за что. Он получил свое, я узнал что хотел. Мы заключили взаимовыгодное соглашение, сделку: услуга за услугу. Так что никто никому ничего не должен.

Я, считай, на тарелочке выложил ему целый автобус наркодельцов. Всех мастей и рангов: от простого боевика до такого туза, как Шитов. Выложил с поличным. Причем не просто выложил, а собрал их вместе и устроил так, что каждый оказался с персональным вещдоком на руках: боевики — при огнестрельном оружии, Валдис со своими образцами, а Шитов с моим чемоданчиком, на содержимом которого остались его пальчики. Каждому по статье. Отвертеться никому не удастся. Только если откупиться...

Колоссальную я проделал работу. А что сделал майор? Настроение было хулиганское, хотелось позлить этого сопляка.

Подумаешь, попрिдержал пару минут своих ребят, пока я задал пару вопросов задержанным! Нет, если уж разбираться по справедливости, то Совин мне еще должен остался. Крепко должен.

Я вышел из подъезда и сбавил шаг, любуюсь служебным транспортом, который выстраивался у подъезда.

— Проходи давай! — махнул мне сержант в форме.

— А чего у вас здесь? — спросил я его, заглядывая в салон микроавтобуса.

— Тебе-то что? — грубо ответил он, пользуясь своим служебным положением. — Иди своей дорогой. Не мешай работать!

«Не мешай работать... — усмехнулся я про себя. — Знал бы ты, салага, кто всю эту кашу заварил!»

Половина восьмого. Самое время готовиться к ночному отдыху. Сегодня он будет у меня не очень комфортным. Я не придумал ничего лучше, чем забрать сумку, сесть в электричку и отправиться до станции Тверь. Лягу там на лавочку, положу сумку под голову и как-нибудь посплю. Документы у меня в порядке. Для особо въедливых заготовлена версия: еду на перекладных из Питера, жду первую электричку.

Программа на завтра — поиски Наташки и мадам Полеску. Теперь-то я был уверен, что моя ненаглядная жива и здорова!

Глава XIII

В Твери меня ждало глубокое разочарование. Поспать толком не удалось. Едва миновала полночь, как зал ожидания начал заполняться народом. Откуда он брался, сказать не берусь: пытался спать до последнего. Но все как один были с мешками, рюкзаками и баулами и именно при помощи своего багажа норовили покуситься на мой комфорт. Сначала, как бы случайно, на ноги мне плюхнули неподъемный деревянный ящик. Потом на меня невзначай начали ставить рюкзаки, сваливать мешки или водружать толстенные задницы. В общем, к трем часам ночи я уже сидел, уронив голову на стоящую на коленях сумку, плотно зажатый с обеих сторон. И знаете что? Когда спустя некоторое время в переполненный зал влилась новая волна народу, я мысленно поздравил себя с тем, что хотя бы сижу. Изряд-

ное, оказывается, у нас число людей, предпочитающих дармовой ночлег.

Сон мне перебили, шея затекла, так что я сел прямо и задумался о прелестях кочевой жизни. Ведь именно это ожидало меня в случае провала амстердамской авантюры. Вернуться домой я не мог, финансы пели романсы, связей и друзей по республике, могущих приютить опального москвича, не было, в малинах меня вряд ли примут. На работу не устроиться, жить мелкими кражами не греет. Собирать отбросы?

До того момента я как-то не задумывался над этой перспективой всерьез. Стоит, конечно, надеяться на лучшее, но вдруг?

Имея представление о бродячей жизни в основном по фильмам Чаплина, я не очень страшился такого образа жизни. Довольно неплохо чувствовал себя человек. И сколько бывших зеков шляются по городам, не имея ни кола ни двора? Или эти беженцы, мигрирующие целыми микрорайонами? Живут люди, подрабатывают, ночлег находят. Еще и детей умудряются рожать. А я чем хуже? Приспособлюсь, не пропаду!

Но эта ночь вправила мне мозги. Я сидел, стиснутый, как килька в банке, вдыхая перегар, папиросный дым и смрад от сотен мешков и тел, дурея от несмолкающего гула голосов. Глаза, болевшие от недосыпа и скупого

желтого света, отказывались вылезать из-под горячих век. Шею ломило, ноги затекли, бока гудели от непрерывного давления локтей и тюков. А ведь для бича такой вариант ночлега считается комфортным! Когда я пообтреплюсь, обрасту и поживу пару недель без души, эти же самые мешочники сочтут мое общество неприемлемым для себя и дружно выкинут меня за двери, присвоив освободившееся место. Я машинально потрогал свою щетину и осмотрел ногти.

Опускаясь все ниже, я буду иметь все меньше шансов вернуться к нормальной жизни. Столичные менты уже косо поглядывают на мои подпаленные джинсы, хотя дырочка на них не больше копейки, и это ничто в сравнении с молодежной модой, когда новые штаны нарочно вспарываются ножами и буравятся дрелью. Они уже косятся, хотя одет я во все чистое. Что-то станет, когда я буду иметь вид помятый и потрепанный, пооботрюсь, покроюсь пятнами и приобрету характерный для своего нового круга дух? Кстати, у меня осталась только одна смена белья...

Само собой, побичевав достаточно и достигнув некоторого профессионализма, я определенно смогу приспособиться. Наглядный пример лежал прямо подо мной и, ворочаясь во сне, периодически задевал мои пятки: бомж, устроивший себе ложе на кусках

картона, уложенных между ножками скамейки. Представляете, уже сейчас я позавидовал ему: он лежит, вытянув ноги, спит и видит сны о сытой жизни. Только вот что он будет делать зимой? Что я буду делать зимой? Кстати, я уже проголодался. Но это не самое страшное. Если бы мне приспичило отойти по нужде, то остаток ночи пришлось бы провести, стоя у двери на одной ноге.

А что изменится, если я просочусь в Европу? Там своих клошаров хватает, а я и милостыню попросить не смогу, ибо не помню даже той фразы, которую блеял Воробьянинов: «Же не ме...» Такого «полиглота» даже в мусорщики не возьмут. А через полгода кончится виза и — кыш! Это будет зима, январь...

К черту! Хватит ныть! Нужно найти ее! В конце концов, зачем мне бичевать, если где-то лежит мой миллион самых что ни на есть зеленых долларов США!

Прибыв на Ленинградский вокзал, я, чтобы проснуться, выпил залпом бутылку «Боржоми». Рой пузырьков, ринувшихся на волю сквозь мой нос, разогнал остатки тяжелого сна, в котором я пребывал три часа пути.

Взбодрившись, я направился к телефонам. Снова позвонил в Париж, эксплуатируя любезность Лиз, и поинтересовался у нее, от ка-

кой фирмы будет русская группа. Она не знала. Жаль. Но ничего страшного. Можно пойти с другого края: обзвонить по рекламе московские агентства. Нужно только пойти и купить пару газет.

Поскольку телефон фирмы, через которую должен был ехать я сам, под рукой, начинаю с нее. И сразу удача! Мне дают номер конторы, отправляющей эту группу. Перезваниваю туда и спрашиваю, нет ли среди туристов Натальи Ливской или Нины Полеску. Кто я? Любовник. Хочу преподнести сюрприз, купив тур на тот же автобус. Чей именно любовник? Да обеих! Неудобно говорить об этом постороннему человеку, но мы живем втроем...

Девушка на всякий случай засмеялась, не зная, верить мне или нет, но волшебная фраза «хочу купить» работает безотказно. Зашуршали бумажки.

— Нет, молодой человек,— вздохнула девушка.— Никого из вашего гарема в этой группе нет.

— Скажите, а не может быть так, что кто-то подсядет к вам в автобус позднее. Скажем, в Польше.

— Нет. Такого быть не может. Сесть можно только до Бреста, до таможни. Сойти — где угодно. У нас ведь маршрут, мы не можем долго ждать опоздавших. А сесть... Мы не будем брать людей за границей. Мало ли

какие у них проблемы! А задержат весь автобус...

Поблагодарив, я попрощался. И так, через неделю в «Модерне» никто не появится.

Что ж, эта версия отработана, но я не сдам-ся. Бессонная ночь в тверском зале ожидания измотала меня, но придала сил, чтобы искать свое место под солнцем, свою любимую и миллион. Теперь я уже и не знал, без чего я скучаю больше.

Следующая ниточка, за которую я соби-рался потянуть, — польские друзья Наташки.

Они должны были переправить ее в Герма-нию, снабдить документами, по которым она превращалась в подданную Бельгии. Выхо-дит, они знают, кто она теперь и куда поехала.

Как их найти? Мне известны их имена. Збышек и Станислав. Известно, что живут они в Варшаве. Известно, что в пик пере-стройки и развала соцлагеря они регулярно появлялись в Москве, скупая ордена, церков-ную утварь и местный кич вроде платков, ло-жек и матрешек. Наверняка на Арбате еще есть люди, которые знают и их, и Наталью. Да! Как-то прозвучала такая фраза, что этот Збышек вывозит много товара с фургонами «Луна-парка», стоявшего каждое лето в Парке Горького. Если удастся найти поляков, то де-сять к одному, что они выведут меня на Збы-шека!

Заодно стоило подумать, как Наташка может искать связи со мной. Ясно, что звонить домой она не станет. Общих знакомых, которым стоило бы доверять, у нас не было. Объявления в газете? В какой? Кроме международной странички «Из рук в руки», ничего на ум не приходило. Что ж, если попадется такая газетка, можно будет полистать. Но я бы не воспользовался газетой. Не я один могу найти Наташку таким образом...

Самое печальное, что она и не ищет меня, а ждет в условленном месте с этой Ниной... А может, она теперь и есть Нина Полеску? Не вышло стать бельгийкой, переродилась в румынку? Может, и так, но это не облегчает мне задачу. Вот кабы я вспомнил, где мы условились встретиться! Чертова амнезия! Тоже мне «идеальный диагноз для афериста»! Пока что этот диагноз ведет прямоком на свалку, искать рыбы хвосты и яблочные огрызки.

Решив начать с «Луна-парка», я отправился в Парк Горького.

Прибыв на место, обнаружил, что «культура и отдых» уступили место беспардонной обдираловке. Польские аттракционы здесь уже не котируются. Их место поделили всякие кегельбаны, американские горки и качели, мотающие тебя так, что за твои же деньги вытрясали сигареты, ключи, мелочь из карманов и душу.

Потыкавшись в административные кабинеты, я выяснил, что поляки продолжают приезжать в Россию. Сейчас они развернули свой городок в Химках.

Поехал в Химки. Поляки на месте. Направился к жилым вагончикам, выстроившимся в ряд за «Пещерой страха». Возле одного прицепа сидело несколько человек; слышалась польскую речь.

— День добрый!

Разговор оборвался. Все повернули головы и принялись внимательно изучать меня. Приступа радушия ждать от них не приходится.

Не дождавшись ответа, я приступил к делу:

— Я ищу одного человека. Он поляк. Он не из вашего аттракциона, но я слышал, он перевозил с вами товар. Его зовут Збышек. Он из Варшавы... — Я выдержал паузу, рассчитывая, что кто-нибудь из них ответит. Тщетно. Нужно продолжать монолог, но я уже выложил все, что знал.— У него был друг Станислав. Они возили матрешки, антиквариат разный... — выдавил я из себя остатки информации, с надеждой глядя в хмурые лица.

Одна из женщин обратилась по-польски к своему соседу. Тот кивнул одобрительно. Тогда женщина поднялась со ступеньки, на которой сидела, и сказала по-русски:

— Тебе нужно поговорить с Лехом. Подожди там, я позову его.— Последовал неопре-

деленный жест в сторону. Видимо, мне просто предлагалось отвалить от вагончиков на безопасное расстояние.

Оставив полякам свое «спасибо», я отошел метров на десять.

Через пять минут женщина появилась снова и махнула мне рукой от крайнего фургона. Я поспешил туда.

Возле фургона, прямо на асфальте, стоял пластиковый стол, на котором были разложены фрукты, хлеб и ветчина. За столом сидел пожилой мужчина. Колоритная личность: длинные седые волосы, падающие на плечи, густые усы, свисающие ниже подбородка. На плечи накинута клетчатая рубаша, оставляющая возможность узреть покрытые наколками руки и правую сторону груди. На объемистом животе поляка лежал внушительных размеров позолоченный крест, украшенный безумным числом дополнительных лучиков и завитков. Надо думать, это и был тот самый Лех, с которым мне предстояло пообщаться.

Женщина указала ему на меня и, выдав скороговоркой какие-то комментарии на своем языке, удалилась.

— Кого ты ищешь? — спросил Лех низким мелодичным голосом.

— Я ищу поляка. Его зовут Збышек... — Дальше я повторил на бис все, что только что рассказывал возле другого фургона.

— Зачем тебе Збышек? — спросил Лех, дослушав меня.

— Видите ли, я ищу не столько Збышека, сколько свою знакомую. Ее зовут Наталья. Она поехала в Варшаву, а потом мы должны были встретиться, но...

— Но она не хочет тебя видеть?

— Нет. Тут другое. Так получилось, что... мы не встретились в условленном месте и теперь не можем найти друг друга.

— При чем здесь Збышек?

— Она должна была заехать к нему... кое-что передать.

— Она полька или русская? — Лех взял персик и смачно надкусил его.

— Она русская, москвичка. Но мы едем... ехали в Амстердам... — Я начал тормозить, все ближе подходя к рубежу, за которым была область того, о чем говорить не стоило.

— А как фамилия этого Збышека? — Поляк вытянул из персика косточку и бросил в пластиковый стаканчик, стоявший в центре стола.

— Я не знаю. Это ее знакомый, друг. Я его даже никогда не видел.

— А почему, — Лех отправил в рот остатки мякоти и некоторое время жевал, прежде чем

закончить фразу,— мы должны знать этого Збышека?

— Ну, я же говорил. Он возил с вашим грузом свой товар.

— Много кто возил с нами свой товар. А Збышеков... — Он поднял гроздь винограда и начал тыкать в разные ягоды пальцем.— Тебя как зовут?

— Олег.

— Я — Лех. Так вот, Збышеков в Польше больше, чем у вас Олегов.

Кажется, и эта ниточка обрывается.

— Но ведь среди тех, кто возил с вами груз,— ухватился я за соломинку,— может оказаться не так много Збышеков из Варшавы?

Поляк покачал головой:

— Зачем мне их имена? Они давали груз, давали деньги. Я вез.

— Да, я понимаю. Конечно... Ну, извините тогда... всего доброго.

— А та девушка... — Поляк поднял палец, призывая меня остановиться.— Наташа. Она с нами не ездила? Может, до Германии?

— Не знаю.

— Но ее фамилию ты знаешь?

— Конечно.— Лучик надежды вспыхнул вновь.— Ливская. Наталья Станиславовна Ливская.

— Ливская? — Поляк задумчиво вытирал усы сверху вниз, от крыльев носа до подбородка, и пальцы его встретились над кадыком. — Интересная фамилия.

— У меня даже есть фотография! — вспомнил я. Развернув сумку, извлек пакет и начал рыться в нем, ища нужные фотографии.

Лех приподнялся со стула и, протянув руку, довольно бесцеремонно забрал у меня всю стопку карточек. Бросив беглый взгляд, он вытянул одну, где мы сидим с Наташкой в обнимку на перилах смотровой площадки.

— Это она?

Я кивнул в ответ.

Некоторое время поляк изучал фото. Потом положил его обратно в стопку и вернул мне.

— Я вижу, тебе можно говорить, — резюмировал он.

— Что говорить?

— Вообще говорить. Но я ее не знаю. Она с нами не ездила. Но... — Он снова отер усы. — Сколько лет этому Збышеку, ты не знаешь? И Станислава тоже не видел?

Я помотал головой.

— А не может такого быть, что Станислав — Станислав Ливский?

— И что? — Я задумался, прикидывая, что следует из этого предположения.

— Ничего. Просто подумай об этом. Больше я помочь тебе ничем не могу.— Поляк развел руками.

— И на том спасибо.— Я убрал пакет в сумку.

— Возьми виноград.— Лех протянул мне гроздь.— И привет твоей девушке.

Я отправился искать следы поляков на Арбате. Здесь ситуация полегче. Я знал некоторых Натальиных приятелей не только по именам, но и в лицо. Кое-кто должен помнить меня, так что проверок, как у поляков, можно не опасаться.

Выйдя на «Смоленской», я не спеша прошел весь Арбат насквозь, заглядывая в кафешки и под арки, вытягивая шею на перекрестках. Ни одной знакомой физиономии. Но я и не рассчитывал на быстрый успех. Тусовка — дело специфическое.

Оказавшись на пяточке возле «Праги», заглянул в переход. Удача! Возле бабули с сигаретами стояли двое парней. Одного я знал.

Сбежав по ступеням, я подошел к парню вплотную.

— Здорово, Гарик! — произнес я с придыханием, словно бежал от самой Рязани.

— А, это ты? — Гарик признал меня и протянул руку.— Привет.

— Слушай,— мгновенно сориентировался в ситуации второй парень,— добей рупь пятьдесят, а то цены убежали — не догонишь!

Он ткнул в товар, разложенный в коробочке у бабули. Я отметил про себя, что цены и впрямь увлеклись спринтом. Узнать бы, что творится в родной стране! Я достал два рубля и протянул парню. Пока он рассчитывался с бабулей, я обратился к Гарику:

— Слушай, выручай. Мне нужно Наташку срочно найти.

— Наташку? — Тот соображал секунду.— А, ну да. Вы ж с ней это... А чё, поссорились?

— Да нет. Она, понимаешь, поехала к Збышеку в Польшу. Я должен был сегодня следом двигать, а у меня ночью пожар случился!

— Какой пожар?

— Ну, какой бывает пожар! Новости по ящику смотришь? Дома у меня пожар! Видишь,— показал я на свои обгоревшие джинсы,— в чем был, в том и выскочил! Последние штаны остались...

— Ну... — Гарик с уважением посмотрел на пятно.— Круто! Круто ты попал. И чего, все сгорело, что ли? И шмотки?

— Да черт с ними, со шмотками,— безнадежно махнул я рукой.— Но ты понимаешь, старик, у меня и книжка записная сгорела, билеты, путевки...

— А-а,— парень мгновенно погрузился,— у меня бабок нет. Совсем пустой, понимаешь...

— Да мне деньги не нужны,— успокоил я его.— Ты понимаешь, у меня теперь нет ни адреса, ни телефона этого Збышека. Мне бы его как-то найти...

— А-а, понял,— кивнул Гарик и хлопнул по спине своего приятеля: — Шур!

— Чего? — Тот повернулся и протянул мне открытую пачку «Мальборо». Впрочем, он так быстро убрал ее, что, даже если бы мне хотелось курить, я бы не успел и руку поднять, не то что вытянуть сигаретку. Но внешне Шура был сама любезность.

— Слышь,— сказал Гарик,— тут проблема у мужика.

— Что за проблема?

— Ну, помнишь Збышека? Лики скупает, хохлому разную.

— Ну? Конечно.

— Вот надо человеку адрес его найти. Вишь, в гости собирался, а билеты и все дела сгорели.— Он показал на мои джинсы жестом опытного экскурсовода.— Пожар у него случился.

Шура без церемоний нагнулся, чтобы взглянуть на прожженную дырочку. Он с удивительной легкостью складывался почти пополам.

— Любопытно,— сказал он, распрямившись столь же стремительно.

— Так что? — вернул я его к предмету разговора.— Адрес-то дашь?

— Адрес? — Он удивленно посмотрел на Гарика.— А у меня-то откуда адрес?

— Ну, вы же ездили к нему,— напомнил тот.

Этот диалог начинал походить на клоунскую репризу.

— Да, точно! — Шура хлопнул себя по лбу.— Но ты знаешь, мужик,— обратился он ко мне,— я адреса не помню. Мы все пьяные были в дымину. Да и зачем мне адрес? Я могу тебе его дом показать...

— У него собственный дом?

— Ну. У него свой дом в Варшаве. Вернее, чуть не доезжая... Нет, но все равно это считается Варшавой... Короче, им всем строить разрешили, и они теперь все строят, строят, как муравьи. Большой такой дом, двухэтажный.— Парень добросовестно напряг память.— Крыша черепичная...

— Ну ладно,— остановил я его.— А у кого еще можно спросить?

— Еще у кого? — Парни переглянулись.— Пашки нет, Ольга?.. Стас?..

— Слушай, похоже, что больше спросить не у кого,— подвел неутешительный итог Га-

рик.— Кого-то нет, Наташка — сам говоришь — уже там. Так что...

— Да ты не парься, мужик,— встрял Шура,— сегодня не поедешь, завтра не поедешь, а послезавтра она тебе сама позвонит.

— Да то-то и оно, что звонить мне теперь некуда! Квартира выгорела дотла. Даже кабель телефонный прогорел...

Но, кроме сочувствия, сожалений и готовности выпить со мной пивка за мой счет по такому случаю, тусовщики ничего предложить не смогли.

Что ж, еще одна ниточка оборвалась. Но теперь я могу применить крайнее средство: отправиться в Варшаву и по телефонной книге вылавливать всех Збышеков и всех Ливских. Сколько народу живет в Варшаве? Надо заглянуть в справочник. Но и так ясно, что не десять миллионов. Опять же не у всех из них частные дома в пригороде. Есть, есть еще шансы! Вот только тамошняя мафия, по слухам, не слабее нашей. Ничего, потягаемся и с ними — опыт есть...

Глава XIV

Найти телефон московского отделения «Гринпис» оказалось несложно. Даже легче, чем сформулировать вопрос, который я хотел задать. Запинаясь, повторяясь и начиная сначала, я сказал, что ищу девушку, проработавшую в организации несколько лет, — Наталью Ливскую. В связи с этим я хотел бы поговорить с кем-то, кто хорошо знал ее.

На том конце провода долго совещались, несколько раз для меня играла мелодия Пауличетти — звонок переключали на другие аппараты. Наконец поиски крайнего для ответа на этот вопрос увенчались успехом: крайней оказалась секретарша, с которой я уже разговаривал.

— Знаете, она уже давно не работает у нас, — зашебетала старательная девица. — Вам лучше бы поговорить с кем-то из ее группы...

— И как это сделать? — перехватил я инициативу.

— Они сейчас на Камчатке. Вернутся примерно через месяц. Попробуйте перезвонить... — Она явно надеялась, что я дам ей возможность положить трубку.

— Секунду! Дело в том, что это очень важно, и, кстати, по вашей части. Может быть, я могу поговорить с вашим руководством?

— Ну, я не знаю...

Она не знает! Она не знает, даже не догадывается, что я могу сделать, чтобы добыть нужные мне сведения. Я готов перегрызть глотки всем «зеленым» на европейской части, а потом, черт с ним, рвануть на Камчатку, чтобы довершить начатое. В общем, мой штурм заканчивается тем, что их босс, некий Антон, выделяет полчаса своего драгоценного, расписанного по минутам времени для аудиенции со мной.

Я помчался на встречу любимым видом транспорта — на метро. Ни пуха мне — распутать последнюю ниточку, которая осталась в Москве.

Антон оказался невысоким шуплым мужчиной с размашистыми залысинами, в повидавшем немало отечественном костюме. Сложно было представить его в роли активиста какого-нибудь движения, выше колхозного счетовода он никак не тянул. Глядя на его

галстук, ни за что не скажешь, что это человек, который общается с иностранцами или даже катается по заграницам. Хотя никто ведь и не утверждает обратного: может, он и есть местный бухгалтер?

Коль скоро мне уделили всего полчаса, у меня нет времени его разглядывать. Моя цель: разнюхать что-нибудь о польских друзьях Наташки и, на крайний случай, о профессоре-самородке.

Разговор начался с дежурных фраз, причем я галантно представился независимым журналистом, а хозяин кабинета не представился никак. К чему бы это? Не ровен час, этот Антон окажется пустым местом и просто отнимет у меня тридцать драгоценных минут. Его ли это кабинет?

Черт, опять я отступаю от темы! Хотя, позвольте, выяснить, с кем ты разговариваешь,— отнюдь не праздное любопытство...

— Я хотел бы поговорить немного о вашей бывшей сотруднице, Наталье Ливской... — Я уселся чуть боком, чтобы убрать под себя ногу в подпаленной штанине.

— А отчего бы не спросить у нее самой?

— Видите ли, для объективной картины нужны мнения разных людей. Необходимо дать картину под разными, так сказать, углами. С героиней я уже беседовал и буду беседовать с ней по мере накопления материала и

появления новых вопросов. А сейчас меня интересует ваше мнение о ней как о сотруднице. Заодно можно отметить парой фраз проблемы и задачи вашей организации...

— Я понял, да.— Антон заерзал в кресле.— Только она не сотрудник. У нас ведь не контора, а общественная организация. Случается, что мы нанимаем нужных специалистов, но она была не из их числа. В основном люди приходят к нам сами, добровольно и предлагают свою помощь, участие в той или иной степени. Это их порыв...

— И Ливская тоже пришла к вам с этим порывом?

— Хм...— Он снова заерзал в кресле, подбирая нужные слова. Что ж он никак не усядется? Это определенно не его кресло.

— Ну, можно так сказать.— Антон не нашел ничего лучше.— А вы в какой связи ею интересуетесь? Журналистское расследование?

— Я пишу книгу о людях, одержимых идеей, посвятивших себя избранной цели.— Я добавил патетический жест.

— Высокой цели? — ехидно переспросил человек в чужом кресле.— Ну-ну. И что вы хотите узнать?

— Я хотел бы, так сказать, пройти по местам, где они оставили свой след, поговорить с людьми, знающими их, с теми, кому они по-

могли. В данном случае мне интересно, где работала по вашим заданиям Наталья Ливская.

— Опять же, «задание» не совсем точное слово... Ну да ладно. Где работала? Много куда она ездила. По Европе покаталась, в Корею была. За последний год объехала ряд российских регионов. Вы где-нибудь уже побывали?

— Кое-где в Сибири,— сказал я чистую правду.— На зарубежье у меня средств пока не хватает. Но вот я собираюсь в Польшу, в командировку. Может, успею узнать что-то там. У нее ведь было много друзей в Польше?

— Ну, это, знаете... — развеселился вдруг мой собеседник.— Было бы странно, если бы у нее не было друзей в Польше!

— Почему?

— Ну, она ведь полька!

— Кто? Как? Как полька?

— Вот те раз! Удивляете вы меня, господин хороший. Беретесь за подобный труд и не знаете элементарных страниц биографии!

— Но в паспорте у нее стоит «русская».

— Мало ли что где стоит. У меня сосед Израиль Исаакович Пильцер. По паспорту тоже русский, а по роже... — Антон осекся, испуганно взглянув сначала на дверь, потом на меня.— Мать у нее,— продолжил он серьезно,— в самом деле, русская. А отец поляк. Оба бывшие политические, познакомились

на поселении. Мать умерла при родах... длинная история. Не очень, извините, тянет рассказывать.

— А отец ее... Станислав Ливский?

— Станислав Ливский,— кивнул Антон.— А вы были знакомы?

— Нет, не были... А почему «были»?

— Ну, он ведь умер. Вы не знали? Года три назад, кажется... Саркома.

На пару минут воцарилась тишина. Я переваривал новости, Антон держал почтительную паузу из уважения к умершему.

— И знаете что? — продолжил он осторожно после этой паузы.— Говорить об умерших принято только хорошее. И я могу сказать, что Станислав Ливский — человек, о котором, в самом деле, стоит написать книгу. А вот...

Он умолк и принялся перебирать на столе бумажки.

— Что «вот»?

— А, раз пошла, как говорится, такая пьянка... — решился мой собеседник.— Давайте начистоту.

— Не возражаю.— Что еще поведает мне этот «добрый гном»? Что еще я упустил в Натاشкиной биографии?

— Ливская являлась негласным протезе своего отца. Как известный правозащитник он был более чем полезен нам в Восточной

Европе. Человек пользовался заслуженным влиянием и авторитетом... Словом, он был нам нужен. Так что когда Наталья Ливская пришла в питерское отделение и мы навели справки, мы решили...

— Помочь ей?

— Ну, не помочь... Никто не обсуждал вслух ее происхождение. Она была как бы независимым человеком. Но если речь шла о поездках за рубеж... Или когда с ней происходили некие... казусы и ее приходилось вытаскивать из неприятных ситуаций...

— Что за казусы?

— Что за казусы? Ну, к примеру, в Гааге она не явилась в назначенный час в порт. Оказалось, ее задержала полиция. Обкурившись с местными рокерами опиума, она приняла участие в жестокой драке с группой туристов из Штатов. Мы ее вытащили. Потом был еще случай... С ней поговорили, и некоторое время она держала себя в рамках. Но потом появились проблемы иного рода...

— Вы рассказываете очень любопытные вещи,— подбодрил я его.

— Стало очевидным, что интерес ее начал перерастать из нормального любопытства и желания мир посмотреть в другую область...

— Так-так.— Этот коротышка начинал раздражать меня тем, что ломался и изо всех сил старался продемонстрировать, как непри-

ятно ему говорить об этом, что только долг и светлая память о товарище вынуждают его открыть мне истину. На самом деле было ясно как день, что для этого недомерка чужое грязное белье — любимая тема. Но нельзя было спугнуть его.

— Область коммерческую, так сказать. Сначала это все носило безобидный характер. Сувениры, крестики, бижутерия. А потом история с этим Збышеком...

— Збышеком? — Я насторожился. — Это тоже правозащитник?

— Если бы. Это тот еще жук. Подвели они нас под монастырь...

— Збышек и Ливская?

— Да нет. Збышек со своей компанией... Как потом выяснилось, они пытались наладить вывоз в Латвию цветных металлов. Там сложная комбинация, бартер через биржу... Словом, «хищение в особо крупных». Збышек успел слинять домой. Прибалты тоже отверглись. Сели двое наших...

Мне доктор давал такой тест. На карточке написаны три слова. Нужно подобрать четвертое, чтобы оно подходило ко всем трем, а потом объяснить эту связь. Кажется, я неплохо справился с ним. Почему мне вспомнился психиатр со своими карточками? Просто я очень быстро подобрал слово, подходящее к трем другим, только что услышанным: «Лат-

вия», «бартер», «биржа». Знаете какое? Валдис!

— А какая роль была у Натальи?

— Точно установить не удалось. По официальной версии, Збышек, пользуясь ее доверчивостью, получил нужную ему информацию, собранную нашим департаментом.

— Значит, утверждать, что она была в этом замешана, вы не можете?

— Не могу,— согласился Антон.— Но спустя полгода ее практически взяли с поличным при перевозе радиоактивного изотопа.

— Урана?

— Нет, не урана. Это элемент столь же менее известен, сколь и более дорог. По ценам мирового рынка изъятые у нее два грамма стоили около четырехсот тысяч долларов. Если бы эти идиоты сразу возбудили дело о контрабанде и незаконном обороте, а не о шпионаже, который инкриминировался тогда всем подряд...

Я прослушал подробности. Почему было закрыто дело, как Наташка ушла из «Гринпис»...

Почему же я такой идиот? Почему не обращаю внимания на очевидные вещи? Почему меня не насторожило признание Натальи, что идея с изотопом — не ее? Откуда она могла так хорошо знать, что Валдис завязан с наркотиками? Черт меня подери, можно бы-

ло хоть полюбопытствовать, как она на свет появилась и где живет, если не «тусуется» на Арбате?

Амнезия, говоришь? Нет, дорогой доктор, у меня иной диагноз. Я — идиот. Непроходимый, безнадежный тупица, хронический, так что ни лекарства, ни терапия, ни аутотренинг мне не помогут. Если человек наступает на те же грабли второй раз — это уже система.

Значит, моя подруга оставила меня с носом...

Мой собеседник демонстративно посмотрел на часы и поднялся, давая понять, что отведенное мне время истекло. Я спохватился, что последние минут десять аудиенции сижу истуканом, глядя в одну точку. Антон уже давно закончил свою обличительную речь, и только педантичность мешала ему выставить меня за дверь раньше, чем истечет оговоренное время.

— Простите, можно от вас позвонить? — У меня возникло вдруг неодолимое желание убедиться, что Валдис и Шитов еще сидят по камерам.

— Да.— Антон аристократическим жестом указал на аппарат.— Но, будьте добры, не долго.

Он опять посмотрел на часы и вышел, а я достал бумажку с прямым телефоном Совина.

— Подполковник?

— Нет еще,— ответил он сухо.— Передумал?

— Я только хотел знакомым передачу прислать. Не возражаете?

— Опоздал ты немного. Двоих уже нет.

— Как так?

— Шитов выписался в тот же день. Звонили по его вопросу. А вот прибалта освободили по предписанию. Заболел он сильно в камере.

— Ловко,— сокрушенно кивнул я.

— Надеюсь, ты успел далеко убежать? А то они обещали устроить игру в горелки.

— Это уже мои заботы. Ладно, успехов вам на ниве борьбы со всем подряд. Тем более что сила сейчас за вами.— Я бросил трубку.

Антон все не возвращался. Похоже, я закончил досрочно. Не позвонить ли еще кому? Оглянувшись на дверь, я быстро набрал восьмерку. Выход на межгород свободен. Оно и понятно: как-никак, международная организация.

Думаю, нет нужды говорить, куда я звонил. Скажете, глупо? Так уж устроен человек. Легче двадцать раз умереть, чем расстаться со своими иллюзиями. Кстати, другой отличительной чертой является способность привыкать ко всему, так что трудно умирать только

первый раз, остальные девятнадцать пойдут легче.

— Мадемуазель Лиз, силь ву пле,— произнес я вполне по-французски. Вот только разобрать, что мне ответили, я не смог.

Дверь открылась, и в комнату зашел Антон.

— Дозвонились?

— Да, спасибо.— И тут же соврал без зазрения совести: — Сейчас ее позовут из палаты.

«Позовут из палаты», само по себе не требует разъяснений. Прихватив со стола журнал, Антон тактично удалился. В этот самый миг в трубке раздался голос Лиз. Я назвал себя.

— О, мсье! Могу вас счастливо! — воскликнула она.

Как это перевести? Она рада меня слышать?

— Ваша мадам уже гостит у нас!

— Что?! Кто?! — Я не верил собственным ушам.

— Мадам Нина Полеску. Она начинала гостить сегодня.

Начинала гостить? Приехала? Заказала номер? Чертова дура эта Лиз, взялась учить язык — надо было учить хорошо.

— Она уже здесь? Ее можно позвать?

— Я уже позвать. Момент... — Послышалась какая-то возня.

— Алло? — Низкий женский голос с восточнославянским акцентом. Не пойму, взяла ли его обладательница трубку в Париже или это кто-то вклинился в нашу, отечественную линию.

— Алло! Кто это? — Я был в ужасе от мысли, что связь сейчас прервется.

— Олег! Олежек! — Низкий голос взорвался вдруг знакомыми нотками. Это Наташка! Это моя Наташка кричит мне через два часовых пояса.

— Да! — заорал я в трубку. — Это я! Я!

— А это я! — кричала мне Наташка. — Ни-на! Где ты?

— Я в Москве, — произнес я много тише, поглядывая на дверь. Полагаю, меня достаточно хорошо было слышно.

— Что? Что с тобой? Как ты? — Она сыпала вопросами, словно вываливала пельмени в кипяток: буль-буль-буль. Невозможно и слова вставить.

— Со мной, — я пропустил еще горсть вопросов, — со мной все нормально. Только я не смог выехать, как мы договорились.

— Но ты... С тобой все нормально, да? Документы у тебя целы?

— Да! Все цело. Я попробую завтра выехать...

— Как? На чем?

— Не знаю. Где мы встретимся? Как мне найти тебя?

— Давай, как договорились. Я могу выехать скоростным хоть сегодня...

А как мы договорились? Теперь нет никаких сомнений, что она звонила мне, а я все забыл. Она продиктовала мне номер, сообщила свое новое имя, а я все забыл. И рот уже сам собой раскрылся, чтобы признаться в этом, но дверь кабинета распахнулась и вошло человек десять с папками, блокнотами, рулонами бумаги.

— Мама! — импровизировал я на ходу, умоляюще глядя на Антона. — Ты меня слышишь? Оставайся там. Попроси, чтобы тебя оставили в этой же палате. Я тебя навещу на днях. Поняла? Попроси сестру Лиз оставить тебя в этой же палате, никуда не переводись!

— Да... я поняла, Олег... — чуть слышно ответила Наташка. — Это они? Они нашли тебя?

— Нет, — засмеялся я. — Это не они. Они уже очень далеко. Просто у меня есть знакомый доктор. Очень хороший. Ну все, целую, пока!

Положив трубку, я извинился перед собравшимися, молитвенно прижав руки к груди.

— Я прошу прощения. Прошу прощения, дико извиняюсь... — Я расшаркался и покинул кабинет.

Моя Наталья обвела меня вокруг пальца и смылась? Да пошли вы все! Вы ничего не знаете о моей подруге!

Глава XV

Всю жизнь наивно полагал, что, имея оружие, можно решить любую проблему. Чем было копье для первобытного человека? Гарантией, что у него будет еда, кров и женщина. Многое ли изменилось за миллион лет? Когда смотришь все эти фильмы про супер-агентов, крутых парней и тому подобном, кажется, что нет. Ей-богу, такое ощущение, что эта стреляющая железка становится как бы частью своего хозяина, что сам факт ее присутствия в кобуре, кармане, «бардачке» машины меняет человека, делая его сильным, смелым, уверенным в себе. И после моих randevu в офис к Валдису и виктории у метро я почти уверовал в фатальную силу стреляющей машинки...

Ан нет. Вот хожу я взад-вперед по Черноморскому бульвару, делая вид, что прогуливаюсь, приходя в себя после попойки или по-

просту убивая время. В кармане у меня лежит ствол с четырьмя патронами, но ничего такого особенного я не чувствую, кроме того, что сейчас полоумному менту взбредет в голову задержать меня под каким-нибудь предлогом и я отхвачу срок за ношение огнестрельного оружия. А уж в зоне меня найдут все, кто ищет: и Валдис, и Шито, и, возможно, Наташка, которая пришлет мне напоследок курево, чай и мармелад.

Короче, этот ствол для меня сейчас — просто неудачная покупка: выбросить жалко, а денег не воротишь.

А деньги мне нужны позарез. Чем больше, тем лучше. Нужно ведь каким-то манером выбраться за кордон. Сколько для этого понадобится — неизвестно, но совершенно ясно, что оставшиеся у меня сорок долларов не спасут даже при нынешней свистопляске с курсом. Может, занять у кого? А у кого? И сколько мне нужно? Определиться бы хоть с этим.

Оглянувшись напоследок, я свернул с бульвара. Пойду послоняюсь в другом месте, пока не придет что-нибудь в голову.

Я шел вдоль какого-то забора. Сколько же заборов появилось в Москве после победы демократии! Ни пройти ни проехать.

Забор ограждал от посягательств какую-то стоянку. Увенчанный тремя рядами колючки, этот металлический плетень «проводил» меня

метров тридцать. Затем его сетка исчезла в аккуратной кирпичной кладке небольшого продуктового магазина.

Магазин был очень кстати: хотелось есть и пить. Я решил купить какое-нибудь недорогое печенье и бутылку минеральной воды. Зашел.

В магазине было две продавщицы. Одна читала книжку, вторая занималась с единственной покупательницей — бабушкой лет ста.

Выбрав воду и печенье, я обратился к свободной продавщице.

— Будьте добры... — начал я стандартную фразу.

— У меня перерыв.— Продавщица даже не оторвалась от книги. Видимо, очень захватывающее чтение: на обложке широкоплечий мен в смокинге нес на руках полуголую девушку. Название написано затейливой вязью.

Я стал в «очередь». Бабушка, не торопясь, изучала этикетки разложенных перед ней консервов. Это надолго.

— Да мне только воды и печенье... — снова обратился я к поклоннице любовного романа.

— Что за народ тупой! — произнесла та как бы про себя и лениво почесала облупленными ногтями лодыжку.— Говорю ведь русским языком...

Обидно выслушивать такое. Сказал бы я этой эротоманке пару ласковых. Даже не пару, а гораздо больше, но скандалить, когда в спину тебе дышит неизвестно сколько пяточков,— не самое мудрое дело.

Медленно вернулся к бабушке. Спокойствие! Сейчас главное — спокойствие.

На стене красовался стенд со всякими документами и телефонами вышестоящих организаций. Я скользнул по ним взглядом: может, звякнуть, пожаловаться на уровень обслуживания?

Ба! Да ведь этот магазин принадлежит Валдису! Стоянка наверняка его. То ли мир тесен, то ли Валдис занимает в нем слишком много места. В любом случае я не собираюсь ничего здесь покупать. Вот еще, отдавать свои кровные денежки этому говнюку! Пошлю ему в тюрьму шоколадку из Бельгии. Но и уйти просто так я теперь уже не мог. Громить магазин я не стану, но война есть война и каждая пакость, каждая партизанская вылазка идут в зачет.

Я дождался, пока бабушка выберет себе паштет, расплатится и отправится в долгий путь к выходу.

— Мне, пожалуйста, килограмм телячьей колбаски,— сказал я мечтательно.— И порежьте, будьте добры.

— Что, весь килограмм? — спросила продавщица с явным неудовольствием.

— Да, и, будьте любезны, потоньше,— уточнил я, не моргнув глазом.

Продавщица, недовольно сопя, принялась отрезать ломтики. Когда она почти закончила, я спохватился:

— А это вы телячью режете?

— Телячью.

— А вот это разве она? — Я ткнул пальцем в витрину.

— Это, молодой человек, любительская,— произнесла продавщица с чувством превосходства.

— Да? — удивился я.— А мне тогда не надо телячьей. Мне вот эту, любительскую.

— Вы что, издеваетесь? — Продавщица тяжело, как палач опускает свой топор на плаху, опустила нож на разделочную доску, и взгляд ее был под стать этому сравнению.

— Почему? — поинтересовался я с невиннейшим видом.

— А за эту кто платить будет? — Она ткнула ножом в наструганные ломти.

— Но я ведь ее не беру.

— Не, интересный! — возмутилась продавщица.— Я тут резала, как дура...

— Надо было резать, как умная,— парировал я.

Тут на меня выплеснулся ушат брани и проклятий. И следом полился второй — к со-
ло коллеги подключилась вторая продавщи-
ца, даже оставившая ради такого случая свое
читиво. Сомневаюсь, что те обороты, которые
она выдала, были почерпнуты ею из книжки.
Какие они, оказывается, живые, эмоциональ-
ные!

Под этот аккомпанемент, звучавший для
меня как песня «роллингов», я повернулся и
победным маршем зашагал к дверям.

— Эй ты, козел! — неслось мне вслед. — А
ну прыгай сюда, а то хуже будет!

Явный перебор! Услышать это в подворот-
не от подвыпивших молокососов — одно, но
когда тебе выдают такое в магазине...

Окрик настиг меня у самой двери. Я пере-
вернул табличку «открыто» и обернулся:

— Это ты мне?

— Не, но вы ж сказали телячьей, — резко
сбавила продавщица обороты, — я резала-ре-
зала... Теперь заветрится ведь...

Безо всякой задней мысли я сунул руку в
карман и наткнулся на пистолет. Дальше
мысль моя вообще безнадежно отстала от рук,
ног и языка. Я выхватил ствол и направил на
продавщицу:

— Вытряхивай все из кассы!

Обе застыли с открытыми ртами, как поло-
вецкие бабы.

Я сделал шаг вперед, и кончик ствола почти коснулся лба любительницы чтения на рабочем месте.

— Считаю до десяти,— предупредил я и двинул предохранитель.— Восемь, девять...

— Ой! — Продавщица начала выгребать из кассы деньги и валить их на прилавок.

— В пакет! Шустрее! — скомандовал я второй.

Та трясущимися руками сняла с крюка пакет и принялась собирать в него деньги.

— Теперь крупняк,— приказал я, когда касса опустела.

— Что?

— Крупные купюры. Живее!

Вторая продавщица нехотя извлекла из-под прилавка картонную коробку. Схватив коробку, я бросил ее в пакет и, продолжая держать продавщиц под прицелом, попятился к выходу. На улице я бросил пистолет в пакет и, включив пятую передачу, помчался со всех ног через дворы.

Вот так номер я отмочил! Никогда бы не подумал, что способен на такое. Вот и рассуждай теперь о роли пистолета в формировании личности человека! Наверное, все-таки это заложено где-то в подсознании любого живого существа. Ведь любой зверек будет кусать, царапаться и вырываться, защищая свою жизнь, а вот беззубый пес никогда не

попытается укусить. Выходит, само наличие оружия или орудия меняет личность, делая существо агрессивнее, превращая травоядное в хищника, зайца — в волка? С другой стороны, кобра продолжает бросаться на тебя даже после того, как ей удалят ядовитые железы...

Пофилософствовать на эту тему можно будет позднее. Сейчас надо избавиться от пистолета и прикинуть — велика ли добыча от этого налета. Сколько бы там ни было, война есть война!

Теперь я мог попытаться выбраться из страны. Актив мой составлял тысячу триста долларов и пятьсот с мелочью рублей. В принципе я мог бы просто купить билет на самолет или поезд и поехать. Визы у меня были. Багаж — минимальный. Мне даже декларацию не пришлось бы заполнять. Лепота!

Но я хорошо представлял себе, что приобрести билет могу только на свое имя, а значит, неминуемо «засвечусь» в каком-нибудь списке, и если у господина Шитова в самом деле такие длинные руки, как он говорит, то меня запросто могут встретить на вокзале или в аэропорте.

Но выехать-то мне нужно! И чем быстрее, тем лучше. Ибо ко всем моим проблемам мог прибавиться и фоторобот по делу об ограбле-

нии магазина. Вряд ли, конечно, мелкого гопника будут искать среди выезжающих за рубеж, но все же...

Что же делать? Вариант с нелегальным пересечением границы был мне не по душе. Полное отсутствие представления о том, как это делается, и печальный опыт Остапа Бендера красноречиво указывали на то, что мне не стоит даже пытаться проползти под колючей проволокой или прыгать, надев коровьи копыта, по контрольной полосе.

Можно было выехать с туристической группой. Но этот вариант столь же рискован, как и покупка билета. Все туристические агентства трудятся под какой-нибудь «крышей». Не исключено, что Шито уже дал команду пасти меня. Я решил проверить это предположение.

Я позвонил в агентство, от которого должен был уехать неделю назад, и сказал, что срочно хочу купить тур в Европу. Представился, напомнил, что уже приобретал у них путевку. Меня попросили подождать. Затем к телефону подошел какой-то старший менеджер, который начал рассыпаться в любезностях и сокрушаться по поводу того, что я не смог поехать со своей группой. Как хорошо, что я им позвонил! Если я не раздумал путешествовать, мне непременно предоставят другой тур с бешеной скидкой. Если разду-

мал, то они готовы возвратить мне сорок... нет, семьдесят процентов от уплаченной мною суммы...

Короче говоря, через пару минут я убедился, что этот менеджер — или кто он там был? — лезет из кожи, чтобы только заманить меня в офис. Можете счесть меня чересчур мнительным, но мне такое гостеприимство и невиданная щедрость показались слишком подозрительными.

— Обязательно приеду завтра во второй половине дня, — пообещал я, чтобы положить трубку и забыть адрес этой конторы.

Но ехать было необходимо, и я решил рискнуть. Я придумал кое-что. Хитрость не бог весть какая, но я утешал себя тем, что глупые проекты как раз и выгорают, хотя бы просто потому, что их глупость очевидна для всех. Кроме того, у меня, кажется, не было выхода. Шито уже наверняка знает, что я предпринимаю попытки выехать за бугор.

Я принялся обзванивать турфирмы. Для начала нужно было найти те, чьи группы отправляются в Европу в течение ближайших трех дней. Удалось найти две. Но, поскольку круиз на теплоходе был мне ни к селу ни к городу, остался только вояж на автобусе. Поездом до Бреста, а там — «на комфортабельном автобусе». Поезд отходил сегодня вечером.

Если следовать моему плану, то вариант — идеальный.

Жду до пяти вечера и отправляюсь в путь, с тем чтобы войти в офис за несколько минут до закрытия.

Без семи минут шесть я открыл тяжелую дверь.

— Добрый день! — встретила меня улыбающаяся девчушка.

— Здравствуйте, я не опоздал? — Дальше я понес околесицу, что звонил-де и договаривался о том, что приеду с деньгами.

Девушка растеряна. Она ничего не знает, ее не предупредили, а руководство только-только уехало. Но ничего страшного. Если я объясню ей, в чем дело, она с удовольствием мне поможет.

Объяснил. Сотрудник нашей фирмы хочет прокатиться на их автобусе до Парижа и обратно. Вдвоем с сыном. Я звонил сегодня, и мне сказали, что подходящая группа едет завтра, а в автобусе есть несколько мест. Визы у них уже открыты, так что...

— Я сейчас посмотрю... — Девушка неуверенно взяла в руки папку и извлекла схему маршрута автобуса. — Да! — спохватилась она. — Но ведь эта группа едет не завтра, а сегодня! У них поезд в девятнадцать часов с Белорусского вокзала...

— ...а завтра,— подхватил я,— они будут уже в Бресте, где и сядут в автобус. Наш сотрудник работает в Бресте. Он уже там. Так что он просто присоединится к вашей группе там. Я вам отдаю деньги за две путевки, а вы мне сообщаете, где искать автобус.

— Да, но гид... места в гостиницах...

— В крайнем случае они позвонят вам сюда, и вы подтвердите, что все в порядке.

— Ну, я не знаю, можно ли так делать...

Девушка трепыхалась еще минут пять. Чтобы сломить это сопротивление, я достал из бумажника баксы. Этот аргумент решил дело, и мне дали договора и квитанции. Я старательно заполнил анкету, вписывая туда господина Булкина, тридцать девятого года, и Сашу Фетисова, девяностого.

Напоследок я получаю предупреждение, что необходимы документы на ребенка, и пожелание хорошо отдохнуть.

Выходя из конторы, я посмотрел на часы. Уложился в пятнадцать минут. Через двадцать минут я вышел из метро на «Белорусской», прошел к вокзалу и, предъявив проводнику «портрет президента Гранта» в качестве проездного документа, занял место в купе.

Утром я подошел к нужному автобусу, возле которого уже копошились, укладывая тюки и сумки, граждане туристы. Спросил гида. Объяснил, что еду с ними.

— Господин Булкин?

— Нет, моя фамилия — Фетисов. Булкин — мой партнер в Москве, он оплачивал путевки.

— Понятно. А где же ваш сын?

— К сожалению, он не поедет. Мне поздно сказали, что нужны документы на несовершеннолетнего, и я не успел их оформить.

Гид охнул, посочувствовал, проверил визы в моем паспорте и мимоходом предупредил, что вопрос о возврате денег мне нужно будет решать в московском офисе.

И вот мы уже катим по Бресту к заветной черте, которую нужно переступить, перепрыгнуть, переползти, — государственной границе, чтоб ей пусто было!

Подъехали, пристроились в очередь. Вдоль вереницы машин сновали бабушки и тетеньки с сумками и ведрами: предлагали вареную кукурузу, глазированные сырки и еще что-то. Гид начал отрабатывать свою зарплату, объясняя устройство местной таможни: первый шлагбаум, второй шлагбаум, третий... Большая часть туристов внимательно слушала. Смешно!

Больше часа ушло на то, чтобы добраться до второго шлагбаума, потом еще час, чтобы доехать до самой таможни. Серое здание, угрожающе преградившее путь стремящимся «пересечь». Справа — боксы для досмотра ма-

шин. Гид засуетился, раздавая декларации. Если у кого валюты больше, чем указано в справке, можно сдать на хранение ему. Нам нужно будет выйти с вещами из автобуса и пройти через таможенную. Автобус проедет через боксы.

Гид взял мой паспорт, свою папочку и устремился внутрь серого здания. Минут через десять он уже бежал обратно. Влез в автобус и бросился ко мне:

— У вас российский паспорт с собой?

— Конечно.

— Берите и пошли. Сразу и вещи берите.

Я начал шарить в кармане сумки. Гид нервничал, торопился.

— Ладно,— он бросил мне на колени мой «заграничный»,— ищите, и вон в ту дверь.— И помчался.

Я достал свой серпастый-молоткастый и зашагал следом. Весь автобус, раззявив рты, ковырял меня любопытными взглядами. Зачем понадобился мой второй паспорт? Кто-то рассказывал мне, что у белорусских чекистов все шиворот-навыворот. Белорусская таможенная! И звучит-то как...

Белорусская таможенная! Я замер с поднятой ногой. Белорусская таможенная! Я вспомнил слова Шитова о том, что даже на белорусской таможне у него есть свои люди. Почему даже? Почему меня выдернули персонально и тре-

буют с двумя паспортами и вещами? Инстинкт самосохранения признает только одно объяснение.

Я беспомощно огляделся по сторонам. Куда бежать? Куда спрятаться? Впереди — здание таможни и боксы. Справа — магазины «duty free» и туалет. Слева — мусорные баки и какие-то непонятные сооружения. Позади — шлагбаум. И кругом забор, как в просторной вольере. Сейчас меня отловят, как зверька, и начнут свежевать. И не спрятаться...

Нельзя долго стоять на месте. Чтобы выиграть время, я направился к мусорным бакам, шаря для виду в сумке. Идеи в голову не приходили. Я попросту растерялся.

Рука моя наткнулась на пакет с фотографиями и кассетой — те самые мелочи, которые потом не купишь...

Дойдя до баков, я сделал то, о чем и подумать не успел: бросил сумку в мусор, оставив в руках пакет. Представляете, как реагировали эти зеваки в автобусе? Щелкнуть бы напоследок кого-нибудь по носу. Достойная сцена прощания с Родиной!

Ноги сами несут меня дальше. Я иду к автомобильным терминалам.

Наперерез мне от стены отошел человек с автоматом. Он только начал поднимать руку, как я, чуть изменив направление, двинулся

уже вдоль боксов, словно искал какую-то машину. Пограничник обернулся. Вот вам и часовой на посту! Я нырнул в бокс. Хозяева стоявшего там «мерса» не обратили на меня внимания, но таможенник удивленно поднял брови. Уверенным шагом я прошел между колоннами в соседний бокс и вышел уже за спиной у другого таможенника, который ковырялся в багажнике «рено». Развернувшись, я пошел прямо на него.

— Вы кто? — выпрямился чиновник, грозно хмурясь.

— Мне в туалет, — идиотски улыбнулся я и показал пальцем на домик на белорусской стороне.

— Вы туда или оттуда?

— Туда, — показал я пальцем себе за спину.

— Контроль прошли?

— Прошли, — кивнул я, не переставая улыбаться.

— Ну, а какого ... тогда? — взорвался таможенник. — Куда вот вы претесь? Это же граница ... твою ...! Что ты лазишь здесь взад-вперед? Незаконное пересечение ... твою! Сейчас задержу, и пойдешь не в туалет, а на парашу в камере!

Вежливо извиняясь и кланяясь, я попятился, нисколько не обидевшись на брань сознательного, но доброго к дуракам служащего бе-

лорусской таможи. Так меня с позором выдворяют «обратно» в Польшу.

Теперь, правда, у меня нет штампов о пересечении границы. Но Збышек наверняка уладит этот вопрос. Мне бы только доехать до Варшавы.

Глава XVI

В Париж я вошел пешком. На своих, так сказать, двоих.

Не поверите, но проехать насквозь три страны на попутках оказалось не так уж сложно. Слухи об альтруизме европейцев оказались несколько преувеличены, но, в общем, можно найти добрых автовладельцев, с которыми тебе по пути. Трудности возникали по большей части при посадке. Произнести «Париж» я еще мог, но когда остановившийся водитель начинал тараторить, объясняя мне свой маршрут и спрашивая, удобно ли будет мне проехать куда-то там, самой мудрой линией поведения было стоять, кивать и глупо улыбаться. За благо было, когда водитель тыкал меня носом в карту, хоть как-то ориентируя меня в чуждых землях.

Купить еды тоже не составляло труда: подошел к магазину или забегаловке, ткнул паль-

цем в нужное блюдо, протянул деньги. А вот с ночлегом беда. Не знаю почему, но я опасался ночевать в отелях. Предъявлять паспорт со своим настоящим именем мне не хотелось. Мало ли, насколько длинные руки могли оказаться у моих российских «друзей»! Так что спал я, считай, на ходу: сидя на остановке, стоя у обочины с поднятой рукой, шагая пьяной поступью по краю шоссе.

Вымотанный до предела и истерзанный недосыпанием, я поначалу крепился, стараясь сидеть в гостеприимном салоне, демонстрируя бодрость и любезность, но вскоре откровенно ломался и засыпал. В конце концов, мои потуги выглядеть воспитанным не имели никакого смысла. Будь у меня возможность развлечь кого-то беседой или анекдотом — это одно. Но я не говорил ни на одном языке, кроме родного, не пел, не показывал фокусы. Так что я закрывал глаза и ронял голову, едва захлопывал за собой дверцу.

Единственная удачная ночь — переезд с какими-то хиппи до Гааги. Битком набитый микроавтобус показался мне самым комфортабельным салоном. Я просто рухнул вдоль стенки, забившись в щель за тяжелым ящиком, и уснул, не обращая ни малейшего внимания на гвалт, музыку и возню, не прекращавшуюся до самого утра. Никогда не спал так крепко и сладко.

Но в Париж я вошел пешком. Близость заветной цели придала мне сил, и я едва не бежал по указанному мне водителем трейлера пути. Его путь лежал в объезд столицы, но, прощаясь, он несколько раз показал пальцем на дорогу, с которой сворачивал, и произнес волшебное «Пари».

Зайдя в какой-то бар, я дал последний сеанс пантомимы, размахивая заначенной на этот случай двадцаткой и объясняя, что хочу позвонить. Стоявшая за стойкой мадам, крушившая своими габаритами все стереотипы о стройности и миниатюрности парижанок, демонстративно морщила нос, и так достаточно напоминавший пяточок, пока я не объяснил ей в самых красноречивых и изысканных жестах, что она может оставить все двадцать баксов себе за один-единственный звонок по ее телефону, который не стоил этих денег даже вместе с кабелем и розетками. Спрятав мои баксы в стол, хозяйка поставила передо мной аппарат.

Я набрал номер отеля «Модерн» и чуть не заплакал от счастья, услышав голос Лиз.

— Лиз? Мадемуазель Лиз? Это я, турист из Москва!

— А, да-да. Добрый день.

— Попросите мадам Нину Полеску.

— Минуточку, мсье.

Я дошел! Я добрался, черт возьми! И мне совершенно наплевать, что на меня косятся барменша и сидящие вдоль ее полированной стойки посетители. Я, наверное, похож на бомжа: небритый, нечесаный, мятый, словно меня постирали целиком, выжали, но забыли погладить. Бомжи в Париже зовутся клошарами. Так что я уже клошар. Похож на клошара. Плевать! Я заплатил за этот звонок, а если на меня будут так коситься, я завтра же выкуплю эту забегаловку и выгоню барменшу с работы к едрене фене. Так и скажу ей: «К едрене фене!» Пусть копается в словарях и выясняет, что это значит...

— Алло?

— Наташка! — Я задохнулся от восторга.

— Олег! Где ты? — Голос взволнованный, испуганный.

— Я здесь, солнце мое!

— Где? Где «здесь»?

— Хрен его знает где, но я в Париже. Я точно в Париже! Слышишь?

— Слышу. Господи, какой ты молодец! Откуда ты звонишь?

— Из харчевни из какой-то.

— Передай трубку хозяйке или кто там из персонала...

Передал. Передал и смотрел, слушал, как эта толстуха с ручищами-клешнями ворковала в трубку, объясняя, где находится их дол-

банный кабачок, в котором так не любят небритых русских, унесших свои усталые ноги от своей русской мафии.

Трубка вернулась ко мне, и я выслушал нехитрые инструкции, как добраться до отеля. Оказывается, Наталья жила в двух шагах от того самого Клиши. Крутой, должно быть, отель.

Наталья уже попросила барменшу вызвать для меня такси, так что мне оставалось сделать лишь то, чем я занимался последнюю неделю: сесть в машину и ждать, пока предложат выметаться.

Со своей ролью я справился, благо недельная тренировка принесла свои плоды. Не поверите, но я благополучно заснул, приложившись виском к стеклу, и оттого заключительная часть моего путешествия стала окончательно похожа на сказку.

Открыв глаза, я увидел Наташку.

Она встречала меня уже с сумкой на плече, так что изучить апартаменты «Модерна» мне не пришлось. Мы поехали в другой отель, где должны были по Натальиному плану прожить несколько дней до отъезда из Парижа.

Она попыталась, насколько смогла вжиться в новый образ, стать хоть сколько-нибудь другим человеком, но удалось ей это плохо.

Не было больше балахона, джинсов и кроссовок. Было нечто более классическое, но кофта, как всегда, на несколько размеров больше, и рукава, как и прежде, собраны на локтях в огромные гармошки. Нет, милостивые государи, моя Наташка, пусть и одетая по буржуйской моде, оставалась моей Наташкой. С той лишь разницей, что в кармане ее лежал изящный бумажник, купленный неподалеку, в «Galleries Lafayette», а в бумажнике, в специальных кармашках, — две кредитные карточки на не очень круглые, но достаточно внушительные суммы.

Первым порывом было обменяться кучей вопросов и впечатлений о последних днях, но я знаком попросил ее молчать. С того самого момента, как меня взял в оборот излишне любезный водитель «опеля», у меня появилась аллергия на транспортные средства, навязывающие свои услуги. А такси, пусть и парижское, было как раз из этой категории. Так что пришлось покрепче прикусить языки. Мы просто ехали и пожирали друг друга глазами, прямо-таки обгладывали взглядами.

В какой-то момент Наташка встрепенулась и, обернувшись, стала тыкать пальцем куда-то вдоль набережной.

— А вон там Нотр-Дам!

— Слава богу, — ответил я, улыбнувшись.

Мы засмеялись, пожалуй, чересчур громко, заставив водителя заерзать и остаток пути коситься на нас в зеркало.

Сами понимаете, что задать терзавшие меня вопросы я смог лишь спустя минут сорок после того, как мы ворвались в предусмотрительно снятый Наташкой номер. И вот что я услышал в ответ.

Узнав в турфирме, что я не сел в автобус, она задержалась и решила, что я крепко завяз в гостях у Валдиса. Связавшись с ним, она действительно предложила выкупить меня. Валдис повел себя слишком нагло и самоуверенно. Слишком. Из чего стало понятно, что он блефует: ему не на что меняться. Это могло означать только одно: я воспользовался таблеткой. Мысль о том, что меня просто пришли, Наташка сразу отбросила. Она считала меня слишком умным, чтобы не продержаться сутки, водя бандитов за нос.

Как и было задумано, она встретилась со своим профессором и благополучно купила у него изотоп. Запаковав контейнеры в болты, она прикрутила колеса и поехала. Сначала путь ее лежал до Нижнего. Потом она проехала до Москвы по тому самому маршруту, каким мы катили с Гришаевым, только, разумеется, в противоположном направлении, в том, каким ехал загадочный прапорщик. От Москвы ей предстоял переезд через некогда

братскую Беларусь. Давить на педали и крутить баранку — дело утомительное, но, кроме этого, до польской границы трудностей не возникло.

Проблемы начались на белорусской таможне. Изучив ее документы, служащий удалился в здание, чтобы через несколько минут возвратиться в сопровождении целой делегации чиновников разного калибра и достоинства.

Наталью попросили отогнать машину в сторону и выйти. Она поинтересовалась, в чем дело, но довольно глупо было качать права в подобном заведении.

Служаки принялись разбирать машину на составные. Именно так, ни больше ни меньше. Они не начали с поверхностного осмотра, они сразу же стали вытаскивать сиденья, полезли в двигатель и — о, ужас! — открутили колеса. К счастью, их не заинтересовали болты — они явно искали нечто более объемное. Поняв, что груз вне опасности, Наталья взяла себя в руки и несколько осмелела:

— Может, скажете мне, что вы ищете? Я бы могла облегчить вам задачу. — Не получив ответа, она обратилась к другому чиновнику, помоложе и с загривком потоньше: — Скажите, вы действительно хотите найти контрабанду или решили поупражняться в этом на личном транспорте слабой женщины?

— Отойдите, пожалуйста.

— Пожалуйста-пожалуйста. Я только хотела поинтересоваться, соберете ли вы машину обратно. Сама я этого сделать не смогу, а у вас, я слышала, права человека не в почете...

— За оскорбление должностного лица у нас, в самом деле, предусмотрено наказание. Но это, кажется, не только у нас,— ответил таможенник.

Наталья поняла, чтохватила через край, и отошла в сторону, с беспокойством наблюдая за метаморфозами, происходящими с ее автомобилем. По характеру обыска, по тому, как бесцеремонно обнюхивали салон две овчарки, Наталья заключила, что ищут наркотики.

Я вот, когда вспоминаю ее рассказ, подумываю о загадочном мафиози: не с его ли поддачи был затеян этот обыск?

Как вы сами понимаете, наркотиков таможня не нашла. Они не нашли вообще ничего, что могло бы представлять интерес или послужить зацепкой для задержки.

— Можете следовать,— буркнул старший, отдавая документы, даже не заикнувшись об извинениях.

Собирать машину также никто не думал. Тот таможенник, с загравком поуже, начал было помогать, но его вскоре вызвали ку-

да-то, и Наталье пришлось в одиночку крутить гайки и шуровать домкратом.

Впрочем, когда она уже заканчивала, подошел какой-то гусь в спецодежде и предложил свою помощь. От помощи Наталья отказалась, попросив лишь проверить, все ли в порядке с мотором. С похвальной готовностью ремонтник полез под капот, а затем даже нырнул под машину. Что-то где-то привернул, покопался пару минут. Закончив эти манипуляции, мужик завел двигатель. Звук ему не понравился, и он снова залез под капот, подправил гаечным ключом и с довольным видом вытер руки: все!

Наталья села за руль, а человек в спецодежде удалился, попеняв ей на какие-то стершиеся колодки. Она даже не поняла, относилось ли это к ее машине, или колодки стерлись у спеца.

Наталья поехала дальше, в Варшаву.

Отъехав несколько километров от границы, она была вынуждена остановиться: нервное напряжение на таможне не лучшим образом отразилось на физиологии. Говоря проще, ей нужно было в туалет.

С подобными заведениями в Европе проблем нет. Наталья остановилась у какой-то харчевни и, сразу достав из кошелька немецкую марку — германская валюта в Польше

пользуется завидным уважением,— направи-
лась ко входу.

Обе кабинки оказались заняты. Стоять под
дверью было стремно, и Наташка отошла к
витрине, решив, что изучить меню никогда не
будет лишним. Машинально бросив взгляд из
окна на свою машину, она вздрогнула. В ма-
шине, конечно, никого быть не могло, но ей
показалось, что она заметила движение. По-
дойдя ближе к окну, Наталья посмотрела
внимательнее. Ничего подозрительного или
необычного не происходило. Но в тот самый
момент, когда она уже готова была отвернуть-
ся, над водительским креслом вынырнула го-
лова в бейсболке. У нее угоняли машину!

Наталя с криком бросилась на улицу. За
ее спиной кто-то взвизгнул, что-то грохнуло,
и Наташка даже успела удивиться, сколь бур-
ный поднялся переполох.

Она вылетела на улицу и замерла на крыль-
це, ища глазами свою машину. Машины не
было видно! Немыслимо, чтобы человек
успел исчезнуть за те доли секунды, которые
понадобились для того, чтобы выбежать из
дверей на улицу. Посреди стоянки полыхала
какая-то куча мусора. Возможно, машина
удалялась, скрытая огнем и клубами дыма.

Наташка сделала шаг в сторону, чтобы
обогнуть этот факел,— тщетно.

Из харчевни меж тем выбегали люди. Толкая Наташку, они не обращали на жертву преступления никакого внимания. Их почему-то крайне заинтересовал этот дурацкий костер: они галдели, указывая на пламя, и постепенно собирались в круг вокруг горящей кучи.

Наташка тоже взглянула на кучу. Зажмурилась и снова открыла глаза.

Куча мусора, яростно горевшая посреди стоянки, минуту назад и была ее машиной. Вот что грохнуло: взрыв! Наталье стоило бы поцеловать горемыку угонщика в задницу за то, что он подорвался вместо нее. По ее словам, в тот момент она готова была отдать долг, если бы удалось отыскать в этом жару хотя бы кусочек мягких тканей.

Спустя несколько минут ей стало уже не до этих нежностей. Прибыли пожарные с брандспойтами и полицейские с вопросами. Вопросов было гораздо больше, чем воды у пожарных, и допрос занял намного больше времени, чем тушение пожара и разбор пепелища. Еще слава богу, что Наталья таскала паспорта в кармане джинсов.

Полицейские пособили ей со звонком в Варшаву. Примчавшийся Петрик — один из Натальиных приятелей — забрал ее с этой стоянки и под видом осмотра останков помог выкрутить болты.

После такого пожара и взрыва понять сразу, что за существо заводило двигатель, было невозможно, и Наталья на всякий случай соврала, что угонщиком была молодая девушка. Не могло быть двух мнений относительно происхождения бомбы — ее заложили на таможене. Скорее всего, это сделал любезный техник. Так что лучше, если авторы взрыва прочтут в сводках о гибели девушки.

Дальше все снова пошло более или менее по плану. Наташка и Петрик приехали в Варшаву. Болты были проданы, деньги превращены в дорожные чеки. Наталья Ливская превратилась в Нину Полеску. Правда, до Парижа Наташка добиралась поездом и в отель прибыла с опозданием. Лиз обрадовала ее, сообщив о русском, который разыскивает мадам Нину Полеску. Она поняла, что это — я, и восприняла эту новость как хорошую: я до сих пор жив, а значит, мне поверили.

Наталья снесла чеки в банк и, оставив десять тысяч франков наличными, обменяла их на кредитные карточки. Днем позже она забрала у своего, теперь уже парижского, знакомого два паспорта. Один на имя Николь Патик, другой — для Оле Мартена. Хорош я Оле Мартен, не знающий ни черта ни по-французски, ни по-испански, ни вообще ни по-каковски!

Дальше ей оставалось лишь ждать меня. Как многие из вас уже догадались, она меня дождалась.

Единственным непонятным моментом остался вопрос: кто же отвез меня в морг?

Наташка считает, что это сделал Валдис. Скорее всего, меня бросили где-нибудь в подворотне, не посчитав нужным везти за город и закапывать. Безымянный труп разберут в анатомичке, а квартирой можно будет пользоваться весьма неограниченное время. Или даже сбыть, подделав пару документов. Раз я мертв, то никто бы не предъявил иска.

Мне эта версия не очень нравится. В морге могли проверить меня по компьютеру, а моя дактилоскопия, как и всякого отбывавшего, у них есть. Ну, да какая теперь разница? Разве поставить свечку Валдису, что не стал отрезать мне пальцы?

Эпилог

Наташка впилась коготками мне в плечи, замерла на несколько секунд, а затем объятия ее ослабли и она со вздохом опрокинулась на спину. Она раскинула руки в стороны, и кисти ее негромко стукнули по упругому матрасу.

Минуту или две мы лежим без движения. Полное опустошение и отсутствие сил пошевелиться. Я смотрю снизу вверх на опущенные жалюзи. Под таким углом они кажутся бесконечно высокими, а нижние планки выглядят просто огромными. С подушки эти жалюзи напоминают мне Потемкинскую лестницу.

— Прикури мне сигарету,— подает голос Наташка. Строго говоря, эта просьба только звучит так коротко. На самом деле подразумевалось, что я возьму сигарету, прикурю, поднесу к ее губам, а потом буду еще подставлять

пепельницу, чтобы моя красавица не обсыпала себя и подушку.

Все это чистой воды капризы. Я, например, когда курю в постели, просто ставлю пепельницу себе на грудь. Наталье этот вариант не подходит: хрустальные пепельницы очень холодные, пластиковые — слишком легкие и неустойчивые.

Пока я достаю сигарету и шарю по трюмо в поисках зажигалки, моя красавица поднимает голову и смотрит на меня, подперев щеку кулачком. Влажная прядь прилипла ко лбу, тушь под левым глазом размазана длинным следом до самого уха.

— Какое блаженство! — произносит она и сама берет у меня зажженную сигарету.

— Согласен, — говорю и закурываю сам.

— Согласен! — недовольно фыркает она. — Тоже мне, романтик!

Да, я не романтик. Это мы уже обсуждали. И она не упускает случая попенять мне за это. Ну, скажите на милость, какой смысл запоминать и старательно держать в голове первую встречу, со всеми подробностями и нюансами, первую фразу, первый поцелуй. Добро бы, если бы список этим и ограничивался. Так ведь нет! Нужно помнить с точностью энциклопедического словаря все встречи, все фразы, все поцелуи, рукопожатия, факты наступления на ногу, ссоры и когда во

что она была одета. Прозэкзаменовать тебя могут в любой момент, и, если что не так,— кровная обида. Какое счастье, что я могу благополучно сослаться на пробелы в памяти! По-моему, документально подтвержденная амнезия — важная составная счастливой семейной жизни.

— Радость моя,— дотягиваюсь до ее бедра и примирительно поглаживаю нежную кожу,— ну ты ведь знаешь, как я тебя люблю. Я же прошел огонь и воду, чтобы встретиться с тобой...

Наташка выпускает в потолок длинную струю дыма. Непонятно, как это переводится на нормальный язык. На всякий пожарный, продолжаю гладить.

— Страшно подумать, что я мог бы тебя потерять,— говорю я медленно, нараспев. Во-первых, я не Сирано, чтобы воспевать свою единственную ночь напролет, во-вторых, так ей быстрее надоест слушать.

— Есть хочу.— Тема любви и верности ее больше не интересовала.

— Пойдем позавтракаем.

— Еще рано.— На всякий случай она смотрит на часы.— Все закрыто.

— Можно пойти на рю де Виенн. Пока оденемся, пока дойдем, как раз...

Она смеется. Ей не нравится мое произношение.

— Что опять? — спрашиваю, заранее зная ответ.

— У тебя «рю» звучит как вторая половинка нашего «хрю».

Парирую:

— Вашего «хрю»?

Все равно она смеется надо мной. А мне нравится, как звучит французский. Нравится произносить что-то на французском. Жаль, что мой словарный запас составляют пока в основном названия улиц и блюд.

— А мне нравится французский,— говорю я вслух.

— Ну, если хочешь, можем пожить здесь еще. В чем проблема! Теперь уже все позади, мы, слава богу, встретились...

Неожиданно она переворачивается и приподнимается на локтях.

— Слушай,— говорит она тоном, каким произносят «я сдаюсь» люди, не отгадавшие загадку,— но я никак не могу понять, почему ты не поехал автобусом. Решил не рисковать? Или интуиция?

В ожидании ответа она замолкает, и в номере воцаряется тишина. Удивительная тишина. У нас так тихо не бывает даже по ночам: то что-то проедет, то загундосит чья-нибудь сигнализация, то донесется откуда-то

песенка из полутора нот. А здесь... Европа, словом. Цивилизация. Единственный звук — капает вода из крана.

Не спешу с ответом. Думаю, что бы со-
врать поудачней. Правду я успею сказать сра-
зу и без подготовки. Думаю и считаю падаю-
щие капли. Успел насчитать шесть, когда На-
талья не выдерживает.

— Ну, так что? — нетерпеливо скребет она
ноготком по моей руке.— Интуиция?

Черт его знает почему, решаю сказать, как
есть.

— Я забыл.

— Что забыл? — Она не может понять, как
все просто. Начала лихорадочно перебирать в
уме детали нашего плана, пытаюсь привязать
к чему-то мое «забыл».

— Все забыл,— говорю просто.— И про
поезд, и про самолет.

Нижняя губа у нее отвисает, и изо рта на-
чинает сочиться сигаретный дымок. Она де-
лается похожей на дракона из какого-то мульт-
тика. Лежит себе, пускает дымок.

— У тебя был... — Она еще не может пове-
рить.— Твой этот... провал?

Киваю покаянно:

— Точно. От твоей пилюли произошло ко-
роткое замыкание, и два дня — коту под
хвост. Как отрезало.

— Ни фиги себе! — Наталья снова опрокидывается на спину и глубоко затягивается.

Я гашу свою сигарету и иду в ванную закрыть кран. Когда возвращаюсь, моя красавица сидит по-турецки, прикрыв ноги простыней. Мне кажется, она комплексует из-за того, что у нее узкие бедра. Зря. Будь я Создателем, я бы лишь чуть прибавил ей грудь: слегка покруглей и чуть побольше соски. А то она смахивает на подростка. Бедрa ведь разойдутся после родов, а... хотя и грудь, наверное, станет побольше. Нет, пусть она остается такой, какая есть, красавица моя...

— Так ты потому был такой странный, когда звонил? — встречает она меня вопросом.

— В общем, да.— Сажусь на кровать.— А что ты так разволновалась-то?

— Значит, ты даже не знал, где я и где меня искать?

— Увы.

— И не помнишь моего звонка? Не помнишь, как я диктовала тебе парижский номер?

— Абсолютно не помню.

— И если бы не записал телефон, то просто остался бы бомжевать в России?

— Ну, бомжевать, положим, нет. Ребята Валдиса не оставили бы меня на произвол судьбы. А Шитов бы просто пропустил пару раз через мясорубку.

— Ясно.— Она что-то переваривает в мозгу. Причем переваривает с таким усердием, словно решает в уме уравнение с комплексными числами.

— А что ясно-то? — Подвинувшись ближе, обнимаю ее за талию.

— Ясно, что, если бы не случай, ты меня никогда не нашел бы...

— Ах вот оно что! Ну, если бы ты так хотела замести следы, могла поехать в любой другой город,— говорю, а сам с ужасом думаю, не попал ли в точку.

— Кретин,— произносит она устало.— Только о деньгах и думаете. Как бы надуть друг друга...

— Кого это ты имеешь в виду?

— Да вас, мужиков. Нос всю жизнь по ветру: где что плохо лежит? Хвать!

— Ну, не обижайся. Я пошутил.

— Я поняла.— Она делает последнюю затяжку и бросает окурок в направлении пепельницы. Окурок описывает красивую дугу, ударяется о хрустальное дно и выскакивает назад.

— Чего ты разозлилась? — Я встаю, чтобы поднять окурок. Надо как-то разрядить обстановку. А то сейчас начнутся выводы и наводящие вопросы: а помнил ли я о ней, что именно... Ну, а дальше по списку: забыл ли я первую встречу, первый поцелуй...

— На самом деле многое я помнил. Помнил о любимой женщине, например.— Улыбаюсь ей и посылаю воздушный поцелуй, другой рукой опуская ее окурок в пепельницу.— Помнил, что мы должны в конце концов встретиться в Амстердаме...

— Не встретиться, а приехать туда вместе,— вставляет Наталья ядовито.

— Ну да. Я оговорился. Помнил, что мы надули Валдиса благодаря твоей гениальной идее. Помнил, что нас ждет долгая счастливая жизнь, благодаря тем десяти капсулам в болтах твоей машины... — Не удержавшись, я решил ответить шпилькой на шпильку.

По выражению лица моей красавицы понимаю, что пошутил зря. Замолкаю в ожидании развития темы о нас, мужиках, гадах и хатках.

Наталья сидит передо мной бледная. Не пойму, то ли она рассердилась, то ли оскорбилась. Брови сдвинуты, губы сжаты.

— Как ты узнал? — спрашивает она наконец, опустив глаза.

— Что узнал? — Кажется, я добился совсем не того эффекта, на который рассчитывал, но не понимаю пока, что особенного в моих словах.

— Не валяй дурака. Как ты узнал про два контейнера?

— Какие?..— Вопрос не выходит из глотки. Вот это да! Вот так пошутил! Контейнеров было десять!

— Я должна была тебе сказать.— Она тербит край простыни.— В общем, я должна была взять еще два контейнера. Они не мои... того человека, который продал мне изотопы. Я оставила их в Праге...

Стою соляным столбом. Не могу поверить в происходящее. Может, у меня еще и паранезия развивается? Или просто галлюцинации? Наталья сидит передо мной и, сдерживая слезы, лепечет что-то о каких-то еще контейнерах.

— Олег... — Голос ее срывается.— Олжек... Я не хотела тебя обманывать, но этот человек... эти люди... это старая история. Это не я придумала с изотопом. Я не хотела, чтобы ты знал... Ты бы подумал... Господи, почему я не сказала тебе сразу?! — Она закрывает лицо руками и плачет.

Через мгновение я бросаюсь к ней, обнимаю, начинаю целовать. Она ревет пуще прежнего. Пытаюсь объяснить, что ни о каких контейнерах знать ничего не знал и знать не хочу, что я просто пошутил. Она не верит. Долго не верит, плачет, хватается за меня руками. Я сам чуть не плачу. В общем, бред полнейший. Кончается тем, что я торжественно клянусь ей, что, во-первых, пошутил, а

во-вторых, немедленно забуду об этом разговоре. Что-что, а забывать напрочь я умею. Уже забыл. Синдром Корсакова у меня: тут же все забываю. В конце концов, что такое триста штук по сравнению с моей красавицей?! Скажите после этого, что я не романтик!

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии
«Русский психологический детектив»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА-ПРЕСС*

Алейников Д.

А 45 Криминальный диагноз: Роман.— М.: АРМАДА-ПРЕСС, 1999.— 268 с.: ил.— (Русский психологический детектив).

ISBN 5-7632-0967-2

Согласившись помочь приятелю перевезти деньги, полученные не очень законным путем, Олег Фетисов попадает в аварию. В результате — частичная потеря памяти, больница и срок. Выяснив, что его подставили, Олег со своей подругой разрабатывают план, чтобы отомстить и вернуть деньги. Но тут память подводит вновь, и события начинают разворачиваться совсем не так, как было задумано.

УДК 82-312.4(02.044)

ББК 84(2Рос=Рус)6я5

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Литературно-художественное издание

Русский психологический детектив

Дмитрий Александрович Алейников
КРИМИНАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Роман

Заведующий редакцией
И. В. Новиков

Редактор
М. В. Шаповалова

Художественный редактор
А. Ю. Коннов

Технический редактор
П. Э. Кутепов

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага кн.-журн.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж 10 000 экз. (1-й завод 6 000 экз.).
Изд. № 0121. Заказ № 1935.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Изд. лицензия ЛР № 065874 от 06.05.98.
Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01643.С.98

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Вятка»
610044, г. Киров, ул. Московская, 122

НОВАЯ КНИГА СЕРИИ

Русский психологический детектив

Дмитрий Алейников

ВЕСЛО ХАРОНА

Их сроднило многое: и тоска по несбывшимся надеждам, по разбитому прошлому и безжалостно зачеркнутому будущему; и неутоленная жажда крови тех, кто виноват в этом...

Они хотели действовать сами, но их, дилетантов, никто не боялся. А Харон положил свое весло. Перевозчик в царство мертвых, невидимый суперкиллер, чья работа наводила ужас и восхищала, сообщил о том, что уходит на покой. Только вот лабиринт неожиданных обстоятельств, куда вдруг попадают виновные, окажется чересчур затянутым для одних и безвыходным для других. И тогда станет ясно: Харон вновь поднял свое весло.

В СЕРИИ «ОККУЛЬТНЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА»

издательство АРМАДА-ПРЕСС
представляет

Константин Максимов **«СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ ТАЙНЫ»**

(отечественный вариант американского
сериала «Секретные материалы»)

Новый цикл романов, посвященных расследованиям, которыми занимаются различные российские спецслужбы на протяжении всего XX века.

Первая книга цикла —

«Досье вурдалака»

В 1905 году подписан высочайший Указ о развитии научных и военных изысканий в целях овладения магическими силами. Для осуществления этих работ при Департаменте полиции Министерства внутренних дел создается Девятое Отделение, подчиненное одновременно и Императорской канцелярии.

Сотрудники Девятого Отделения — главные герои первой книги, рассказывающей о событиях 1904—1917 гг. Читатель соприкоснется с чудесами Шамбалы, загадкой графа Дракулы, тайной, сопровождавшей гибель «Титаника», и многими другими сверхъестественными феноменами.

Вторая книга цикла —

«Видящий смерть»

После революционных событий 17-го года судьба развела агентов бывшего Девятого Отделения по разные стороны баррикад. Утрачены, и кажется безвозвратно, секретные архивы, формировавшиеся на протяжении полутора десятков лет.

Но советская власть также нуждается в спецах, способных разобраться в непознанном. Создается Особый отдел ОГПУ. Новые времена, новые люди, новые правила игры...

Во второй книге, охватывающей период от начала Гражданской войны до тридцатых годов, читателя ждет встреча с призраками и вампирами из параллельного мира, загадкой телекинеза, тайной ясновидения и многим, многим другим.

